

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2021
№ 2(18)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 2(18)
2021**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2021
№ 2
(18)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2021
№ 2
(18)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>С.В. Зайцева</i> Повседневная жизнь русского помещика на территории Выборгской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.: материально-финансовые вопросы.....	6
<i>И.Г. Иванцов, И.В. Дубинин</i> Жизнь Екатеринодара середины XIX в. в письмах И.Д. Попко и дневниках В. Ф. Золотаренко	24
<i>Ю.В. Митлина</i> Создание системы торгово-санитарного контроля и предпосылки её реформирования в Российской империи в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Москвы)	33

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>И.В. Синова</i> «Все мы родом из детства далекого вышли...» (детская повседневность в женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в.).....	46
<i>В.А. Верременко</i> Женское кулинарное образование в России на рубеже XIX–XX вв.: хобби или обучение профессии?	58

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Д.А. Баринов</i> Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа	81
---	----

ПУБЛИКАЦИИ

Мария Скудре. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г. Публикация, комментарии и вступительная статья <i>В.А. Верременко, А.Е. Жукова, Д.А. Мельникова</i>	101
Сведения об авторах	134

Contents

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Svetlana V. Zaitseva*
Everyday life of a Russian landowner on the territory of the Vyborg province at the end of the XVIII – first half of the XIX century: material and financial issues 6
- Igor' G. Ivantsov, Igor' V. Dubinin*
Ekaterinodar life in the middle of the XIX century in the letters of I.D. Popko and the diaries of V.F. Zolotarenko 24
- Yuliya V. Mitlina*
Creation of the trade and sanitary control system and prerequisites for its reformation in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries (on the example of St. Petersburg and Moscow)..... 33

GENDER ASPECTS OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Irina V. Sinova*
"We all came from the long-ago childhood..." (children's everyday life in women's memoirs of the second half of the XIX – early XX centuries) 46
- Valentina A. Veremenko*
Female culinary education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries: hobby or professional training?..... 58

GOVERNMENT AND SOCIETY

- Dmitrii A. Barinov*
Leningrad opposition in 1925–1926 and higher school 81

PUBLICATIONS

- Maria Skudre. Dear Memories. Diary from November 2, 1897 to March 30, 1902. Public. and com.
Valentina A. Veremenko, Anastasiya E. Zhukova, Dar'ya A. Mel'nikova 101
- About Authors 135

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94-058.12(470.2)"18":336

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_2_6

С.В. Зайцева

Повседневная жизнь русского помещика на территории Выборгской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.: материально-финансовые вопросы*

В статье на основе архивных и опубликованных документов раскрываются материально-финансовые вопросы организации помещичьей жизни на территории Выборгской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Значительное влияние на финансовые вопросы ведения хозяйства оказывали действовавшие на территории Старой Финляндии шведские нормы и законы, которые необходимо было учитывать, особенно при налогообложении и привлечении крестьян к труду на помещичьей земле.

Основными источниками для изучения повседневных финансовых вопросов российских помещиков в Выборгской губернии стали личные документы барона А.И. Фредерикса: тетради для записи прихода и расхода денежных средств, тетради для записи денег, выданных в долг, а также отчеты управляющего домом и договоры с крестьянами на выполнение ряда работ по строительству нового дома.

Ключевые слова: дворянство, помещик, усадьба, деньги, финансы, повседневная жизнь, Выборгская губерния, Старая Финляндия, Таубила, Фредерикс.

Svetlana V. Zaitseva

Everyday life of a Russian landowner on the territory of the Vyborg province at the end of the XVIII – first half of the XIX century: material and financial issues

The article, based on archival and published documents, reveals the material and financial issues of landowner life on the territory of the Vyborg province at the end of the XVIII – first half of the XIX century.

Swedish norms and laws that were in force on the territory of Old Finland had a significant impact on the financial issues of household management, which had to be taken into account, especially in taxation and attracting peasants to work on landowners' land.

© Зайцева С.В., 2021

* Статья подготовлена по проекту «Густав III – Спренгтпортен – Екатерина II» в рамках ППС 2014–2020 «Россия – Юго-Восточная Финляндия» при финансовой поддержке Европейского Союза, Финляндии и Российской Федерации.

The main sources for studying the everyday financial issues of Russian landowners in the Vyborg province were the personal documents of Baron A. I. Fredericks: income and expense books, debts books, as well as reports of the house manager and contracts with peasants for work on the construction of a new house.

Key words: nobility, landowner, manor, money, finance, everyday life, Vyborg province, Old Finland, Taubila, Fredericks.

Материально-финансовое положение многих российских дворян уже в первой половине XIX в. было достаточно тяжелым, оно было тесным образом связано с их повседневным образом жизни, преимущественно в Санкт-Петербурге. Некоторые из них владели имениями за пределами столицы, зачастую рассматривая их как возможный дополнительный источник дохода.

Историографический обзор рассматриваемой темы может включать в себя исследования, связанные с особенностями земельного владения и правовых основ жизни дворян, хозяев имений Выборгской губернии [напр., 25], повседневной жизнью дворянства в рассматриваемый период [3; 23 и др.], взаимоотношениями помещиков и крепостных крестьян, прислуги и дворни [4; 5], историей и описанием усадебных комплексов, их внешним и внутренним убранством [7; 9; 24; 26].

Особый интерес представляют краеведческие исследования: они обращаются к большому количеству географических объектов на определенной территории (в частности, усадеб или имений в рамках Выборгской губернии), личностей и фактов, с ними связанных. Однако отсутствуют обобщающие работы, позволяющие сделать выводы о типичном образе жизни населения помещичьей усадьбы рассматриваемого региона. В основном внимание исследователей сосредоточено на архитектурном облике построек, перечислении семей или наиболее известных жителей того или иного конкретного земельного владения, степени его сохранности в настоящий момент. Из имений Выборгской губернии наибольший интерес краеведов вызывает усадьба Монрепо: история ее создания, жизнь известных владельцев, современное состояние и возможности использования этого музейного объекта. Среди работ, авторы которых обращаются к описанию и другим помещичьих владений, можно отметить труды финского архитектора Отто-И. Меурмана [28], а также современные исследования, касающиеся утраченных и сохранившихся усадеб Выборгского района Ленинградской области [1; 27, также встречаются публикации в местных газетах, например, «Выборгские ведомости», и интернет-ресурсах]. Тем не менее, эти тексты также являются достаточно краткими описаниями, не раскрывающими в полной мере различные аспекты повседневной усадебной жизни в рассматриваемый период.

В целом материально-финансовые вопросы повседневной жизни помещиков, в частности Выборгской губернии, не нашли отражения в современной историографии. В предлагаемой статье делается попытка на основе имеющихся материалов восполнить данный пробел.

На территории Выборгской губернии, образованной в первой трети XIX в., большое количество земель было роздано российским дворянам уже в XVIII в. Однако в Старой Финляндии, как стала называться эта территория, действовали особые законы, оказывавшие влияние на разные сферы жизни, в том числе на материально-финансовое положение владельцев имений.

В тот период, когда территория будущей Выборгской губернии входила в состав шведского королевства, в ней были введены особые правила пожалования земель. В середине XVII в. шведские аристократы, занимавшие высокие военные и государственные чины, получали земельные участки за служебные заслуги. Право собственности на эти участки было жестко ограничено: владельцы не имели права передавать их по наследству, земли могли быть возвращены короне [25, с. 87–88].

После присоединения Выборга в 1710 г. Петр I даровал первому обер-коменданту города, бригадиру Г.П. Чернышеву облагавшиеся налогами надель в волости Муолаа. Условием дарения было обязательство обер-коменданта следить за состоянием земель. По окончании срока дарения право владения аннулировалось, территория могла быть передана новому пользователю. Похожие с юридической точки зрения земельные владения, т.е. за служебные заслуги, получили и другие ближайшие сподвижники императора [2]. В 1714 г. императором был издан Указ о единонаследии, по которому поместья как земли, полученные временно за заслуги и на период службы, прекращали свое существование и становились наследственными владениями. Однако на территорию Выборгской губернии данный указа не распространялся, там по-прежнему пользовались шведскими судебными и административными нормами, хотя об этом не было подписано особого соглашения или договора. Когда владелец жалованной земли умирал или терял свое высокое должностное положение, его потомки были вынуждены оставить земли, полученные в Выборгской губернии.

Еще до подписания Ништадтского мирного договора, т.е. до официального перехода территории Карельского перешейка в состав Российского государства, по указу Петра I (1720) было роздано 32 имения, а концу XVIII в. было пожаловано еще более 30 имений. Причем, с западной стороны от королевской дороги дарения ликвидировались. По мнению Ю. Пааскоски, это было вызвано стремлением Петра I «выровнять северо-западную границу, пролежавшую на линии крепостных укреплений Выборга и Кексгольма», а также получением

дополнительных прибылей с налогов, что стало возможным благодаря ликвидации системы дарения земель [25, с. 89–90].

В 1714 г. было принято новое налогообложение, в соответствии с которым вводился единый годовой земельный налог (1 р. 40 к.), который крестьяне должны были выплачивать казне. В сравнении со «шведской» Финляндией налоговое бремя государственных крестьян российской Старой Финляндии было слабее, даже несмотря на то что в 1720 г. его увеличили (2 р. за надел). На жалованных дворянству наделах крестьяне дополнительно платили еще оброк и исполняли барщину, что составляло примерно 7–9 р. Уже в середине 1720-х гг. налогообложение нерусских провинций империи, в том числе бывшей шведской территории, было реформировано. В указе 1726 г. о налогообложении Выборгской провинции говорилось о том, что все налоги должны были учитывать шведские законы. Указ затрагивал в том числе и земли, находившиеся «во временном владении представителями дворянства или в повторном дарении, которые государство планировало в неопределенном будущем получить обратно в платежеспособном с точки зрения налогов состоянии». В 1727–1728 гг. была проведена налоговая проверка всех крестьянских наделов Выборгской провинции. По ее результатам для Старой Финляндии были определены земельные и подушные налоги, основанные на шведских нормах, при этом на территории отменялась российская подушная подать. Крестьян, работавших на жалованных землях, отличало то, что общую сумму налогового бремени определяли не хозяева-дворяне, а представители императорской власти. В результате ревизии вышло постановление, что с нововведенных налогов владелец земли оставлял себе две трети дохода, а одну треть передавал короне [27, с. 30].

Установленные в 1728 г. принципы и правила налогообложения дарованных земель сохранялись до начала 1770-х гг. Тем не менее, уже в 1760-е гг. ощущалась необходимость налоговой реформы. С точки зрения дворянства проблема заключалась в том, что изменения в налоговой платежеспособности крестьян не приносили пользу хозяевам земель. Уже в 1765 г. был опубликован указ об образовании новой Ревизионной комиссии по межеванию земель. В задачи комиссии входила подготовка и осуществление новой налоговой ревизии, которая включала бы новое распределение налогов как для государственных, так и для жалованных земель. Проект продвигался медленно, во многом это было связано с протестами дворян и крестьян. Дворянство расширяло свои усадебные хозяйства и не хотело, чтобы государство вмешивалось во внутренние налоговые взаимоотношения с крестьянами. Крестьяне не поддерживали ревизию, потому что с ее принятием они связывали новое повышение налогов [25, с. 90–93]. В итоге работа Ревизионной комиссии была полностью остановлена в 1788 г.

из-за новой русско-шведской войны, а возобновлена лишь в 1792 г., но уже в 1802 г. ее деятельность вновь была приостановлена. Таким образом, новые налоговые принципы так и не были осуществлены на практике [27, с. 30].

Одновременно с этим происходило усиление позиций российского дворянства и расширение прав на пожалованные земли. Земельные наделы, находившиеся во владении, утверждались личной государственной жалованной грамотой, в соответствии с которой даровалось определенное количество крестьян или наделов в определенной волости, провинции или губернии, а также условия дарения, в том числе срок «временно», «на умеренный период времени», «до смерти» владельца и т. д. В середине 1730-х гг. в отношении сроков дарения пришел термин «в вечное и потомственное владение», а через несколько десятилетий – «полная собственность». В соответствии с указом 1765 г. жалованные грамоты о дарениях земель в Выборгской, Лифляндской и Эстляндской губерниях должны были содержать единые формулировки, после чего в Старой Финляндии были установлены три возможных типа дарения: высшую категорию составляли земли, переданные в «вечное и потомственное владение», другие два типа считались «срочными» и «временными» владениями [25, с. 94–95]. Унификация терминов позволяла четко установить юридическое положение земли, собственности на нее и на то, что на ней находилось. При этом на территории Старой Финляндии принципы шведского земельного владения по-прежнему сохранялись. Крестьяне дарованных земель этих территорий изначально не были крепостными и считались индивидуально свободными, что ставило формулировки жалованных грамот о собственности в противоречие с принятыми на территориях нормами. Кроме того, налоговой ревизией 1728 г. было установлено, что корона и в дальнейшем имела право определять налоговые отношения донатариюв и крестьян, независимо от содержания жалованных грамот, указывавших на полное право собственности. Чиновники местного управления, независимо от формулировок жалованных грамот, придерживались в их отношении такого же порядка, что и в отношении временных донаций: дворянству были дарованы лишь две трети годового дохода с земельного налога [25, с. 96].

Расширение права собственности на землю в случае «вечного и потомственного владения» открывало возможности ее наследования, завещания, закрепления, продажи, покупки, закладывания в счет долга, постепенно распространявшиеся и на территории Старой Финляндии. Продажа и покупка жалованных земель участились в 1760–1770 гг. Предметом сделок обычно становились средние и мелкие территории, распределенные между наследниками. При этом в купчих, как отмечает Ю. Пааскоски, не было упоминаний о крестьянах, душах, которые были своеобразным мерилем собственности. Вероятно, это было

следствием ряда судебных разбирательств, рассматривавшихся местными судебными органами. Видимо, первоначально владельцы земель в Старой Финляндии действовали по привычному им принципу, характерному для остальной российской территории: при продаже, покупке или закладывании имений в счет долга учитывались души крестьян, особенно если для реализации данных операций дворяне обращались в Государственный заемный банк. Часть выдаваемых кредитов шла на содержание дворян и на их личные расходы. В качестве кредитной гарантии дворянин закладывал имеющихся в собственности крепостных: за одну крепостную душу можно было получить 40 руб. кредита [25, с. 96–98]. При этом для получения займа дворянин должен был доказать, что имеет право собственности на закладываемые крестьянские души.

Первые заявления на займы из Старой Финляндии были приняты к рассмотрению осенью 1786 г. Заложить крестьянские души и получить ссуду стремились владельцы многих имений: генерал, граф И.П. Салтыков; вице-президент Адмиралтейств-коллегии, граф И.Г. Чернышев; штабс-капитан Преображенского полка А.И. Фредерикс; действительный камергер, граф П.В. Бутурлин. Однако в ноябре 1786 г. Выборгская палата городского суда вынесла постановление, в соответствии с которым объявлялось, что крестьяне Старой Финляндии не являлись собственностью дворянина-владельца земли, следовательно, их невозможно было заложить в качестве гарантии в Государственный заемный банк. Палата гражданского суда отправила решение по данному вопросу в Правительствующий сенат, который подтвердил его специальным указом 15 января 1787 г. Данное решение имело несколько последствий: оно вызывало в среде дворян возмущение, поэтому многие представители высшего дворянства продали свои имения нижестоящим чинам, а также купцам. Кроме того, в формулировки жалованных грамот вносились изменения: в них теперь указывалось, кому принадлежит дарение, какие деревни и какое количество душ относится к дарованной земле (но не принадлежит владельцу) [25, с. 99–100].

В результате многих торговых сделок владельцами земельных участков в 1770–1780-х гг. все чаще становились дворяне более низкого статуса с социальной и экономической точки зрения. Они были вынуждены заниматься развитием усадебного хозяйства с целью увеличения собственных доходов путем оптимизации сельского хозяйства, устройством мануфактур и предприятий на своих землях. Однако для развития усадебного хозяйства дворянам необходимо было увеличить трудовую повинность крестьян. Для выполнения сельскохозяйственных работ (подготовки земли к пахоте, посева, сбора урожая и т.д.) требовалось большее количество рабочих рук, но нормы, установленные ревизией 1728 г., не позволяли владельцу уве-

личить трудовую нагрузку крестьян. Дворяне пытались доказать, опираясь уже на шведские законы, по которым жалованные земли являлись шведскими фрельзами, т. е. землями, переходившими по наследству. В таком случае крестьяне являлись арендаторами земли. А в соответствии со шведским земельным законом Кристофера Баварского 1442 г. арендаторы должны были раз в шесть лет составлять с собственником земли налоговый контракт. В таком контракте дворяне видели возможность обойти нормы ревизии 1728 г., получить резкое увеличение работающих крестьян, а обрабатываемые ими поля привести к налогообложению. В целом императорская власть не возражала против таких налоговых контрактов, но требовала их подтверждения в местных судах [25, с. 101–102].

Первый налоговый контракт, как отмечает Ю. Пааскоски, был заключен придворным аптекарем М.Х. фон Брискорном при приобретении в августе 1772 г. жалованной земли Сумбула в волости Рауту. Финский историк так описывает условия данного контракта: «крестьяне, помимо установленных ревизией 1728 г. налогов, были обложены также барщиной. Каждая вторая налоговая единица должна была отправлять одного мужчину-крестьянина в возрасте от 15 до 60 лет вместе с лошадью для работ на землях усадьбы. Крестьяне должны были также в течение двух недель в год либо на лошадях, либо на ногах работать в усадьбе в период возделывания земли, посева, уборки сена и сбора урожая. Кроме того, крестьяне были обязаны осуществлять перевозку различных грузов. Расширивший усадебное хозяйство фон Брискорн получил за счет заключения такого контракта дополнительные налоговые доходы с крестьян в форме трудовой повинности и обязательств по перевозкам. По отношению к одной налоговой единице фон Брискорн получал 156 рабочих дней в год. Если на жалованной земле было около 36 налоговых единиц, которые обрабатывали крестьяне, то трудовая повинность составляла чуть больше 5 600 рабочих дней в год. Если на территории налоговой единицы трудились в среднем 6 мужчин, то один мужчина в год выполнял около 26 дней трудовой повинности. В 1811 г. налоговая ситуация Сумбула оставалась практически такой же, произошел лишь небольшой прирост налогового дохода, связанного с ростом населения. Фон Брискорны получали с крестьян около 6 300 дней трудовой повинности в год. В сравнении с трудовой повинностью крепостных крестьян на исконно русских территориях, повинность крестьян фон Брискорнов в годовом исчислении была не столь высока» [25, с. 102–103].

На мелких и средних жалованных землях Старой Финляндии переход на контрактную систему произошел в период между 1770 и 1780 гг. В большей части контрактов упор делался на барщину, но также заключались контракты денежные и связанные с зерновым оброком. Обязательным условием являлось утверждение налоговых контрактов

в местных судах. Таким образом, крестьяне жалованных земель, являясь договоробязанными, по собственному желанию могли оспорить контракт или обжаловать его, вплоть до обращения к Правительствующему сенату. Для дворян такие контракты были неудобны, поскольку, помимо возможности их обжалования со стороны крестьян, по действовавшим в Старой Финляндии шведским законам и постановлениям для заключения контракта необходимо было получить согласие самих крестьян. В результате владельцы жалованных земель старались проводить контракты без согласия не только крестьян, но и судов низших инстанций, что привело к увеличению социальной напряженности на территории Старой Финляндии.

Наиболее известным стал конфликт между помещиком А.И. Фредериксом и крестьянами мызы Таубила. В 1785 г. барон Андрей Иванович фон Фредерикс составил контракт, налоги по которому значительно превышали обозначенные ревизией 1728 г. Часть крестьян не согласилась подписать контракт; от крестьян, выступивших против, Фредерикс потребовал либо согласиться, либо покинуть наделы [8]. В результате между управляющими усадьбой и крестьянами возникли столкновения, которые в дальнейшем рассматривались в суде [25, с. 104–105]. Суд Старой Финляндии отказал Фредериксу в его требованиях, сославшись на налоговую ревизию 1728 г., ревизию 1765 г., указ Верховного тайного совета 1726 г., а также на принятые в Старой Финляндии шведские законы. По ним «дарованные земли не являлись полной собственностью владельца, а формулировки Жалованных грамот необходимо было толковать следующим образом: корона поручила свои владения дворянину, который не имеет права претендовать на большее количество налогов, чем сама корона» [25, с. 104]. Фредерикс пытался обжаловать решение в Правительствующем сенате, но рассмотрение дела было отложено на долгие годы, в результате хозяева земель перестали учитывать мнения Сената, составляя и подписывая новые контракты с крестьянами. Фредерикс продолжал требовать от крестьян либо соглашаться на заключение нового контракта, либо покидать наделы, а в усадьбе повторялись столкновения между крестьянами и управляющими, эти стычки потом рассматривались в судах. В итоге Сенат вынес свое решение по делу лишь в 1798 г. Согласно этому решению жалованные земли Старой Финляндии считались собственностью дворянина, а крестьяне не имели права покидать наделы [25, с. 104].

Для Фредерикса, как отмечает Ю. Пааскоски, подобная ситуация означала возможность «перехода от модели налоговой единицы, в центре которой был конкретный надел, к модели русских подушных налогов, по которым трудовая повинность определялась общим количеством мужчин». Далее историк поясняет: «на земле фон Фридрикса работало около 1850 крестьян (от 15 до 60 лет), каждый из которых

отрабатывал 26 дней трудовой повинности в году, что в целом составляло 48 100 дней в году. В дальнейшем дело по усадьбе Таубила вновь оказалось в суде, который принял решение вернуться к старой налоговой модели, снизив количество трудовых дней до 3 450 в год, что оказалось значительно меньше, чем при системе фон Фридрикса» [25, с. 105]. Лагманский суд пришел к компромиссу, в рамках которого были учтены интересы обеих сторон. Отмены «модели налоговой единицы» не произошло, но увеличение налогов было достигнуто поднятием трудовой повинности для каждой единицы до 326 дней. Таким образом, владелец земель получал с 46 налоговых единиц около 15 000 отработанных дней в год. Решение было обосновано неактуальностью налоговой системы 1728 г. В целом по статистическим описаниям на земле Таубила проживало, как отмечает финский историк, около 3 010 чел. (1603 мужчин и 1407 женщин), из них 1875 – в возрасте от 15 до 60 лет. В таком случае на них приходилось лишь по 8 дней трудовой повинности в год. Несмотря на это, и Фредерикс, и крестьяне вновь попытались обжаловать решение, но Правительствующий сенат не стал его пересматривать, а лишь рекомендовал обеим сторонам смириться с ситуацией и довольствоваться принятым решением [25, с. 105]. Тем не менее, несмотря на подобные изменения в жизни крестьян Старой Финляндии, их трудовая повинность, как пишет исследователь, была значительно слабее, чем у русских крепостных, которые отрабатывали в среднем 150–160 дней на земле своего хозяина-дворянина.

В период с 1798 по 1802 гг. в Старой Финляндии было зарегистрировано около двадцати крупных крестьянских волнений, часть из которых стала следствием неподчинения приказам и налоговым законам, что нередко приводило к рукоприкладству, стычкам, а затем новым судебным разбирательствам, в результате которых земельные пожалования могли быть даже конфискованы (но по прошествии времени нередко возвращались старым владельцам).

По окончании русско-шведской войны 1808–1809 гг. в состав Российского государства вошла территория так называемой Новой Финляндии, ставшая Великим княжеством Финляндским. Включение в состав княжества территории Старой Финляндии рассматривалось, в том числе, и как способ улучшения положения крестьян на жалованных землях. Особенно эту идею поддерживал граф Г.М. Армфельт, который перешел на русскую службу в мае 1811 г. Присоединение Старой Финляндии к Великому княжеству Финляндскому в виде Выборгской губернии давало возможность императору попытаться решить вопрос с положением крестьян на этих территориях без издания специальных законов, по сути, с опорой на сохранявшиеся там традиции и нормы шведских административных и судебных законов [27, с. 31].

В Великом княжестве Финляндском и, соответственно в Выборгской губернии, официальным языком стал шведский, на нем велось все делопроизводство. Многие русские помещики, владевшие землями, уже не чувствовали себя «хозяевами», как раньше: теперь действовали преимущественно шведские законы и большими правами обладали дворяне шведского происхождения. Попытки русских дворян «бороться за свои привилегии вызывали недовольство местных властей, которые через Финляндский сенат обращались к императору с жалобой на строптивых русских помещиков». Для разрешения ситуации теперь уже с русскими помещиками был создан в 1825 г. специальный комитет под председательством финляндского генерал-губернатора Закревского [27, с. 31]. По итогам работы комитета в 1826 г. было принято решение «присвоить всем помещикам Старой Финляндии фрельсовое право без всяких исключений, а гейматным обывателям жалованных имений определить десятилетний срок для схода с гейматов ими занимаемых» [8], т. е. земли были объявлены собственностью русских помещиков, а местные жители могли в десятилетний срок заключить со своими хозяевами договор аренды или оставить эти земли [2].

Но, несмотря на нововведения, многие владельцы, включая барона А.И. Фредерикса, не продавали земли, а оставались в своих имениях, пытаясь развивать хозяйство, следить за расходами и увеличивать свои доходы. Не все помещики владели наследственными имениями. Таковым являлось имение Хиетала под Выборгом, владельцем которого в 1810 г. стал Георг Магнус Спренгтпортен, первый генерал-губернатор Великого княжества Финляндского, на тот момент находившийся в отставке. После смерти Спренгтпортена его вдова обращалась к финским властям с просьбой передать ей владение этой землей [10]. Тем не менее, о многих владельцах и их усадьбах на настоящий момент известно немного. Повседневные вопросы финансового характера позволяют раскрыть документы Андрея Ивановича Фредерикса, сохранившиеся в Ленинградском областном государственном архиве города Выборга.

Дворянский род Фредериксов известен в России с XVIII в. Иван Юрьевич Фредерикс, родом из Голландии, был приглашен ко двору Екатерины II придворным банкиром. В 1773 г. он получил баронский титул, а затем приобрел имение в Выборгской губернии у потомков графов Мусиных-Пушкиных, а также землю в Пюхьярви у вдовы графа Петра Салтыкова. Его наследнику, Андрею Ивановичу, родившемуся в 1760 г., перешли эти земли под названием Таубила [8].

Барон А.И. Фредерикс, помимо того что был известным военным деятелем, устанавливавшим жесткие отношения с крестьянами, был еще и любителем лошадей. На территории его усадьбы находились конюшни, лошади из которых поставлялись в армию. О пристрастии

барона говорят тетради о способах лечения ран и болезней у лошадей из конюшен усадьбы. Например, лечить занозу под копытом лошади предлагалось следующим образом: «вынув занозу, прочистить рану, впустить в нее несколько зверобойного масла, смешанного с скипидаром, покрыть се льном, намазав на него [базильной] мази и [арцеева] бальзама, а сверх оного положить еще коровьего калу, так чтобы вся подошва была покрыта оным, и наконец обвязать тряпицею. На другой день снять обвязку, прочистить рану, залить опять зверобойным маслом с скипидаром, покрыть льном обмочи оный в [сапожничий] вар, чтобы грязь и песок не могли попасть в рану, обвязать тряпицею, и переменять обвязку ежедневно, очищая всегда рану» [22, л. 2]. Расходы на покупку лошадей были постоянной статьей расходов Андрея Ивановича.

Подобно многим помещикам Фредерикс большую часть времени проживал в Санкт-Петербурге, а в усадьбу приезжал эпизодически. В 1810 г. по доверенности он поручил ведение дел в своем имении коммерции советнику А.И. Перетцу [11]. Тем не менее, сам барон старался отслеживать финансовые дела, поскольку состояние имения определяло его благосостояние.

Типичным явлением в жизни дворян рассматриваемого периода стала жизнь в долг. Несмотря на крупные суммы, которые получали дворяне на государственной службе в качестве жалования (в сравнении с ценами на продукты и товары первой необходимости), денежные траты значительно их превышали. Жизнь при императорском дворе требовала огромных средств, прежде всего на внешний облик. Любой дворянин, появлявшийся при дворе, должен был выглядеть в соответствии со своим статусом: парадное платье, ткань, декоративные элементы, украшения, карета, слуги – все это регламентировалось и должно было соответствовать тому чину или рангу, который занимал дворянин. С карьерным ростом, новым чином или новой должностью траты увеличивались. Пышные обеды, которые дворяне проводили в своих домах, с приглашением огромного количества гостей, с деликатесами на столах, также требовали значительных расходов: на один торжественный ужин могло уходить до 800 р. Кроме того, знатным высокопоставленным лицам считалось неприличным сразу же оплачивать поставки продуктов или заказы по пошиву костюма. Подобные счета зачастую накапливались в течение нескольких лет и набегали на кругленькие суммы. Чтобы избавиться от долгов, многие дворяне были вынуждены либо продавать свои имения с крепостными крестьянами, либо закладывать и перезакладывать свои поместья. Усадьба Таубила А.И. Фредерикса в 1810 г. была оценена в 583 333 р., при этом сумму в 37 500 р. ассигнациями помещик оставлял в собственном распоряжении, а оставшуюся сумму в 545 833 р. доверял

А. Перетцу «употреблять залогом в обеспечение Казны по откупам, подрядам и другим с Казною делам» [11, л. 1].

Важным аспектом в повседневной жизни помещика-дворянина в начале XIX в. становится организация контроля за собственными финансовыми средствами, что выразилось в попытках ведения книг прихода и расхода денежных средств. В 1820-е гг. (за более ранний период не сохранилось подобных документов) барон А.И. Фредерикс лично записывал, на что он тратил деньги и откуда их получал, причем все необходимые суммы (как они были потрачены или получены) он отображал в таблицах в разных денежных единицах того времени: червонцах, рублях серебром и ассигнациями, а итоги подводил с учетом перевода одних денежных единиц в другие. Например, за июнь-июль 1827 г. суммы были следующие: «Итого: 90 червонцев; 1 руб. 30 коп. серебром; 4623 руб. 2 коп. ассигнациями. В расходе: 56 червонцев; 268 руб. 70 коп. серебром; 3104 руб. 80 коп. ассигнациями. Затем остается: 34 червонца; 3104 руб. 80 коп. ассигнациями. Передержано серебра, за исключением 1 руб. 30 коп., 267 руб. 40 коп. что и составит на ассигнации 1069 руб. 60 коп. Итого в остатке: 34 червонца; 2035 руб. 20 коп. ассигнациями» [14, л. 4].

Отдельную статью расходов в записях Фредерикса составляло жалование слугам. К сожалению, в записях нет ранжирования слуг по степени их занятости и объему работ в хозяйстве барона, но жалование слуги получали разное. Так, некто Синицын получал в 1823 г. в месяц в среднем 5 р., «Егор при мне» – 15 р., фореитор Мирон – 5–10 р., прачка – 6–7 р., повар – 5 р. Следует отметить, что даже слугам не всегда и не полностью выплачивалось жалование, о чем делались соответствующие записи: «за год следует – 180, получил – 155», «за год следует – 180, старых – 25, итого – 205, получил – 150», «по 1 число Генваря 1823 года следует ему 40 рублей», «старых следует 40» и т. д. [12].

В другой тетради А.И. Фредерикс фиксировал кому и сколько он давал в долг, в случае возвращения денежной суммы полностью фамилия зачеркивалась. Список должников значительный: князь Николай Долгоруков (участник Отечественной войны 1812 г, заграничных походов, Персидской войны 1827 г. и других военных кампаний, впоследствии литовский и малороссийский генерал-губернатор в 1840-е гг., покончил жизнь самоубийством из-за растраты казенных средств в размере 43 000 р. серебром [6, с. 142]); Павел Коцебу (также участник многих военных событий, особенно отличился в годы Крымской войны, впоследствии – генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии, Варшавский генерал-губернатор), князь Николай Голицын (военный деятель, профессиональный военный, писатель, переводчик, богослов, виолончелист, музыкальный общественный деятель), генерал Депрерадович, князь Севарсемидзев, Бутурлин, Шереметьев, полков-

ник Федор Сабуров и его брат Александр, Степан Трубников, князь Суворов, граф Толстой, Пущин [13; 14] и т.д. Суммы варьировались от 200 червонцев князю Долгорукому до 27 р. ассигнациями, выданными Павлу Коцебу, или 3337 р. ассигнациями – князю Николаю Голицыну [13, л. 1–2]. Видимо, А.И. Фредерикс был достаточно щедрым человеком, не скупясь на разные суммы в долг многим влиятельным и богатым лицам, приближенным ко двору (возможно, давая в долг даже в ущерб своим личным средствам, но с учетом привилегий в будущем).

Отмечены в тетрадях важные покупки: за быков для казны было выплачено 35 р. и 195 р. серебром, за оружие у пленных персов 6 червонцев [14, л. 4], за железо – 1250 р. ассигнациями, за ковры – 14 червонцев, за серого и гнедого жеребцов – 47 р. серебром и 31 р. 50 к. соответственно [14, л. 6], за серебряный прибор к уздечке – 300 р. ассигнациями [15, л. 2], «Ягамакову купцу за разные покупки» – 572 р. серебром [15, л. 6], указывалась плата за отдельные услуги: писарям в артель (92 р. ассигнациями), за отправление письма на почту (2 червонца) [14, л. 5], мастеровым за шитье вещей (40 р. ассигнациями), священнику за молебен (1 червонец) [15, л. 2], за починку часов (3 червонца) [15, л. 3] и т. д.

В качестве расходов были отмечены собственные долги и развлечения: «проиграл – 9 червонцев» [14, л. 3], «отправлено Кузнецову для водки» – 4 р. 20 к. серебром [14, л. 5], театр – 20 р. ассигнациями [14, л. 12], за вино – 6 червонцев [14, л. 13], за шампанское – 2 червонца 1 р. серебром, «с прискорбием на вздор и дрянью» – 13 р. 80 к. серебром [14, л. 6]. Иногда барон тратил деньги на благотворительность: «на доброе дело» – 106 р. 22 к. ассигнациями [14, л. 5], «бедной» – 50 руб. ассигнациями [15, л. 8].

Суммы прихода в тетрадях А.И. Фредерикса расписаны не настолько подробно, как расходы. Прежде всего отмечены те средства, которые возвращались должниками барону, а также деньги, вырученные за продажу скота, ячменя, пшеницы [14, л. 3 об.], или, например, суммы, полученные совершенно неожиданно: было «найденно в шкатулке» 150 руб. ассигнациями [14, л. 2 об.].

Своеобразным источником дохода стали для А.И. Фредерикса взаимоотношения с крестьянами. Как уже отмечалось, барон пытался увеличить подати с крестьян, но дело закончилось длительным судебным разбирательством не в пользу Фредерикса. Тогда он очень тщательно стал следить за соблюдением права собственности на свои земли и штрафовать крестьян, например, за рубку и увоз бревен «без позволения». Только в осеннем заседании 1833 г. местного суда за подобные нарушения были привлечены 6 чел. (и обсуждение нарушений 8 крестьян отложено на следующее заседание суда) на общую сумму 211 р. 70 к. [17, л. 1–2].

Как и многие другие владельцы усадеб, проживающие в столице, Фредерикс получал денежные отчеты от управляющего своим именем. В этих отчетах, в отличие от книг прихода и расхода потраченные суммы отражены более подробно, кроме того, отмечены и некоторые факты из жизни усадьбы. В отчетах 1830–1831 гг. управляющий И. Шумов описывал ремонтные работы, проводившиеся в строениях на территории, с указанием сумм и количества потраченного строительного материала. Так, 18 мая 1830 г. управляющий сообщал барону, что «на галерее трактира передвинуты по размеру два окна и одна дверь с прибавлением последней в вышину; у кузнеца в сенях так же передвинута одна дверь применяясь к имеющей быть лестнице»; «печником в новом отделении пробито и заделано в стене четыре трубы для дыму»; «щекотуром покрыта над новым отделением черепицею крыша и подмазана»; «кровельщиком повыше помянутой крыше сделан с трех сторон из железных листов борт и три слуховые окошка» [16, л. 1]. Подобные отчеты И. Шумов отправлял каждые две недели, в них он указывал и истраченные суммы на жалование строителям и сами материалы, особенно в большом количестве закупался кирпич, бревна и доски разных размеров. В период с мая по август 1830 г. только на строительные работы было выделено и потрачено 2 029 р. 30 к. [16].

По отношению к работникам барон проявлял иногда щедрость: в награждение кузнецам и плотникам в октябре 1827 г. было выплачено 2 р. серебром [14, л. 5], в июне 1830 г. было куплено «по приказанию Г. Барона ведро вина для рабочих при закладке нового строения» на сумму 8 р., а также «два пирога в 20 ф. на закуску» на сумму 2 р. [16, л. 2].

В 1836 г. А.И. Фредерикс решил строить новый деревянный усадебный дом. На разные виды строительных работ были заключены договоры с крепостными крестьянами других губерний. Так, с крестьянином Костромской губернии Степаном Санковым был заключен договор на строительство «по плану и фасаду» на каменном фундаменте деревянного дома с мезонином. За всю плотничью работу С. Санков должен был получить 3 000 р. в случае выполнения работ в течение лета 1836 г. Таким образом, он должен был за два месяца дом «подвести под крышу, а потом продолжать внутреннюю отделку то есть дверные и оконные косяки, черные полы и потолки, обтесать внутренние стены, сделать внутри по потолкам чистую подшивку и карнизы, а снаружи балконы с колоннами и карнизы на фасаде означенные, обшить весь дом дюймовыми досками плотно и чисто, крышу покрыть в два теса из того же лесу плотно и хорошо», настлать «полы из чисто строганных досок, но оные окончить окончательно весною» 1837 г., чтобы «дать хорошо высохнуть лесу» [18, л. 1–2].

После строительства непосредственно дома появились договоры на выполнение других работ. С крестьянином-печником Ярославской губернии Лукой Кунтышевым был заключен договор на ремонт печей и дымовых труб на мызе Таубила. В тексте прописан конечный результат: крестьянин обязался сделать «в новом доме девять печей изразцовые, с 14-ю близирами, изразцовые же, с 9-ю разделками, с 9-ю бранжирами, с 9-ю же дымовыми трубами, с щекотуркою и краскою труб, совершенно по архитекторскому плану и по размеру на оном прочно и чисто, ценою за всю оную работу четыреста рублей монетою, печки и близиры должны сделаны быть из лучших белых изразцов», «каждая печь должна иметь восемь проходов» [19, л. 1–1 об.]. В соответствии с текстом печник должен был произвести работу в апреле-мае 1837 г. Если «печи и близиры не прочно и красиво сделаны или не будут содержать в себе жару в целые сутки после топления, или будут дымить», то Кунтышев должен был переделать печи за свой счет. Кроме того, он обязался по договору производить починку печей в течение 10 лет без какой-либо платы, если ремонт последует в результате ошибок в работе печника [19, л. 1 об.].

Управляющим барона Фредерикса был заключен договор с Филипом Ларионовым на сумму более 800 руб. на проведение столярных работ в новом доме: в соответствии с текстом необходимо было сделать «летний и зимний переплет в каждое окно большое и малое», «створки двери большие и малые», оконные и дверные наличники, форточки, «плинтусы всякаго рода» [20, л. 1–2].

С Иваном Савельевым был заключен договор на выполнение малярных работ в течение лета 1837 г. Он должен был использовать свои лучшие материалы: для покраски крыши – красную краску, «составленную на чистом конопляном масле», для обшивки стен дома – палевую краску, для обшивки фундамента – серую краску. Колонны, карнизы, галереи «с потолками, с перилами, оконные зимние и летние рамы с наличниками и двери с наличниками» маляр обязался выкрасить белой краской. Все указанные поверхности он должен был покрыть краской три раза. За свою работу И. Савельев получил 450 р. ассигнациями [21, л. 1–2].

Таким образом, к концу жизни Андрей Иванович, видимо, уже достаточно успешно контролировал свои финансовые сбережения, поскольку смог позволить себе строительство нового большого дома с обилием архитектурных украшений, изразцовых печей, выполненных из лучших материалов, которые только можно было найти в Санкт-Петербурге. Вероятно, это стало возможным в том числе и благодаря тщательным записям и контролю за своими сбережениями. Однако такая финансовая ситуация не всегда являлась типичной для российского дворянства к середине XIX в.

В целом материально-финансовые вопросы являются достаточно специфической стороной жизни русского дворянства. Их изучение основано преимущественно на личных финансовых документах, которые стали активно появляться и распространяться на рубеже XVIII–XIX вв. Тем не менее, подобные материалы позволяют не только проследить финансовое состояние дворянского сословия в рассматриваемый период, но и осветить отдельные аспекты повседневной жизни русской помещичьей усадьбы, в том числе с учетом территориальных особенностей, как, например, в Выборгской губернии. Последующее изучение данной тематики возможно проводить с привлечением материалов и экспонатов музейных учреждений, что позволит заполнить существующие пробелы в исторических и краеведческих исследованиях и в дальнейшем использовать полученные материалы в экскурсионной, музейной и туристской деятельности.

Список литературы

1. Александрова Е.Л. Усадьбы Выборгской губернии. – СПб.: Гйоль, 2016. – 301 с.
2. Балашов Е.А. Донационные земли. [Электронный ресурс]. – URL: https://terijoki.spb.ru/kannas/don_zem.htm (дата обращения: 01.08.2021).
3. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. – СПб.: Алетейя, 2010. – 478 с.
4. Верременко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: сб. ст. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 58–77.
5. Верременко В.А. Помещик и дворян: специфика взаимоотношений (первая половина XIX в.) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 8. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 27–34.
6. Воспоминания Александра Васильевича Мещерского. – М.: Унив. тип., 1901. – 202 с.
7. Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта. – СПб.: б.и., 1910. – 181 с.
8. Дмитриев А. Барон Фредерикс и его владения. Из истории Выборгской губернии // Выборгские ведомости. – 2013. – № 96. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vyborg-press.ru/articles/11701/> (дата обращения: 01.08.2021).
9. Кузнецова Ю.М. Русская дворянская усадьба. Экономические, политические и социально-культурные аспекты (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2005. – 198 с.
10. Ленинградский областной государственный архив в г.Выборге (ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 787.
11. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 1.
12. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 3.
13. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 5.
14. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 6.
15. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 7.
16. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 8.
17. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 12.

18. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14.
19. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 15.
20. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 16.
21. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 17.
22. ЛОГАВ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 18.
23. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб, 2008. – 412 с.
24. Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 347 с.
25. Пааскоски Ю. Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812 // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. – Т. XVII: Финляндия и Россия. – М.: Модест Колеров, 2015. – С. 85–112.
26. Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / авторизов. пер. с англ. Н.А. Вознесенского и А.В. Вознесенского. – СПб.: Коло, 2008. – 518 с.
27. Смирнов А.А., Смирнова О.К. Выборгские усадьбы XVIII–XIX веков. – СПб: Алаборг, 2009. – 88 с.
28. Meurman Otto-I. Viipurin pitäjän historia III – Kartanot. – Kustantaja: Viipurin maalaiskuntalaisten pitäjäseura ry, 1985. – 448 с.

References

1. Aleksandrova E.L. *Usad'by Vyborgskoj gubernii* [Estates of the Vyborg province] – St. Petersburg: Gjol', 2016. – 301 p.
2. Balashov E.A. *Donacionnyye zemli* [Donational lands] [Elektronnyj resurs]. URL: https://terijoki.spb.ru/kannas/don_zem.htm (data obrashcheniya: 01.08.2021)
3. Belova A.V. «*Chetyre vozrasta zhenshchiny*»: *povsednevnyaya zhizn' ruskoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: the everyday life of a Russian provincial noblewoman of the XVIII-mid-XIX century] – St. Petersburg: Aletejya, 2010. – 478 p.
4. Veremenko V.A. *Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskih sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [On the edge of home space: masters and servants in the noble families of Russia (XIX – early XX century)] // *Rossijskaya istoriya XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sbornik statej* [Russian history of the XIX–XX centuries: The State and society. Events and people. Collection of articles]. – St. Petersburg: Liki Rossii, 2013. – P. 58–77.
5. Veremenko V.A. *Pomeshchik i dvornya: specifika vzaimootnoshenij (pervaya polovina XIX v.)* [The landowner and the yard: the specifics of relations (the first half of the XIX century.)] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V.V. Karpova* [Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia: materials of the Russian Scientific conference with the international participation / ed. by V.V. Karpova]. – Is. 8. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2017. – P. 27–34.
6. *Vospominaniya Aleksandra Vasil'evicha Meshcherskogo* [Memoirs of Alexander Vasilyevich Meshchersky]. – Moscow: Univ. tip., 1901. – 202 p.
7. *Vrangel' N.N. Starye usad'by. Ocherki russkogo iskusstva i byta* [Old estates. Essays on Russian art and everyday life]. – St. Petersburg: b.i., 1910. – 181 p.
8. Dmitriev A. *Baron Frederiks i ego vladeniya. Iz istorii Vyborgskoj gubernii* [Baron Fredericks and his possessions. From the history of the Vyborg province] // Vy-

borgskie vedomosti [Vyborg Vedomosti]. – 2013. – № 96. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vyborg-press.ru/articles/11701/> (data obrashcheniya: 01.08.2021).

9. Kuznecova Yu.M. *Russkaya dvoryanskaya usad'ba. Ekonomicheskie, politicheskie i social'no-kul'turnye aspekty (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.): dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02* [Russian noble estate. Economic, political and socio-cultural aspects (the second half of the XVIII – early XIX centuries): dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02.]. – Samara, 2005. – 198 p.

10. *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v g.Vyborge (LOGAV)* [Leningrad Region State Archive in Vyborg (LOGAV)]. F. 1. Op. 2. D. 787.

11. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 1.

12. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 3.

13. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 5.

14. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 6.

15. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 7.

16. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 8.

17. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 12.

18. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 14.

19. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 15.

20. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 16.

21. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 17.

22. LOGAV. F. 535. Op. 1. D. 18.

23. Lotman YU.M. *Besedy o russoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century)]. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2008. – 412 p.

24. Ohlyabinin S.D. *Povsednevnyj zhizn' russoj usad'by XIX veka* [Everyday life of a Russian estate of the XIX century]. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. – 347 p.

25. Paaskoski YU. *Zhalovannye zemli na territorii Staroj Finlyandii, 1710–1812* [Donational lands in the territory of Old Finland, 1710–1812] // *Russkij Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii / Red.-sost. O.R. Ajrapetov, M.A. Kolerov, Bryus Menning, Pol Chejsti* [Russian Collection: studies in the history of Russia / Ed.-comp. O. R. Ayrapetov, M. A. Kolerov, Bruce Manning, Paul Chaste]. – Vol. XVII: Finlyandiya i Rossiya [Finland and Russia]. – Moscow: Modest Kolerov, 2015. – P. 85–112.

26. Ruzvel't P. *Zhizn' v russoj usad'be: opyt social'noj i kul'turnoj istorii / Avtorizov. per. s angl. N.A. Voznesenskogo i A.V. Voznesenskogo* [Life in the Russian country estate: the experience of social and cultural history / Authorized translation from English. N.A. Voznesensky and V.A. Voznesensky]. – St. Petersburg: «Kolo», 2008. – 518 p.

27. Smirnov A.A., Smirnova O.K. *Vyborgskie usad'by XVIII – XIX vekov* [Vyborg estates of the XVIII-XIX centuries]. – St. Petersburg: Alaborg, 2009. – 88 p.

28. Meurman Otto-I. Viipurin pitäjän historia III – Kartanot. – Kustantaja: Viipurin maalaiskuntalaisten pitäjäseura ry, 1985. – 448 p.

И.Г. Иванцов, И.В. Дубинин

Жизнь Екатеринодара середины XIX в. в письмах И.Д. Попко и дневниках В. Ф. Золотаренко

В статье освещаются некоторые аспекты повседневной жизни столицы Черномории середины XIX в. – Екатеринодара, тогда еще войсковой крепости. Столица Черноморского казачьего войска, войсковой град Екатеринодар в середине XIX в. был городом глубоко провинциальным. Основным его населением было «служивое сословие», люди, имевшие то или иное отношение к службе в Черноморском казачьем войске и, в меньшем количестве, городские обыватели. Городская жизнь была весьма бедна на события. Задачей данной статьи является попытка рассмотреть повседневную жизнь горожан через призму личных писем генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска И.Д. Попко и дневников кубанского литератора, смотрителя екатеринодарского приходского училища В.Ф. Золотаренко, как ярких представителей черноморской казачьей интеллигенции того времени.

Ключевые слова: бурьян, городская повседневность, грязь, дневники, Екатеринодар, личные письма, погода, развлечения.

Igor' G. Ivantsov, Igor' V. Dubinin

Ekaterinodar life in the middle of the XIX century in the letters of I.D. Popko and the diaries of V.F. Zolotareno

The article is devoted to some aspects of the daily life of the Chernomoria capital in the middle of the XIX century – Ekaterinodar, a military fortress at that time. The capital of the Black Sea Cossack army, the military city of Ekaterinodar in the middle of the XIX century was a deeply provincial city. Its main population was the "service class", people who had some relation to the service in the Black Sea Cossack army, and, in smaller numbers, urban inhabitants. City life was not very eventful. The purpose of this article is to try to consider the daily life of the citizens through the prism of personal letters of Lieutenant General of the Kuban Cossack Army I.D. Popko and diaries of the Kuban writer, caretaker of the Ekaterinodar parish school, V.F. Zolotareno, as prominent representatives of the Black Sea Cossack intelligentsia of that time.

Key words: weeds, urban everyday life, dirt, diaries, Ekaterinodar, personal letters, weather, entertainment.

История войскового града Екатеринодара ведет свое начало с XIX в. В 1879 г. был организован Кубанский областной статистический комитет, осуществлявший сбор сведений о населении Кубани. Коми-

тет выпускал в свет «Кубанский сборник». С 1883 по 1916 гг. вышел 21 том этого издания. В выпусках сборника печатались собранные материалы о природе Кубани, населении, истории и т. д. Основателем комитета был Е.Д. Фелицын, один из историков Кубани, который написал, в том числе несколько исследовательских трудов по истории Екатеринодара [14; 4]. Изучению жизни города Екатеринодара, его повседневности были посвящены исследования П.П. Короленко [10; 11, л. 56–58]. Чиновник Екатеринодарской городской управы П.В. Миронов, впоследствии один из основателей первого на Кубани Кубанского политехнического института, стал автором нескольких работ по истории Екатеринодара [12; 13].

Основоположник российской бюджетной статистики Ф.А. Щербина в своем фундаментальном исследовании по истории Кубанского казачьего войска также уделил внимание истории Екатеринодара [15]. Из современных исследований особо следует отметить книгу «Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...» [6]. Истории войскового города Екатеринодара, его историко-культурной специфике касается и диссертационное исследование В.В. Бондаря [1].

Основным источником для статьи стали архивные материалы фонда 377 Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), представляющие личные письма и переписку И.Д. Попко с другом В.Ф. Золотаренко, а также публикации и письма последнего [7; 8].

Цель статьи – показать некоторые особенности жизни и быта жителей войсковой крепости – Екатеринодара в середине XIX в.

Современный Краснодар – это быстроразвивающийся город с более чем миллионным населением, а в середине XIX в. войсковая крепость описывалась следующим образом: «строение в Екатеринодаре вообще бедное. Дома турлучные. Только в голове города, близ крепости, зеленеют домах на шести крыши; каменного или двухэтажного дома нет ни одного. Самые присутственные места турлучные. На строениях сплошь-рядом крыши камышевые... В Екатеринодаре всех домов 3 600, жителей более девяти тысяч» [7, с. 49–50].

Принимая решение о создании Екатеринодара, войсковое начальство в первую очередь руководствовалось стратегическими соображениями, упуская из виду климат здешних мест и наличие болот. А «климат был нездоров, болотистое место, причем эти болота не осушались, а засыпались навозом. От них исходила, смрадная испарина...» [7, с. 49–50].

Сырая, слякотная погода зимой была далеко не редкость. К примеру, характеризуя один из нескольких зимних дней 1848 г., И.Д. Попко писал: «Нынче, в день св. Николая – с самого утра и до вечера дождь и страшная слякоть» [2, л. 11 об.]. На следующий год он жалуется на раннюю зиму «с алеутскими снегами и морозами» [2,

л. 18 об.]. В 1850 г. И.Д. Попко обобщил свои наблюдения «Наша текущая зима люта и непостоянна как южная женщина. То мороз до 20°, то тепло до 5°, то снег, то дождь. Бури и метели почти каждый день» [2, л. 50].

Не менее печальна весна: «...дождей нет. Так некоторых смертных гневное небо обременяет лишениями и скорбями в раннюю пору их жизненной весны – и тем несчастливцам нет жатвы» [2, л. 24]. «А лето было гадкое – холера душила народ не на шутку. Засуха смущала вельми худобовладельцев. Хлеб дорог...» [10, л. 8]. Такой же непостоянною была и осень: «Наше небо ежедневно морочит нас однообразными противоположностями: с утра озадачивает туманом и стужей, а к вечеру дарит ясную, теплую, прекраснейшую в мире погоду. Истопишь с утра печку, а с полдня начинаешь терзаться горьким сожалением о напрасной трате дров» [2, л. 36 об.] или «В исходе ноября пахнуло было на сию страну болот Великороссийская зима – морозы восходили до 13°. А теперь 8° тепла в воздухе и дождь каждый день» [2, л. 68 об.].

Характеризуя в своем письме от 8 января 1850 г. эти погодные качели, он писал: «Весне зелень, зиме снег, невесте брачный наряд, умершей старухе саван – так нужно. Иначе – гадко» [2, л. 45 об.].

Климатические особенности местности являлись причиной некоторых заболеваний. Жителей города часто мучили «корчеи», в том числе и самого Ивана Диомидовича Попко. Жалуясь, в одном из писем он писал: «причина же моего молчания – лихорадка, Бич гнева Божия, поражающий не только физический организм, но и нравственное существо человека. Двадцать раз я прекращал, но не уничтожал, тягостнейший из всех недугов, и двадцать раз изнемогал под его гнетом. Поверите ли, что я глотал за один раз по 25 гран чистой хины. И поверите ли, что болезнь тела навела на душу апатию, томление, отвращение ко всему в мире» [2, л. 71 об.].

26 августа 1850 г. он повествует о смертях и болезнях знакомых и родственников: «отправились *ad patres* (к праотцам): Матвей Багенский¹, Яремейкина жена, ветеринар Августовский² и разные другие знаменитости; а *profanum vulgus* (прочая толпа) нечего и считать» [2, л. 3 об.].

В письмах И.Д. Попко чаще всего упоминаются два населенных пункта: Екатеринодар и Ейск. Если о портовом городе он высказывался с одобрением, называя его «беспримерным феноменом в казачьих войсках» и «Архангельском Черномории» [2, л. 60], то Екатеринодар,

¹ Багенский Матвей Казимирович (? – 1848) – коллежский секретарь, врач Екатеринодарской войсковой больницы. Сотрудник журнала «Друг здравия».

² Августовский Иосиф Фомич (даты рождения и смерти неизвестны) – помощник ветеринарного врача войсковой врачебной управы Черноморского казачьего войска.

называл Грязеградом [2, л. 75], Грязебургом, Венецией [2, л. 20 об.], бурьянной плантацией, свиной берлогой [10, л. 55 об.] и, наконец, омутом [2, л. 71].

Екатеринодар, помимо прочего, ассоциировался у Ивана Диомидовича с грязью и бурьяном. И он был не одинок в своих представлениях.

В газете «Кавказ» № 25 за 1859 г. была опубликована любопытная статья «Из Екатеринодара», в которой речь шла о «екатеринодарской грязи». Начинается она словами: «Во многих газетах говорено, да и до сих пор еще говорится о грязи; эту пятую стихию, открытую в пинских болотах Наполеоном, называли всякими именами в большей части городков и местечек она бывает известна под именем "замечательной"; но я намерен сказать здесь о грязи другого рода, которую по всей справедливости надо назвать "невероятной"; это грязь екатеринодарская, грязь, возвышающаяся иногда из "невероятной" в высший ранг "баснословной грязи"» [9]. В такой же превосходной степени Иван Диомидович описывает ее в одном из своих писем к В.Ф. Золотаренко: «До этой поздней поры падает снег на глубокий раствор грязи, и морозы пришибают пятую стихию в такой степени – что б нельзя было ни пройти, ни проехать по улицам. Когда посмотришь непривычным глазом на комья грязи, глины, навозу, воды и разных обреченных на гниение тел – вмещающихся в улицах Екатеринодара: то невольно примешь этот город за чудовищное творило, в котором замешивается какой-то новоизобретенный цемент, которого употребление еще не объяснено...» [2, л. 49].

О том, что грязь и столица Черномории неотделимы, писал и друг И.Д. Попко – Василий Федорович Золотаренко. В дневнике он писал, что осенью по екатеринодарским улицам ни проехать, ни пройти – ни человеку, ни лошадям. Хозяева иногда просто бросали свои застрявшие в грязи повозки прямо на улице, поскольку их невозможно было оттуда вытащить [7].

Устойчиво ассоциировался с городскими улицами и бурьян: «В Екатеринодаре, кроме необыкновенно высокого бурьяну на улицах, ничего не случилось нового» [2, л. 15 об.], или «Старик и старуха в высшей степени согласны и рады припустить меня к своей внучке, но отец оной внучки решительно не желает видеть ее (что, впрочем, и трудно видеть) в бурьяне Черномории...» [2, л. 38 об.].

Летом обилие сухой травы и сушь, когда «на дворе август с 42 жары» [2, л. 14], способствовали частым пожарам. Учитывая состояние противопожарной службы того времени, строения зачастую выгорали дотла. Прибывавшие пожарные не в состоянии были справиться со стихией [8, с. 435–436].

Не обошла эта беда и самого Ивана Диомидовича. В Государственном архиве Ставропольского края сохранилась «Опись имуще-

ства Есаула Попки сгоревшему от пожара большого в Екатеринодаре 21 го августа 1851 г.»: «При этом здании сгорело досок и другого леса на пятьдесят рублей серебром, следом и в кладовой погорело мебели, оружия, конской сбруи, книг и разных вещей на сумму девяносто рублей серебром» [3, л. 110].

В середине XIX в. столица Черномории представляла собой относительно небольшое поселение, отличавшееся от других кубанских куреней тем, что здесь находилась ставка черноморского атамана и другие административные учреждения, в которых работала интеллектуальная элита Черноморского казачьего войска. Многие ее представители, в том числе и сам И.Д. Попко, мечтали «сбежать» отсюда и обосноваться в Ставрополе. В одном из своих писем, адресованных В.Ф. Золотаренко, который в 1848 г. смог осуществить свою мечту и перебраться в губернский город, он писал: «горю нетерпением поведать Вам задушевную и крепкую мою думу-думушку. Как бы уехать из тюрьмы, т.е. из Войска. Это моя тюрьма. Да переименоваться в титуляры, да поискать приключения на белом свете. Вот такая задача занимает, одолевает меня и на яву и во сне» [2, л. 60–61 об.]. Обосновывал будущий генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска это тем, что «тесно стало житье здесь – земли нет. Сильные захватывают и самоуправничают. Естественное умножение народонаселения, тысячи переселенцев, отчуждение вод в откупа – вот главнейшие причины страшной тесноты. Народ стонет. В перспективе – одни нужды и лишения. Сотни офицеров здесь – сущие пролетарии. Никакой собственности и никакой службы. Отношения людей к начальству – ни то, ни се – а больше впечатлений возмутительных...», далее он добавляет, что «Даже патриарх (Попка Диомид Несторович – отец И.Д. Попко) хочет скочевать с Керпелей (река Кирпили)... Патриарх, прежде противившийся удалению моему из Войска, ныне благославляет. Выжидаю счастливой минуты» [2, л. 61 об.].

Все горожане Екатеринодара, особенно казачья верхушка, нуждались и в культурном отдыхе, который тут не отличался разнообразием. Иногда приезжал заезжий театр, но театральные представления, как вспоминал В.Ф. Золотаренко, «не оставили в душе такого резкого эффекта, – они только слегка заняли мое внимание» [7, с. 158–159].

Чтобы занять свое свободное время, молодежь Екатеринодара сама дела попытки ставить театральные пьесы: «Хвала и честь молодежи екатеринодарской! Урядники и фельдшера составили театральную сцену, и если не вполне удовлетворяют зрителя, то по крайней мере тешат его на несколько минут...» [8, с. 492].

В теплое время года приезжал зверинец: «Идите на ярмарку: там балаган с животными и насекомыми, необыкновенными в нашем климате. Иду и плачу за вход, как вы думаете? Очень дешево: всего двадцать пять копеек сер. Для каждого зверя особое отделение с

железной решеткой; кормят один раз в сутки, иных мясом, а иных рыбой и хлебом. Для каждого имеют также особый сундук, в котором всегда стоит теплая вода, на которой гигант насекомых лежит, прикрытый фланелевым одеялом... Из этого следует, что я сегодня побывал в Африке и Америке» [8, с. 454–455].

Главным развлечением были ассамблеи, как вспоминал в одном из своих писем И.Д. Попко: «Последняя ассамблея, бывшая в этом твориле, осталась запечатленной в памяти народной двумя характеристическими событиями. Первое – Аслан Г.М. пришел в собрание не в форме. Ему скромно предложили выйти. Но А-Г-М, высоко ценя собственное достоинство – двуногой болонки при дворе генерала Рашпиля – не послушался. В следствие того, с криком и бранью изгнали бедного А.Г.М. из ассамблеи. Это простое событие замечательно не по драматическому своему развитию, но по результатам. Оставим эти результаты в стороне. Второе – некоторый прапорщик, танцуя с некоторой девой, не устоял на скользком паркете и пал в виду злоязычной публики, как пал гордый Рим в виду вселенной. Павший прапорщик естественно увлек в своем падении и связанную с ним судьбою польки деву и дева пала, как пала изнеженная Византия. И плакали о падении девы ее толстая и косая тетки, как плакала философия, то же толстая и косая, о падении Византии и бысть молва многая в народе» [2, л. 49–49 об.].

Чтобы убить скуку, жители Екатеринодара довольно часто ходили друг к другу в гости: «В этот тучный период от колбасы до последнего вареника – говоря не столь высокопарно – от святок до поста я предавался шумным удовольствиям света – преферансу и – чуть не польке. Вы спросите какие дома в особенности я посещал. Ответ – А. Посполитаки¹, Кордовских², не мирового Порохни³, даже Игнатия Матвеевича один раз и многих других. На пирах у Григория Антоновича тож мед пил. Вот Вам отчет во времени, слишком дурно употребленном, но – быть может полезном для спасения от спячки» [2, л. 19].

Еще одним развлечением было чтение. Читали все, что можно было найти. Дефицит книг был огромным. Книги выписывали в основном из Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова и Тифлиса. Сами книги были достаточно дороги, да и доставка их была не дешевой. Поэтому

¹ Посполитаки Александр Лукич (даты рождения и смерти неизвестны) – войсковой старшина Черноморского казачьего войска. Оставив военную службу, занялся коммерцией. Известный екатеринодарский предприниматель, откупщик и меценат.

² Кордовский Александр Константинович (даты рождения и смерти неизвестны) – подполковник, командир 12-й батареи конноартиллерийской бригады Черноморского казачьего войска.

³ Порохня Иван Евдокимович (1808–1895) – войсковой старшина, дежурный штаб-офицер войскового дежурства Черноморского казачьего войска.

их покупку могли позволить себе либо люди богатые, либо увлеченные, у которых можно было взять почитать. Кроме книг, читали и журналы – в письмах И.Д. Попко и дневниках В.Ф. Золотаренко упоминаются «Библиотека для чтения», «Русский инвалид», «Современник» и др.

Полноценные библиотеки были далеко не у всех. Наиболее полные сведения сохранились о библиотеке И.Д. Попко, которой, судя по некоторым данным, пользовались многие из его знакомых и друзей. Такие выводы можно сделать, сопоставив дневники В.Ф. Золотаренко и каталог библиотеки И.Д. Попко [5].

Еще одним видом развлечений были прогулки, как писал И.Д. Попко в одном из своих писем: «иду обедать и потом буду ездить верхом. Солнце и воздух, и небо, и воды, осень располагает к поэзии» [2, л. 32 об.].

Закончить повествование хотелось бы словами В.Ф. Золотаренко о том, что «вообще содержание в Екатеринодаре не дорогое, только недостаток в квартирах; жизнь скучная. С осени до весны грязь. Только раннюю весною и вздохнуть свободно человеку. Но потом, когда поспевают плоды, вы должны со дня на день ожидать лихорадки. Театра постоянного нет, а странствующие актеры бывают самое короткое время. Об общественных гуляниях не думают. На лицах, вам встречающихся, вы читаете какое-то уныние: казак убит службою, а женщины изнурены климатом. Придет праздник, но вам прогуляться негде. Если вы вошли в дом, тут вы подчиняетесь всем требованиям этикета... Ни в словах, ни в обращении не обнаруживайте свободы.

Нет приятности в Екатеринодарской жизни, сколько в отношении общественных удовольствий, столько наиболее в отношении здоровья» [7, с. 62].

Список литературы

1. Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар, 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 1998. – 181 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 8.
4. Документальные сведения об основании города Екатеринодара. Екатеринодар, б/г; Короленко П.П. Город Екатеринодар // Кубанские областные ведомости. – 1895. – 20 апр.
5. Дубинин И.В., Иванцов И.Г. Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко. – Краснодар: Альбатрос, 2017.
6. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]: материалы к летописи. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 798 с.
7. Золотаренко В.Ф. Город Екатеринодар в 40-х годах прошлого столетия: рукопись «Плач Василия при реке Кубань» / предсл. и прим. Б. М. Городецкого // Известия ОЛИКО: Вып. 4. – Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1909.

8. Золотаренко В.Ф. Из дневника В. Ф. Золотаренка. 1841–1847 // Мельников Л.М. Интеллигентный черноморец 40-х годов. – Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1901.
9. Кавказ. – 1859. – № 25.
10. Короленко П.П. Екатеринодарский Войсковой собор времен Екатерины Великой // Изв. ОЛИКО. – Екатеринодар, 1899. – Вып. 1. – С. 69–74.
11. Короленко П.П. Екатеринодарская крепость. Рукопись // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 31.
12. Миронов П.В. Территориальный рост г. Екатеринодара // Известия ОЛИКО. – Екатеринодар, 1909. – Вып. 4. – С. 73–88.
13. Миронов П.В. Екатеринодар (Очерк естественных, экономических и исторических элементов) // Вся кубанская область. Торгово-промышленный справочник на 1913 год. – Екатеринодар, 1913. – С. 1–10.
14. Фелицын Е.Д. По поводу столетия со дня основания города Екатеринодара // Кубанские областные ведомости. – 1893. – 16 окт.
15. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1910. Т. 1; Екатеринодар, 1913. Т. 2.

References

1. Bondar' V.V. *Vojskovoju gorod Ekaterinodar, 1793–1867 gg.: Istoriko-kul'turnaya specifika i funkcional'naya rol' v sisteme gorodskih poselenij Rossijskoj imperii* [The military city of Ekaterinodar, 1793-1867: Historical and cultural specifics and functional role in the system of urban settlements of the Russian Empire]: dissertation ... candidate of Historical Sciences: 07.00.02. – Krasnodar, 1998. – 181 p.
2. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK)* [State Archive of the Stavropol Territory (GASK)]. F. 377. Op. 1. D. 7.
3. GASK. F. 377. Op. 1. D. 8.
4. *Dokumental'nye svedeniya ob osnovanii goroda Ekaterinodara. Ekaterinodar, b/g; Korolenko P.P. Gorod Ekaterinodar* [Documentary information about the foundation of the city of Ekaterinodar. Ekaterinodar, b / g; Korolenko P.P. Caterinodar city] // *Kubanske oblastnye vedomosti* [Kuban Regional Vedomosti]. – 1895. – April 20.
5. Dubinin I.V., Ivancov I.G. *Materialy k bibliograficheskoj rekonstrukcii kataloga lichnoj biblioteki Ivana Diomidovicha Popko* [Materials for the bibliographic reconstruction of the catalog of the Personal Library of Ivan Diomidovich Popko] / I.V. Dubinin, I.G. Ivancov. – Krasnodar: Albatross, 2017.
6. *Ekaterinodar-Krasnodar: Dva veka goroda v datah, sobytiiyah, vospominaniyah [1793–1993]: Materialy k letopisi* [Ekaterinodar-Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories [1793–1993]: Materials for chronicles]. – Krasnodar: KN. Publishing house, 1993. – 798 p.
7. Zolotarenko V.F. *Gorod Ekaterinodar v 40-h godah proshlogo stoletiya: rukopis' «Plach Vasiliya pri reke Kuban'» / Pred. I prim. B.M. Gorodeckogo* [City of Ekaterinodar in the 40s of the last century: Manuscript "Plach of Vasily with the Kuban River" / Prev. And approx. B. M. Gorodetsky] // *Izvestiya OLIKO [Izvestia Olio]: IS. 4.* – Ekaterinodar: Type. Kuban Regional Board, 1909.
8. Zolotarenko V.F. *Iz dnevnika V.F. Zolotarenka. 1841–1847* [From the diary of V. F. Golden. 1841–1847] // *Mel'nikov L.M. Intelligentnyj chernomorec 40-h godov.* [Melnikov, L. M. Intelligent Chernomorets of the 40s.]. – Ekaterinodar: Type. Kuban Regional Board, 1901.
9. *Kavkaz* [Caucasus]. – 1859. – № 25.

10. Korolenko P.P. *Ekaterinodarskij Vojskovej sobor vremen Ekateriny Velikoj* [Ekaterinodar military Cathedral of Catherine is great] // *Izvestiya OLIKO* [Izvestia Olio]. Ekaterinodar, 1899. P. 69–74.
11. Korolenko P.P. *Ekaterinodarskaya krepost'. Rukopis'* [Ekaterinodar fortress. Manuscript] // *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of the Krasnodar Territory (GAKC)]. F. R-1547. Op. 1. D. 31.
12. Mironov P.V. *Territorial'nyj rost g. Ekaterinodara* [Territorial growth in the city of Ekaterinodar] // *Izvestiya OLIKO* [Izvestia OLIKO. Ekaterinodar]. – 1909. – Vol. 4. – P. 73–88.
13. Mironov P.V. *Ekaterinodar (Ocherk estestvennyh, ekonomicheskikh i istoricheskikh elementov)* [Ekaterinodar (essay of natural, economic and historical elements)] // *All Kuban region. Trade and industrial handbook for 1913* [Vsya kubanskaya oblast'. Torgovo-promyshlennyj spravochnik na 1913 god.]. – Ekaterinodar, 1913. – S. 1–10.
14. Felicyn E.D. *Po povodu stoletiya so dnya osnovaniya goroda Ekaterinodara* [Regarding the century since the founding of the city of Ekaterinodar] // *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* [Kuban regional statements]. – 1893. – October 16.
15. Shcherbina F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska* [The history of the Kuban Cossack troops]. – Ekaterinodar, 1910. – T. 1; – Ekaterinodar, 1913. – T. 2.

Ю.В. Митлина

**Создание системы торгово-санитарного контроля
и предпосылки её реформирования в Российской империи
в конце XIX – начале XX в.
(на примере Санкт-Петербурга и Москвы)**

В статье анализируются особенности становления системы торгово-санитарного контроля за качеством продуктов питания в Санкт-Петербурге и Москве. Характеризуются предпосылки к реформированию городской системы «охранения общественного здоровья» в сфере контроля за производством и продажей пищевых продуктов в конце XIX – начале XX в.

Особое внимание уделяется направлениям практической работы санитарных служб Москвы и Петербурга, затрагиваются отдельные сферы работы торговой полиции в деле надзора за доброкачеством продуктов питания и контроля за санитарным состоянием торговых и промышленных помещений. В ходе исследования были выявлены общие и различные черты данной работы в Москве и в Санкт-Петербурге.

На основании неопубликованных ранее архивных источников из фондов Центрального Государственного Исторического Архива Санкт-Петербурга и широкого круга делопроизводственных источников автор определяет факторов, с помощью которых санитарные службы столичных городов смогли осуществлять полноценный надзор за качеством производимой и реализуемой пищевой продукции, несмотря на отсутствие необходимой законодательной базы.

Ключевые слова: санитарная комиссия, санитарный контроль, фальсификация продуктов питания, подделка пищевых продуктов, Российская Империя, XIX век, санитарные станции, санитарные лаборатории.

Yuliya V. Mitlina

**Creation of the trade and sanitary control system and prerequisites
for its reformation in the Russian Empire in the late XIX –
early XX centuries (on the example of St. Petersburg and Moscow)**

The article analyzes the features of formation of the system of trade and sanitary control over the food quality in St. Petersburg and Moscow. Prerequisites for the reformation of the city system of «public health protection» in the field of control over the provisions' production and sale in the late XIX – early XX centuries are characterized.

Special attention is paid to the fields of practical work of the sanitary services of Moscow and St. Petersburg; certain areas of the trade police work in the supervision of the quality of food and control over the sanitary condition of commercial and industrial premises are touched upon. The study revealed common and different features of this work in Moscow and in St. Petersburg.

Based on previously unpublished archival sources from the funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg and a wide range of clerical sources, the author draws conclusions about the factors due to which the sanitary services of the capital cities were able to carry out full-fledged supervision of the quality of manufactured and sold food products, despite the lack of a legislative framework in this matter.

Key words: sanitary commission, sanitary control, falsification of food products, counterfeit of food products, Russian Empire, XIX century, sanitary stations, sanitary laboratories.

Изучение способов организации торгово-санитарного контроля за доброкачеством пищевых продуктов в пореформенной России является актуальным в настоящее время. Прошло более столетия, но вопросы надзора в сфере торговли до сих пор решаются трудно, принятые решения зачастую носят двоякий смысл. Данное исследование позволяет охарактеризовать два направления, благодаря которым можно организовать контроль за качеством пищевых продуктов – с помощью фискальных мер и просветительской деятельности, а также выявить эффективность каждого из данных направлений.

В историческом аспекте предложенная тема способствует установлению и анализу причинно-следственных связей между несовершенством законодательной базы, юридическими лакунами, отсутствием финансовой и практической заинтересованности общественного управления городов и существенным ростом производства и продажи недоброкачественной и фальсифицированной продукции. Анализ данного вопроса способствует пониманию и культурологического аспекта повседневной жизни больших городов в конце XIX – начале XX в.

Изучение тем, касающихся контроля за качеством продуктов питания, берет свое начало еще в дореволюционный период. Так, масштабное исследование всех врачебно-санитарных организаций европейской части Российской империи провел Д.Н. Жбанков в работе «Сборник по городскому санитарно-врачебному делу в России» [9], обобщив присланные ему материалы местных санитарных комиссий. В аналитической работе Н.С. Медведева «Торговое посредничество и кооперация» [11] приводится исторический анализ причин возникновения фальсификации, автор выявляет взаимосвязь между видом торговли и качеством пищевых припасов.

В советский период данная тема рассматривалась лишь в контексте организации земского управления. В 60-х гг. XX в. эти сюжеты активно разрабатывала Е.И. Лотова [10]. Более подробно вопросы, связанные с деятельностью различных органов по обеспечению контроля за качеством продуктов питания, стали изучать лишь с 90-х гг. прошлого века. В работах Е.Д. Твердюковой [32] и Е.В. Прохоровой [26] рассматриваются отдельные аспекты торгового надзора со сторо-

ны санитарных комиссий. Взгляд на данную проблему через призму организации домашнего хозяйства в дворянско-интеллигентских семьях пореформенной России находит отражение в работах В.А. Веременико [2; 3]. Однако комплексное изучение вопросов торгового надзора в столичных городах в конце XIX – начале XX в. ранее не проводилось.

Целью данного исследования является анализ особенностей становления торгово-санитарного надзора в Российской империи, пути осуществления данного вида контроля в столичных городах в конце XIX – начале XX в.

Для достижения поставленной цели использовались различные группы исторических источников. Прежде всего это законодательные источники [12; 28; 34], связанные с принятием городских положений и попытками создания врачебно-санитарного законодательства в России. Большой массив информации содержался в отчетах Московской городской управы [15–18], Московской городской санитарной станции [7] и Санкт-Петербургского городского общественного управления [20–23]. Помимо статистических сведений, находящиеся в отчетах, данные источники позволяют сравнить принципы и методы работы торговой полиции и санитарной комиссии столичных городов, выявить общие черты и различия в работе «агентов торгового контроля».

Отчеты дополняются воспоминаниями современников [13; 29; 31] и материалами из публицистических источников [1; 4–6; 30] об особенностях организации торговли «съестными припасами», о качестве реализуемых продуктов питания, что позволило рассмотреть исследуемый вопрос с точки зрения как органов общественного управления, так и обычных потребителей.

Необходимо подчеркнуть, что вторая половина XIX в. в Российской империи – период становления торгово-санитарного надзора за качеством пищевых продуктов. Именно в это время, согласно Городовому положению 1870 г., к предмету ведомства городского общественного управления стали относиться дела, касающиеся благосостояния городского населения, в том числе и устройство рынков и базаров, забота об охране народного здоровья и т.д. [12, с. 4].

Стремление передать по Городовым положениям 1870 и 1892 гг. полномочия по организации врачебно-санитарной работы органам местного самоуправления объяснялось тем, что для налаживания данной деятельности необходимо было знание местных условий [4, с. 103]. Такое решение было неоднозначным. Уже через пять лет после введения Городового положения 1870 г. стало ясно, что статус санитарных врачей при выполнении ими их непосредственных функций оказывался двойственным. Общественность отмечала, что санитарные врачи остаются «только орудиями и все их санитарные поучения, газетные вопли и попытки выйти из страдательной роли орудий игно-

рируются разумом и волей законодателей, административных и общественных властей» [6, с. 4]. Подчеркивалось, что не все органы местного самоуправления осознают значение и необходимость деятельности санитарных врачей. Встречались случаи, когда врачу приходилось одновременно работать в городском сиротском приюте, военном лазарете, а также выполнять обязанности санитарного врача [8, л. 2].

Постановка медико-санитарной организации в Москве и Санкт-Петербурге к концу века признавалась «достигшей значительного развития» [27, с. 225] и приводилась как образцовая для других городов Российской империи. В то же время даже в столичных городах в деле торгово-санитарного надзора было много нерешенных вопросов: «почва» этих городов, по мнению Ф.Ф. Эрисмана, позволила «вырасти и развиваться громадному ветвистому дереву подделки пищевых продуктов» [16, с. 1].

С чем были связаны такие противоречивые мнения? Функции торгово-санитарного контроля за пищевыми припасами и местами их производства и продажи относились в Москве к ведению санитарной комиссии (входившей в 9 отделение городской управы). Учрежденная в 1884 г. как временная исполнительная комиссия по борьбе с эпидемиями, постепенно стала постоянной санитарной комиссией и призвана была решать широкий круг задач «по оздоровлению города». По торгово-санитарному надзору врачи комиссии следили «за правильным производством промыслов и торговлей» [16, с. 8–9]. Служащие IX отделения отвечали за санитарное состояние закрепленных за ними участков города, в том числе решали вопросы контроля за эпидемическим состоянием района, принятием необходимых противоэпидемических мер и проведением дезинфекций, оспопрививанием, за санитарным состоянием домов, в том числе коечных квартир [19, с. 62]. Помимо этого, санитарные врачи должны были проверять состояние промышленных и торговых заведений, доброкачественность имеющихся пищевых продуктов, а также «уничтожать негодные к употреблению съестные припасы» [19, с. 62].

При таком широком круге обязанностей решение проблем, связанных с организацией именно торгово-санитарного надзора, в Москве все время переносилось, так как главное внимание, время и силы санитарные врачи вынуждены были тратить на «неотложные вопросы, связанные с противоэпидемическими мероприятиями, откладывая вопросы, не имеющие характера срочности на потом» [33, с. 16].

Несмотря на подобную загруженность, санитарные врачи играли важную роль в надзоре за качеством пищевых продуктов. Например, вопиющий случай был зафиксирован санитарным врачом городской части Москвы А.С. Померанцевым. При осмотре студеного заведения (данные лавки специализировались на продаже мясных субпродуктов)

Баркова было установлено, что торговец скупал по мясным лавкам Охотного ряда протухшие бычьи ноги, опаливал их (вследствие чего исчезало зловоние) и продавал их бедным жителям городской части Москвы, а также по окрестным деревням для приготовления студня. Санитарный врач с помощником пристава при участии понятых изъяли большое количество обугленных тухлых бычьих ног для последующего уничтожения. Также был составлен акт о нарушениях, для дальнейшего привлечения торговца к ответственности [18, с. 22].

Следили санитарные врачи и за опрятностью содержания самих торговых и промышленных помещений и используемого в них инвентаря, условиями хранения готовой продукции.

Для того чтобы в своей работе опираться на необходимую законодательную базу, санитарная комиссия и соответствующие совещательные комиссии принимали участие в создании обязательных постановлений для жителей Москвы. Разработка таких постановлений, обязательных к исполнению для всех жителей города, по городовому положению, относилась к сфере деятельности органов местного самоуправления. К началу XX в. в Москве были утверждены обязательные постановления по содержанию хлебопекарен, колбасных заведений, разностной торговли [28, с. 92].

Агентами торговой полиции – базарными и торговыми смотрителями, а также базарными смотрителями-врачами тоже осуществлялось наблюдение за торговлей. При этом базарные смотрители-врачи имели медицинское образование и, хотя формально относились к другому столу IX отделения, постоянно участвовали в работе санитарной комиссии. В зону их ответственности входил и надзор за доброкачеством съестных припасов во всех местах приготовления и продажи [17, с. 275].

В 1888 г. благодаря работе торговой полиции было составлено 24 акта о неопрятном содержании мест хранения и реализации съестных припасов и 69 актов о продаже некачественной продукции и о наличии вредных веществ в пищевых продуктах [15, с. 69–70]. Пристальное внимание торговая полиция уделяла базарной и рыночной торговле, особенно во время праздников: на Пасху и перед Рождеством Христовым (когда был большой подвоз мясных продуктов), на грибной торг, а также во время летнего торга фруктами и овощами [18, с. 327].

«Свободные нравы» на таких торгах требовали совместной усиленной работы санитарных врачей, базарных врачей-смотрителей и торговых смотрителей. Зачастую ряды начинали образовываться хаотично из саней, тут же на рогожах лежали продукты, стояли деревянные кадки с солеными грибами, которые «покупатели для пробы вылавливали руками и попробовав гриб, остаток кидали обратно в бочку» [31, с. 125]. Поэтому санитарным службам приходилось прово-

дить и просветительские беседы с торговцами на рынке, объясняя им принятые в городе санитарно-гигиенические нормы.

Таким образом, существовавшее в Москве в конце XIX в. распределение обязанностей по надзору за качеством пищевых продуктов между двумя службами: санитарной комиссией и торговой полицией не способствовало организации целенаправленного, и, главное, систематического надзора [5, с. 112–114].

Общественное управление в столице империи – Санкт-Петербурге – возложило функции по надзору за доброкачественностью продуктов на санитарную комиссию и торговую полицию. Санитарная комиссия столицы на постоянной основе появилась в мае 1886 г. и за четыре года работы сфера её деятельности была сильно расширена. В обязанности санитарных врачей вменялся городской эпидемиологический надзор, общедоступная помощь через думских врачей, содержание загородных кладбищ и т. д. [20, с. 261]. Следует отметить, что в бюджете города в 1891 г. расходы на «охранение общественного здоровья» стояли на первом месте [23, с. XII]. В состав санитарной комиссии входило, помимо председателя и секретаря, 11 санитарных врачей и столько же кандидатов.

Однако за 15 лет с 1875 по декабрь 1890 г. число жителей столицы резко увеличилось. Приток населения в Санкт-Петербург превышал число жителей таких крупных губернских городов, как Рига, Киев или Харьков [21, с. СХХI–СХХII]. За три последних десятилетия XIX в. существенно увеличилось население окраинных частей города: Выборгской (на 142,0 %), Нарвской (на 109,5 %), Александро-Невской (на 168,7 %) [24, с. 581]. Именно эти районы были наиболее неблагоприятны в санитарном отношении. Данное обстоятельство было связано еще и с тем, что приезжие сами начинали производить съестные припасы в соответствии со «всей некультурностью деревенской жизни» [23, с. 248], которую переносили в столицу. Такие заведения оборудовались в ветхих деревянных домишках без водопровода, в ряде случаев в подвалах. Инвентарь был старым, «избитым», со следами засохшего теста, ради «грошовой экономии». Хлебопекарни напоминали обстановку деревенской избы, где дети спали на разделочных столах, а хлеб остывал вперемежку с сохнувшей обувью [23, с. 249]. Именно Выборгской стороне санитарные врачи уделяли наибольшее внимание, но заманчивые дешевые цены в таких заведениях, особенно в мелочных лавках и ларьках, привлекали покупателей. Торговля в мелочных лавках велась с раннего утра и до позднего времени. В этих заведениях можно было купить все: хлеб, пироги, яблоки, колбасу, сахар, папиросы, а также и керосин [29, с. 30–31].

Для упорядочения торговли в мелочных и бакалейных лавках в санитарной комиссии Петербурга были разработаны обязательные постановления [36, л. 5] по содержанию таких заведений. Запреща-

лось держать съестные припасы на полу, использовать для обертки грязную, бывшую в употреблении бумагу, газеты. В помещениях лавок воспрещалось плевать на пол [36, л. 11]. Для этого владельцы заведений обязаны были устанавливать специальные плевательницы с водой.

Особенно много недоброкачественной продукции по бросовым ценам встречалось в так называемых «ларьках» – маленьких заведениях, втиснутых между домами. В подобных заведениях велась мелочная торговля остатками пищевых продуктов (иногда из крупных магазинов, уже подпорченная). Славилась такая ларька своими леденцами, «леденцы приготавливались кустарно, щедро сдабривались красителями и красили все подряд: руки, рот, губы» [25, л. 31–32].

Санитарные врачи Петербурга, как и московские, имели широкий круг обязанностей, связанных с организацией противоэпидемической работы в городе, поэтому вопросы контроля за качеством пищевых продуктов рассматривались на заседании санитарной комиссии по мере необходимости. Например, в течение 1891 г. обсуждались вопросы об определении средней нормы содержания жира в рыночном молоке, ознакомлении с ручными приемами исследования продуктов на месте, устранении порчи неводской воды и др. [22, с. 250]. Санитарной комиссии приходилось разрабатывать и алгоритмы осмотров, методы исследований торговых и промышленных заведений, требования к качеству продуктов. Так, комиссия выпустила, предварительно согласовав с городской санитарной лабораторией, требования, чтобы черный хлеб на столичных рынках содержал влаги не более 49 % [35, л. 1]. Излишняя влага помогала недобросовестным торговцам увеличивать вес буханки.

Помимо санитарных врачей вопросы контроля за съестными припасами решала и торговая полиция. Основным направлением работы этой службы была проверка торговых свидетельств. Впрочем, при посещении учреждений торговые и базарные смотрители также проверяли и содержание самих заведений, качество продуктов и тому подобное. Однако торговые смотрители не имели специальных санитарных знаний, поэтому в 1894 г. санитарная комиссия Санкт-Петербурга предложила заменить торговых смотрителей врачами, которые смогли бы осуществлять полноценный надзор, но данная инициатива не нашла поддержки в управе [30, с. 340].

В Москве, в отличие от Санкт-Петербурга, помимо торговых смотрителей в состав торговой полиции входили базарные врачисмотрители, имеющие специальное образование. Петербургская торговая полиция подвергалась критике из-за недостаточной деятельности по части исследования качества продуктов первой необходимости. Впрочем, положение торговой полиции было неоднозначным: строгое отношение к торговцам немедленно вызывало с их стороны доклад-

ные записки и прошения о том, что полиция подрывает торговлю, промышленность и кредит.

Для столичных санитарных служб особой проблемой вследствие самостоятельного характера торгового оборота была организация контроля за разносно-развозной торговлей. Популярность этого вида торговли в Москве и Петербурге объяснялась «некоторой бесшабашностью покупателей, не умеющих строго и планомерно вести хозяйство» [1, с. 10]. Разносчики, ходившие по дворам старого Петербурга, голосили на разные лады, предлагая свой товар [13, с. 13–14]. Наиболее типичными нарушениями среди этих продавцов была продажа некачественных продуктов, отсутствие чистоты и опрятности в отношении продаваемой продукции и одежды торговцев [36, л. 3]. Встречались и случаи откровенной фальсификации, например «надувание» мяса (для увеличения веса) и продажа размороженного мяса под видом парного. Привлечь к ответственности торговцев было достаточно сложно из-за самого характера торговли. При взятии проб продукции у таких продавцов и при составлении протокола санитарным врачом необходимо было присутствие чинов полиции и двух понятых, что в условиях улицы было проблематично и занимало много времени. Пока останавливали одного торговца, другие обходили санитарного врача и уходили, предупреждая других [25, с. 53].

Значительно возросли возможности столичных санитарных комиссий и торговой полиции в деле раскрытия фальсификации с открытием в 1891 г. городской санитарной лаборатории в Петербурге и санитарной станции в Москве. Это было связано с тем, что к последнему десятилетию XIX в. в колбасном, кондитерском, рыбоконсервном производстве, а также при производстве коровьего масла недобросовестные производители стали использовать красители и примеси, в том числе и запрещенные. Выявить их и позволяла работа лаборатории и станции, что способствовало аргументированному составлению актов о нарушениях с результатами лабораторных анализов с целью привлечения таких фальсификаторов к ответственности. Из примесей наиболее часто к коровьему маслу добавляли маргарин, растительное масло и сало [18, с. 41]. Колбаса окрашивалась в розовые и красноватые цвета с помощью красителей, при этом фальсификат приобрел настолько массовый характер, что потребители колбасу другого цвета уже не покупали, на что жаловались в санитарную комиссию добросовестные производители [35, л. 18]. По заданию управы лаборатории столичных городов проводили анализ рынка пищевой продукции по отдельным видам продуктов, что позволяло санитарным службам целенаправленно осуществлять надзор за качеством продуктов.

Вся перечисленная выше деятельность по охране народного здоровья в Санкт-Петербурге и Москве проводилась на должном уровне, несмотря на наличие объективных трудностей. Работа служб

столичных городов затруднялась тем, что в Российской империи санитарное законодательство не было разработано, а санитарные законы заменял Устав медицинской полиции [34, с. 377]. Общественному управлению приходилось проводить не только организационно-практическую, но в лице санитарных врачей и других специалистов, – научно-исследовательскую работу. Разработка обязательных положений, находящаяся по городскому положению в зоне ответственности органов местного управления, занимала очень много времени, в том числе из-за согласований и утверждений в различных субкомиссиях. Отсутствие необходимой законодательной базы на государственном уровне не позволяло санитарным службам столичных городов империи осуществлять полноценный надзор.

Тем не менее, за счет значительных средств, заложенных в местном бюджете на «охранение общественного здоровья», в столичных городах работали санитарные комиссии, городские санитарные лаборатории, проводились масштабные исследования качества пищевых продуктов как по заказу управы, так и по инициативе самой санитарной комиссии и лаборатории. Велась научная работа: совместно с учеными-гигиенистами разрабатывались нормативы и санитарные требования к содержанию промышленных и торговых заведений. Благодаря этому, а также энтузиазму и личной инициативе санитарных врачей и базарных врачей-смотрителей, удалось организовать в столичных городах Российской империи в конце XIX – начале XX в. систему надзора за качеством пищевых продуктов.

Список литературы

1. Василич Г. Улицы и люди современной Москвы // Москва в её прошлом и настоящем: Роскошно ил. изд., посвящ. памяти историка Москвы И.Е. Забелина. Т. 12. – М.: Образование, 1912. – С. 3–17.
2. Верemenko В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – №1 (Т. 4). – СПб., 2013. – С. 181–191.
3. Верemenko В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – № 4 (Т. 4). – СПб., 2014. – С. 62–75.
4. Вернер И.А. Деятельность Московской городской думы в 1909–1912 годах. – М.: Гор. тип., 1912. – 103 с.
5. Вернер И.А. Современное хозяйство города Москвы. – М.: Моск. гор. упр-ние, 1913. – 654 с.
6. Войно И.К. О значении врача в санитарном надзоре: (По поводу устройства города N в сан. отношении). – Киев: Тип. Е.Я. Федорова. – 50 с.
7. Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета. – М.: Гор. тип., 1892. – 210 с.
8. Государственный архив Ярославской области. Ф. 509. Оп. 1. Д. 993.
9. Жбанков Д.Н. Сборник по городскому санитарно-врачебному делу в России. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1915. – 552 с.

10. Лотова Е.И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. – М.: Мед. литература, 1962. – 315 с.
11. Медведев Н.С. Торговое посредничество и кооперация. – М.: А.М. Будагов, 1914. – 222 с.
12. Мыш М.И. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1883. – 594 с.
13. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. – Paris: Ymca-Press, 1988. – 753 с.
14. Отчет Московской городской управы по санитарно-врачебной части за 1901 год. – М.: Гор. тип., 1902. – 131 с.
15. Отчет о деятельности Московской городской управы за 1888 год. – М.: Тип. Шрёдера, 1891. – 1618 с.
16. Отчет о деятельности Московской городской управы за 1899 год. – М.: Тип. Шрёдера, 1900. – 501 с.
17. Отчет о деятельности Московской городской управы за 1900 год. – М.: Тип. Шрёдера, 1901. – 609 с.
18. Отчет о деятельности Московской городской управы за 1901 год. – М.: Тип. Шрёдера, 1902. – 662 с.
19. Отчеты Моск. гор. врачей (санит., училищных и базарных смотрителей) за 1901 г. – М.: Гор. тип., 1903. – 190 с.
20. Петербургское городское общественное управление. Отчет С.-Петербургской городской управы в 1890 году. – СПб.: Гос. тип., 1891. – 843 с.
21. Петербургское городское общественное управление. Отчет С.-Петербургской городской управы в 1891 году. Ч. 1. – СПб.: Гос. тип., 1892. – 238 с.
22. Петербургское городское общественное управление. Отчет С.-Петербургской городской управы в 1891 году. Ч. 2. – СПб.: Гос. тип., 1892. – 598 с.
23. Петербургское городское общественное управление. Отчет С.-Петербургской городской управы за 1903 г. Ч. 2. – СПб.: Гос. тип., 1904. – 359 с.
24. Покровский В. Санкт-Петербург, столица России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVIIa. – СПб.: Тип.-лит. И.А. Ефрона, 1900. – С. 575–586.
25. Пржибыток С.А. Отчет С.-Петербургской городской лаборатории за 1896 г. – СПб.: Тип. Шрёдера, 1897. – 174 с.
26. Прохорова Е.В. Материалы по истории торгово-санитарного надзора Петербурга – Петрограда – Ленинграда первой трети XX в. // Вестник архивиста. – 2016. – № 3. – С. 62–71.
27. Россия, ее настоящее и прошедшее. Физическая география. Статистика. Государственное устройство. Финансы. Сельское хозяйство. Промышленность. Просвещение. История. Литература. Искусство. Наука: Отдельное изд. статей о России из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Изд. дело, 1900. – 889 с.
28. Сборник обязательных для жителей Москвы Постановлений Московской городской думы. – 9-е изд. – М.: Моск. гор. обществ. упр., 1911. – 92 с.
29. Светлов С.Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). – СПб.: Гиперион, 1998. – 126 с.
30. Семенов Д.Д. Городское самоуправление: Очерки и опыты. – СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1901. – 389 с.
31. Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы: (Полвека назад). – М.: Тип. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1914. – 276 с.

32. Твердюкова Е.Д. Колбаса – дело доверия: фальсификация пищевых продуктов в России // Новейшая история России. – 2015. – № 1. – С. 71–82.
33. Успенский В.П. Москва: краткий очерк развития и соврем. состояния городской врачебно-санитарной организации. – М.: Изд-во Моск. гор. управы, 1911. – 112 с.
34. Фрейберг Н.Г. Врачебно-санитарное законодательство в России: узаконения и распоряжения правительства по гражданской медицинской, санитарной и фармацевтической частям, опубликованным по 1 января 1913 года // Практическая медицина, 1913. – 1017 с.
35. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 210. Оп. 1. Д. 189.
36. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 513. Оп. 43. Д. 718.

References

1. *Vasilich G. Ulicy i lyudi sovremennoj Moskvy* [Streets and people of modern Moscow] // *Moskva v eyo proshlom i nastoyashchem: Roskoshno il. izd., posvyashch. pamyati istorika Moskvy I.E. Zabelina*. [Moscow in its past and present]. Т. 12. – М.: Образование, 1912. – P. 3–17.
2. [Domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. – №1 (Т. 4). – SPb., 2013. – P. 181–191.
3. *Veremenko V.A. Podgotovka dvoryanok k hozyajstvennoj deyatelnosti v sem'e v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Preparation of noblewomen for economic activity in the family in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. – № 4 (Т. 4). – SPb., 2014. – P. 62–75.
4. *Verner I.A. Deyatel'nost' Moskovskoj gorodskoj dumy v 1909–1912 godah* [Activities of the Moscow City Duma in 1909–1912]. – М.: Gor. tip., 1912. – 103 p.
5. *Verner I.A. Sovremennoe hozyajstvo goroda Moskvy* [Modern economy of the city of Moscow]. – М.: Моск. гор. upr-nie, 1913. – 654 p.
6. *Vojno I.K. O znachenii vracha v sanitarnom nadzore: (Po povodu ustrojstva goroda N v san. otnoshenii)* [About the importance of a doctor in sanitary supervision: (Regarding the device of the city N in san. terms)]. – Kiev: tip. E.YA. Fedorova. – 50 p.
7. *Godovoj otchet Moskovskoj gorodskoj sanitarnoj stancii, ustroennoj pri Gigienicheskom institute Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Annual report of the Moscow City Sanitary Station, organized at the Hygienic Institute of the Imperial Moscow University]. – М.: Gor. tip., 1892. – 210 p.
8. *Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskoj oblasti* [The State Archive of the Yaroslavl region]. F. 509. Op. 1. D. 993.
9. *ZHbankov D.N. Sbornik po gorodskomu sanitarno-vrachebnomu delu v Rossii* [Collection on urban sanitary and medical practice in Russia]. – М.: Tipo-lit. V. Rihter, 1915. – 552 p.
10. *Lotova E.I. Russkaya intelligenciya i voprosy obshchestvennoj gigieny* [Russian intelligentsia and public hygiene issues]. – М.: Medicinskaya literatura, 1962. – 315 p.
11. *Medvedev N.S. Torgovoe posrednichestvo i kooperaciya* [Trade mediation and cooperation]. – М.: A.M. Budagov, 1914. – 222 p.
12. *Mysh M.I. Gorodovoe polozhenie so vsemi otnosyashchimisya k nemu zakonenyami, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami* [City regulations with all related laws, judicial and government explanations]. – SPb: tip. N.A. Lebedeva, 1883. – 594 p.

13. *Obolenskij V.A. Moya zhizn', moi sovremenniki* [My life, my contemporaries]. – Paris: Ymca-Press, 1988. – 753 p.
14. *Otchet Moskovskoj gorodskoj upravy po sanitarno-vrachebnoj chasti za 1901 god* [Report of the Moscow City Council on the sanitary and medical part for 1901]. – M.: Gor. tip., 1902. – 131 p.
15. *Otchet o deyatelnosti Moskovskoj gorodskoj upravy za 1888 god* [Report on the activities of the Moscow City Council for 1888]. – M.: tip. SHryodera, 1891. – 1618 p.
16. *Otchet o deyatelnosti Moskovskoj gorodskoj upravy za 1899 god* [Report on the activities of the Moscow City Council for 1899]. – M.: tip. SHryodera, 1900. – 501 p.
17. *Otchet o deyatelnosti Moskovskoj gorodskoj upravy za 1900 god* [Report on the activities of the Moscow City Council for 1900]. – M.: tip. SHryodera, 1901. – 609 p.
18. *Otchet o deyatelnosti Moskovskoj gorodskoj upravy za 1901 god* [Report on the activities of the Moscow City Council for 1901]. – M.: tip. SHryodera, 1902. – 662 p.
19. *Otchety Mosk. gor. vrachej (sanit., uchilishchnyh i bazarnyh smotritelej) za 1901 g.* [Reports of Moscow city doctors (sanitary, school and market supervisors) for 1901]. – M.: Gor. tip., 1903. – 190 p.
20. *Peterburgskoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie. Otchet S.-Peterburgskoj gorodskoj upravy v 1890 godu* [St. Petersburg City Public Administration. Report of the St. Petersburg City Council in 1890]. – SPb.: Gos. tip., 1891. – 843 p.
21. *Peterburgskoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie. Otchet S.-Peterburgskoj gorodskoj upravy v 1891 godu. CH. 1.* [St. Petersburg City Public Administration. Report of the St. Petersburg City Council in 1891. P. 1]. – SPb.: Gos. tip., 1892. – 238 p.
22. *Peterburgskoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie. Otchet S.-Peterburgskoj gorodskoj upravy v 1891 godu. CH. 2.* [St. Petersburg City Public Administration. Report of the St. Petersburg City Council in 1891. P. 2]. – SPb.: Gos. tip., 1892. – 598 p.
23. *Peterburgskoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie. Otchet S.-Peterburgskoj gorodskoj upravy za 1903 g. CH. 2.* [St. Petersburg City Public Administration. Report of the St. Petersburg City Council in 1903. P. 2]. – SPb.: Gos. tip., 1904. – 359 p.
24. *Pokrovskij V. Sankt-Peterburg, stolica Rossii* [Saint Petersburg, the capital of Russia] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. T. XXVIIa. – SPb.: tip.-lit. I.A. Efrona, 1900. – P. 575–586.
25. *Przhibytok S.A. Otchet S.-Peterburgskoj gorodskoj laboratorii za 1896 g.* [Report of the St. Petersburg City Laboratory for 1896]. – SPb.: tip. SHryodera, 1897. – 174 p.
26. *Prohorova E.V. Materialy po istorii torgovo-sanitarnogo nadzora Peterburga – Petrograda – Leningrada pervoj treti XX v.* [Materials on the history of trade and sanitary supervision of St. Petersburg-Petrograd – Leningrad in the first third of the XX century] // *Vestnik arhivista*. – 2016. – №3. – P. 62–71.
27. *Rossiya, ee nastoyashchee i proshedshee. Fizicheskaya geografiya. Statistika. Gosudarstvennoe ustrojstvo. Finansy. Sel'skoe hozyajstvo. Promyshlennost'. Prosvetshenie. Istoriya. Literatura. Iskusstvo. Nauka: Otdel'noe izd. statej o Rossii iz «Enciklopedicheskogo slovary» Brokgauza i Efrona* [Russia, its present and past. Physical geography. Statistics. The state structure. Finance. Agricultural industry. Industry. Education. History. Literature. Art. Science: Separate ed. articles about Russia from the "Encyclopedic Dictionary" of Brockhaus and Efron]. – SPb.: tip. «Izd. delo», 1900. – 889 p.

28. *Sbornik obyazatel'nyh dlya zhitelej Moskvy Postanovlenij Moskovskoj gorodskoj dumy* [Collection of mandatory Resolutions of the Moscow City Duma for residents of Moscow]. – 9-e izd. – M.: Mosk. gor. obshchestv. upr., 1911. – 92 p.

29. *Svetlov S.F. Peterburgskaya zhizn' v konce XIX stoletiya (v 1892 godu)* [St. Petersburg life at the end of the XIX century (in 1892)]. – SPb.: Giperion, 1998. – 126 p.

30. *Semenov D.D. Gorodskoe samoupravlenie: Ocherki i opyty* [Urban self-government: Essays and experiments]. – SPb.: elektro-tip. N.YA. Stojkovej, 1901. – 389 p.

31. *Slonov I.A. Iz zhizni torgovoj Moskvy: (Polveka nazad)* [From the life of shopping Moscow: (Half a century ago)]. – M.: tip. Rus. t-va pech. i izd. dela, 1914. – 276 p.

32. *Tverdyukova E.D. Kolbasa – delo doveriya: fal'sifikaciya pishchevyh produktov v Rossii* [Sausage – a matter of trust: falsification of food products in Russia] // *Novejshaya istoriya Rossii*. – 2015. – №1. – P. 71–82.

33. *Uspenskij V.P. Moskva: kratkij ocherk razvitiya i sovrem. sostoyaniya gorodskoj vrachebno-sanitarnej organizacii* [Moscow: a brief outline of development and modernity. conditions of the city medical and sanitary organization]. – M.: Izdat. Mosk. Gor. Upravy, 1911. – 112 p.

34. *Frejberg N.G. Vrachebno-sanitarnoe zakonodatel'stvo v Rossii: uzakoneniya i rasporjazheniya pravitel'stva po grazhdanskoj medicinskoj, sanitarnoj i farmacevticheskoj chastyam, opublikovannym po 1 yanvarya 1913 goda* [Medical and sanitary legislation in Russia: legalizations and government orders on civil medical, sanitary and pharmaceutical parts, published on January 1, 1913]. – SPb.: zhurn. «Prakt. medicina», 1913 – 1017 p.

35. *Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 513. Op. 43. D. 718.

36. *Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 210. Op. 1. D. 189.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94-053.2/5:82-94-055.2

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_2_46

И.В. Синова

«Все мы родом из детства далекого вышли...» (детская повседневность в женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в.)

В статье исследуется отражение детской повседневности в женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в. На конкретных примерах из эго-документов М.П. Бок, А.Г. Достоевской, М.И. Ключевой, М.Ф. Кшесинской, О.М. Меницкой-Зоммар, А.П. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой, Е.Н. Водовозовой показаны отношения в семье, любимые праздники, игры, развлечения, увлечения, летний отдых, решение вопросов быта. Проиллюстрировано влияние детства на социальную мобильность, становление профессиональной и общественной деятельности, характера, жизненных принципов и приоритетов авторов нарративов. Сюжеты из мемуаров иллюстрируют общие и особенные черты детской повседневности в семьях с разным уровнем образования и материального достатка, социальной принадлежностью, личностными ориентирами.

Ключевые слова: детство, повседневная жизнь, женские мемуары, досуг, нарративные источники, семья, эго-документы, быт.

Irina V. Sinova

"We all came from the long-ago childhood..." (children's everyday life in women's memoirs of the second half of the XIX – early XX centuries)

The article deals with the reflection of children's everyday life in women's memoirs of the second half of the XIX – early XX centuries. Specific examples from the ego documents of M.P. Bok, A.G. Dostoevskaya, M.I. Klyuchevaya, M.F. Kshesinskaya, O.M. Menitskaya-Sommar, A.P. Ostroumova-Lebedeva, M.K. Tenisheva, E.N. Vodovozova show family relationships, favorite holidays, games, entertainment, hobbies, summer vacations, solving routine issues. The article illustrates the influence of childhood on social mobility, formation of professional and social activities, character, life principles and priorities of the narratives' authors. The stories from the memoirs illustrate general and special features of children's everyday life in families with different levels of education and material wealth, social affiliation, personal orientations.

Key words: childhood, everyday life, women's memoirs, leisure, narrative sources, family, ego documents, daily routine.

Детство традиционно является объектом исследования ученых разных областей знаний, в том числе историков, для которых не только репрезентативными, но и интереснейшими источниками для его изучения являются мемуары, хотя они и не лишены субъективизма в оценке описываемых фактов и событий [1; 4; 7; 9; 12]. Большинство женских эго-документов начинаются с рассказа о детстве героинь и о том, какую роль оно сыграло в их дальнейшей судьбе. Основу исследования составили воспоминания М.П. Бок, А.Г. Достоевской, М.И. Ключевой, М.Ф. Кшесинской, О.М. Меницкой-Зоммар, А.П. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой [2; 6; 8; 10; 11; 13; 14]. Некоторые авторы – писательницы А.А. Вербицкая и Е.Н. Водовозова – полностью свое повествование посвятили своим детским и юношеским годам [3; 5]. События и поступки из детства подвергаются авторами нарративов переосмыслению и в определенной степени переоценке, некоторые факты пересказываются со слов взрослых членов семьи и прислуги. Ранний возраст для кого-то стал временем развития творческих задатков, формирования характера, а у кого-то наоборот создал определенные комплексы.

В женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в. можно выделить общие и особенные черты, которые касаются детства авторов. Они рассказывают о своей повседневной жизни, взаимоотношениях в семье, играх, праздниках, увлечениях, воспитании, наказаниях и обидах. Каждая из героинь касается эмоциональной и психологической атмосферы в семье, при этом кто-то с радостью и благодарностью, а кто-то с грустью. Балерина М.Ф. Кшесинская пишет о том, что она «была любимицей отца» [10, с. 15] и что «детство мое было счастливым и радостным. Наши родители очень любили своих детей. Безграничная любовь и забота о нас позволили им создать удивительную атмосферу, которая навсегда останется для меня самым дорогим воспоминанием о тех годах» [10, с. 14].

А.Г. Достоевская, посвятив воспоминания своему мужу, писателю Ф.М. Достоевскому, тем не менее, кратко рассказывает о своем детстве и юности «с самым отрадным чувством: отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну. Жизнь в семье была тихая, размеренная, спокойная, без ссор, драм или катастроф» [6, с. 50]. Даже такая однообразная атмосфера автора вполне устраивала.

Более яркие воспоминания о своей семье оставила писательница Е.Н. Водовозова, с большой любовью отзываясь о своих родителях: «все мы, от мала до велика, обожали отца. Играя с младшими, он поднимал такую возню, что нередко в комнату вбегала матушка. Она стыдила мужа за то, что тот сам увлекался игрой как ребенок, но отец ничуть не смущался и подшучивал над ней. Матушка смеялась шутке, и возня возобновлялась» [5, с. 5].

В мемуарах М.П. Бок – старшей дочери премьер-министра П.А. Столыпина, все события представлены через призму деятельности отца, но атмосфера в семье и отношение к детям также получили отражение: «тогда я еще была единственным ребенком моих родителей и пользовалась нераздельными их ласками» [2, с. 30].

Просветительница и общественный деятель М.К. Тенишева в детстве по отношению к своей матери испытывала чувство страха: «я боялась матери, трепетала перед ней. Ее черные строгие глаза леденили меня» [13, с. 21] или «это был, кажется, единственный раз в моей жизни, что я обняла свою мать. Она никогда меня не ласкала» [13, с. 23]. Другие ее воспоминания тоже безрадостны: «мне восемь лет. Я стала сознательней, но матери своей по-прежнему страшно боюсь. Боюсь ее как огня...» [13, с. 24].

О.М. Меницкая-Зоммар, скорее с горечью, чем с обидой пишет о своей матери, которая потеряла двоих детей: «она была очень спокойная, добрая, справедливая, относилась очень ровно ко мне и Соне, заботилась о нас, чтобы мы были сыты и здоровы, но я никогда не видела с ее стороны безумной ласки, горячих объятий, какими я осыпала своих детей и внуков. Казалось, от любви сердце истекает кровью. Безумный страх за их жизнь и здоровье вечно терзает душу» [14, с. 119].

Авторы эмоционально описывают развлечения в родительском доме, праздники, игры и даже шалости. Практически во всех семьях интерес вызывали сказки, рассказанные взрослыми, и чтение книг. М.П. Бок считает, что «самым чудным временем дня были вечерние часы, после обеда, когда можно было пойти в кабинет, влезть на мягкую оттоманку, прижаться к папá и слушать чудные сказки, которые он рассказывал. Сказки эти меня интересовали еще много лет спустя, когда они рассказывались моим маленьким сестрам. Были они так занимательны, что моя мать, с работой в руках, тоже всегда приходила их слушать» [2, с. 30]. П.А. Столыпин, несмотря на занятость государственными делами, всегда находил время для общения с детьми и проявления заботы о них.

А.Г. Достоевская вспоминает, что в доме «детских книг совсем не было; нас никто не пытался "развивать". Рассказывали нам иногда сказки, преимущественно отец; вернувшись со службы и пообедав, он ложился на диван, звал к себе детвору и принимался рассказывать. Сказка у него была одна об Иванушке-дурачке, но вариации были бесчисленные, и мы с братом всегда удивлялись: почему Иванушку называют дурачком, раз он так умно умеет выпутываться из всевозможных бед» [6, с. 50].

М.К. Тенишевой в детстве сказки рассказывала няня: «выдуманные и настоящие, – про Царя Салтана, Конька-Горбунка, Аленушку и много других; настоящие же были ее воспоминания о том, когда она,

еще крепостной, убежала от злой госпожи и долго потом ходила по святым местам, а там и воля вышла... Те и другие сказки я очень любила. Мы обязательно каждый раз обе плакали, когда она рассказывала, как про волю на Руси читали, как целовались, крестились от радости...» [13, с. 24]. А научившись читать Тенишева «читала без разбора все, что только попадало ... под руку» [13, с. 29]. Она сама считает, что главную роль в ее становлении как личности и понимании жизни сыграло сочинение Фомы Кемпийского «О подражании Христу». «Это было откровением... Я была одинока, заброшена. Моя детская голова одна работала над всем, ища все разрешить, все осознать. Никто никогда не говорил мне: не надо лгать, нехорошо красть... Все нравственные уроки я нашла в этой книге. Она внесла мне в душу примирение, утешила меня, поддержала... Всегда в тяжелые минуты, когда грусть сжимала мне сердце, я находила в ней отраду, опору: я уже не чувствовала себя одинокой... Всем, что созрело во мне положительного, я обязана исключительно этой книге и самой себе» [13, с. 29]. Другим автором для нее, который также оставил неизгладимое впечатление, был Гете: «Найдя в Кемпийском учителя души, я нашла в Гете учителя красоты, заставившего пробудиться мое сердце и воображение» [11, с. 29]. На основании мемуаров Тенишевой видно, что в детстве в процессе ее становления как личности главную роль сыграли не конкретные люди, а именно книги: «Вообще, читая, я глубоко входила в положение каждого героя и так страдала за них, столько проливала горьких слез, как будто судьбы их и горе были моими личными. Но больше всего производили впечатление на меня те книги, где описывались страдания оскорбленного самолюбия: с этими положениями я никогда не могла примириться, кажется, я страдала и оплакивала в них себя» [13, с. 30].

Даже для ученицы швейной мастерской М.И. Ключевой книги являлись одним из главных увлечений и форм досуга: «лежа на теткиной кровати, целый день читала Пушкина, Евгений Онегин. У тетки были разные книжонки, которых она никогда не брала в руки. Все эти книжонки она собирала из барских домов для меня. Я в них, бывало, зареюсь и не замечаю, как пройдет воскресный день» [8, с. 178]. Ключева также упоминает, что одной из заказчиц мастерской была директор библиотекой имени Грибоедова, которая ее «записала в библиотеку, откуда мы доставали книги» [8, с. 179]. Поэтому неудивительно, что в дальнейшем Ключева не только стала мастерицей, но и преподавала на курсах кройки и шитья.

Художница А.П. Остроумова-Лебедева рассказывает о том, что «меня долго не учили. Грамоте я выучилась сама очень рано и не помню как. Иногда мама, когда я очень к ней приставала, давала мне переписывать с книги. Меня очень интересовали знаки препинания. Особенно я старалась над запятой...» [11, с. 36] Она признается так-

же, что «в гимназии я училась спустя рукава. Очень много читала, это была моя страсть, иногда – целые ночи напролет» [11, с. 45].

В памяти о детстве значительный след оставляют разнообразные игры, забавы, традиционные и семейные праздники. Как правило, исходя из интересов и характера каждого человека, они связаны с положительными эмоциями и впечатлениями. Е.Н. Водовозова пишет, как в имение ее родителей съезжались гости на представления: «В ту пору театр был большой редкостью даже в городе. А уж в деревне о нем и мечтать не приходилось. Однако отец устроил у нас домашний театр не для забавы. "Наш театр послужит для пользы детей", – говорил он мамушке, когда она жаловалась, что эта затея стоит им слишком дорого» [5, с. 5]. И вся подготовка спектаклей проводилась совместными усилиями: «Старших он научил иностранным языкам, сам переводив с французского пьесы, разучивал с детьми роли. Мы, дети, никогда не оставались без дела. Готовясь к спектаклям, сестры помогали горничным шить костюмы и мастерить разные вещи: из золоченой бумаги клеили короны и украшали их цветными бусами, вырезывали из дерева или картона латы и шпаги, раскрашивали их и разрисовывали занавес. Все принадлежности театра были самодельными. И даже артистами были сами дети» [5, с. 6].

Балерина Кшесинская рассказывает, что в их семье «сочельник праздновали по старинному обычаю. После ужина зажигали елку, под которую клали подарки. Этот обычай я соблюдала всю свою жизнь, и по сей день для меня нет большего удовольствия, чем зажечь елку и раздать подарки» [10, с. 20]. М.П. Бок рассказывает о том, что «на второй день Пасхи мамá устраивала детский бал, на котором мы танцевали выученные за зиму танцы» [2, с. 39].

Праздников и развлечений у М.И. Ключевой почти не было, так как в раннем детстве она жила у тетки, которая «ходила по стиркам, я была ее правая рука. Училась я в начальной школе после занятий, я помогала развешивать на чердаке, а также полоскать белье» [8, с. 168]. Поэтому после определения ее в швейную мастерскую на обучение ремеслу она умела видеть радости в мелочах, и от многого получать удовольствие. «Вечером после работы хозяйка учениц отпускала погулять – вокруг дома – и наказывала, чтобы мы не вздумали с кем-нибудь завести знакомство, а в особенности с мужчинами. Гуляли мы около часа... Мы как птицы небесные, выпущенные из клетки, не нарядимся подышать воздухом и насладиться дорогой свободой. Уж тут мы не наговоримся, и говорим мы все сразу» [8, с. 172]. Даже такой непродолжительный отдых и прогулки доставляли девочкам удовольствие. Кроме этого, «по вечерам мы иногда пели песни всем хором, и хозяйка тоже подтягивала...» [8, с. 172]. Несмотря на отсутствие материальных возможностей и зависимость от хозяйки мастерской, Ключева рассказывает, что «по воскресеньям иногда мы с

хозяйкой ходили на туманные картины, их показывали бесплатно в чайной общества трезвости...» [8, с. 175.], посещали в консерватории выступление учащегося сольного пения [8, с. 180] и балаганы на Масленой неделе [8, с. 181].

В отличие от эмоциональной Кшесинской, Остроумова-Лебедева «была до крайности застенчива», поэтому «не любила общих детских игр. Среди игры по непонятному импульсу, тихонько и незаметно убегала ото всех и забиралась на папин диван... Это случилось со мной и впоследствии, когда я была уже взрослая» [11, с. 40]. А А.Г. Достоевская говорит о том, что «игрушками нас не баловали, а потому мы их ценили и берегли» [6, с. 3].

Тенишева вспоминает, как «на Рождество меня пригласили на семейную елку, но я была безучастна: оживленное веселье не затронуло меня» [13, с. 33]. Зато гораздо большее удовольствие она получала, когда с няней «играла в дурачки. Только с няней нельзя ни выиграть, ни проиграть: она признает только розыгрыш. "Так-то лучше, – говорит она, – а то какая же это игра, если один в дураках остается? Игра – это веселье. А весело ли быть в дураках?"...» [13, с. 24]. Дети часто любят иметь свои маленькие секреты, связанные с их интересами и занятиями, порой скрывая их от взрослых и придавая этому некую таинственность. Тенишева вспоминает, что «мелкие игрушки я предпочитала крупным и могла часами, тихо-тихо притаившись, копошиться в своем углу, разбираясь в моих любимых коробочках, или любоваться крошечными художественными бирюльками, которые прятались в особый шкафчик, купленный мною на собственные сбережения. Этот заветный шкафчик был для меня святая святых. В нем, кроме бирюлек, укладывались в ватку мелкие восковые фигурки – все избранное, любимое. Если бы кто-нибудь коснулся этих сокровищ, я, кажется, умерла бы от ужаса – до того я дорожила каждой вещицей, аккуратно запирая их на ключ – это был мой первый ключ» [13, с. 25].

Тенишева в детстве, не находя понимания в семье, доверяла свои секреты только любимой кукле, вероятно, произвольно ассоциируя себя с ней. «У меня есть друг: кукла Катя, которой поверяются на ухо все тайны. Иногда я бью ее, но тут же со слезами целую, прошу прощения. Все говорят: Катя страшная, волос почти нет, нос подбит. Я не верю, это невозможно. Катя для меня красавица! Кроме Кати, у меня много нарядных кукол, тех я не люблю. Раз с одной из них я вышла в сад, а там бабы метут аллеи. "Ах, барышня, какая у тебя цаца... Подари ее мне". Я отдала. Другая баба пристала: "Дай ты и мне тоже цапочку". Я сбегала за другой, и так пока всех не отдала конечно, кроме Кати. Вечером, ложась, я должна прибирать игрушки – гувернантка заставляет. Хватились – кукол нет. Допрос... Гувернантка повела к матери. Мать очень рассердилась, высекла» [13, с. 21–22]. Но никто в доме даже не попытался понять мотив такого поступка маленькой де-

вочки. Порой не всегда для детей главным являются материальные блага и количество игрушек, гораздо важнее для них понимание, душевная теплота и искренняя забота.

Интересы, увлечения и творческие задатки некоторых авторов мемуаров начали формироваться еще в детстве, и они вспоминают о тех первых шагах, которые делали в этом возрасте, таким образом закладывались основы для их будущей профессии и успеха.

Кшесинская пишет о том, что «уже в три года я безумно любила танцы, и отец, желая доставить мне удовольствие, брал меня с собой в Большой театр» [10, с. 15]. В ее памяти отложилось, что у них в доме всегда была большая гостиная, где «отец проводил занятия, которые я так любила. Из салона слышались звуки вальса или мазурки, а я, тогда совсем еще ребенок, приплясывала, как умела, в такт музыке» [10, с. 18].

Остроумова-Лебедева рассказывает, как она «торопилась вставать рано и сейчас же принималась рисовать. Срисовывала с литографированных альбомов пейзажи, животных и разные сценки. Рисовала целый день» [11, с. 40].

Тенишева в разные периоды своей жизни занималась живописью, оперным пением, но, пожалуй, главные ее достижения связаны с просветительством и общественной деятельностью. Интерес к искусству проявился у нее еще в детстве, когда она пробиралась в гостиную к своим «друзьям – картинам», которых было много в доме. Но особенно ей нравились «веселые, цветистые... Все эти картины возбуждали во мне удивление, а трогала меня одна: широкий, цветущий луг, вдали лес и река, небо такое прозрачное... Она вызывала во мне тихую грусть, манила туда, в леса и луга. Я всегда вздыхала, глядя на нее. С нее всегда начинался мой обход, ею и кончался» [13, с. 25]. И картины навевали на юную душу мысли о том, «как это может человек сделать так, как будто все, что я вижу, – настоящее, живое? Какой это должен быть человек, хороший, умный, совсем особенный? Как бы мне хотелось такого знать... Этих хороших, умных людей называют художниками. Они, должно быть, лучше, добрее других людей, у них, наверное, сердце чище, душа благороднее?... Насмотревшись, я убежала в свою комнату, лихорадочно хватаясь за краски, – но мне никак не удавалось сделать так же хорошо, как этим “чудным” людям, художникам» [13, с. 25]. Но эти детские попытки позднее переросли во взрослое увлечение.

Вопросы, связанные с домашним бытом, едой, приемом гостей в разной форме описаны в мемуарах. Кшесинская рассказывает, что ее отец, будучи человеком общительным обожал принимать гостей и «тогда на столе появлялись различные традиционные блюда, так как все традиции и обычаи соблюдались в нашем доме очень строго. Думаю, что гостеприимство я унаследовала от отца. Я тоже всю жизнь

любила принимать гостей и, как говорят, всегда умела создать хорошее настроение и приятную обстановку» [10, с. 19]. А на Пасху отец Кшесинской «сам пек куличи, надевая при этом большой фартук, и всегда месил тесто в новой деревянной квашне» [10, с. 20]. По мнению балерины, «самым веселым летним праздником был мой день рождения 19 августа... Благодаря заботам и стараниям отца об этом событии помнили не только в окрестных деревнях, но и в соседних имениях, и на дачах... Вечером около дома вспыхивала иллюминация и начинался великолепный фейерверк... Разумеется, в этот день был праздничный ужин, и непременно подавали шведский пунш, который отец делал по одному лишь ему известному рецепту...» [10, с. 23–24]. Праздники описаны в характерной для Кшесинской восторженной манере, особенно, если это касается лично ее.

М.П. Бок рассказывает, что «после обедни, каждое воскресенье папá ходил покупать со мной в кондитерскую угощение на "танц-класс"» [2, с. 37]. Водовозова вспоминает, что после смерти отца семье, испытывавшей материальные затруднения, на многом приходилось экономить. Так, что по вечерам в доме горело лишь две свечи: «...для нас, детей, самым чувствительным было не это. С особым сожалением говорили мы о сладком, которого нам теперь совсем не давали» [5, с. 13]. Ключева касается вопроса приема пищи, скорее, как первичной потребности человека, а не как формы коммуникации людей: «стол у нас был сытный, но простой: треска, каша, щи, селедка, горох, картофель. Чай, и днем кофе с ситным... Мясо ели три раза в неделю» [8, с. 171].

Тенишева пишет не о семейных обедах, а о душевном отношении к ней няни, у которой «в комнате пахнет лампадкой, стоят банки с вареньем. Она угощает меня чаем и моим любимым вареньем, брусничкой в патоке, своего изготовления» [13, с. 24]. Она также вспоминает, что в детстве она часто гостила у княгини Вадбольской, называя ее бабушкой и сохранив о ней добрые воспоминания. И как ни странно, она делает акцент в мемуарах на том, что «самое же веселье было, когда бабушка целым караваном поднималась ехать в баню. В то время даже в самых богатых домах не было того комфорта, какой мы имеем теперь: ванну при каждой квартире, с проведенной теплой водой и всеми усовершенствованиями. Бабушка, как и все важные дамы того времени, ездила в баню. Это было целое событие. Запрягались огромные кареты, ехали горничные с тазами, бельем, и вся эта компания отправлялась в путь. В бане бабушку встречали с почетом, как постоянную старинную гостью, ей отводилось лучшее помещение в несколько комнат. Бабушка сама мыла мне голову, а после этого я лежала на диване, мне давали что-то прохладительное. Я очень любила сборы в баню. У меня была своя маленькая шайка. Назад все возвращались красные, довольные, с распухшими, как мне всегда ка-

залось, лицами» [13, с. 23]. Детское воспоминание, казалось бы, о таком обыденном факте оставило след в памяти Тенишевой, вероятно, потому, что было связано с человеком, к которому она прониклась теплом и который к ней относился с добротой.

Авторы мемуаров с большой любовью вспоминают свой летний отдых, когда они соприкасались с природой и ощущали свободу. У Тенишевой немногие счастливые минуты детства связаны с пребыванием в имении Новое в Новгородской губернии, «где впервые пробудилась во мне любовь к природе. Мое укромное убежище, густые заросли, старый сад, вековые деревья, бесконечное, широкое озеро... Как я любила, разувшись, бегать и играть на солнце на берегу, по бархатному песчаному заливу, купаться в пригретой солнцем воде, ловить руками серебристую рябь...» [13, с. 28]. С большой теплотой она также описывает свое пребывание с гувернанткой в деревне в Псковской губернии, где пользовалась полной свободой, сделалась смелой и повсюду бегала одна: «Часто с затаенным дыханием слушаю пение соловья. Я люблю это пение, так люблю, что всегда плачу, слушая его. Мне точно жаль чего-то, больно. А то, лежа на спине в траве, подолгу слежу за причудливыми облаками. Хорошо в деревне, привольно... Никто больше не бранит меня, не наказывает. Я громко пою в саду, заливаюсь, а песни все собственного сочинения, да длинные, сложные» [13, с. 26]. Для Тенишевой в детстве отнюдь ни семья составляла комфорт и умиротворение, а наоборот, пребывание вдали от нее.

Кшесинская повествует о том, что «в детстве я обычно проводила лето в имении и пережила там много прекрасных дней...». Оно располагалось в «Красницах около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге... На протекавшей внизу речке Орлинке, прямо напротив нашего дома, оборудовали пляж с купальней. Недалеко от дома находился большой огород и фруктовый сад, а за садом начинался старый густой лес, куда я часто ходила по грибы. В имении был большой скотный двор и птичник. На широких лугах косили великолепную траву для скота...» [10, с. 21].

У родителей М.П. Бок было несколько имений, но любимым у детей было Колноберже в Ковенской губернии. Она описывает, как ее «охватывает такое глубокое чувство счастья» перед встречей с «любимыми обитателями Колноберже – людьми и животными» [2, с. 42].

А.Г. Достоевская, отец которой был мелким петербургским чиновником, не упоминает о пребывании в деревне, а пишет, что «лето мы с утра до вечера сидели в саду», вероятно, здесь речь идет о городских садах [6, с. 50].

Самое яркое воспоминание Остроумовой-Лебедевой о соприкосновении с природой и проявлением «самостоятельности» связано с детской проказой, когда 10-летняя Анна с 12-летней сестрой сбежали

из дома в путешествие: «С вечера мы потихоньку снесли в лодку картофель, хлеб, спички и соль, а сами на рассвете тихонько выбрались из дому. Мы не подумали о родителях и их тревоге. Мы плыли на веслах целый день... Вечером, когда стало темно мы выбрались на высокий берег. В сосновом лесу разложили костер и стали печь картофель... И так ночь мы просидели у костра...» [11, с. 38]. О волнении родителей и о наказании за данный поступок Остроумова не рассказывает.

Для каждого из авторов мемуаров соприкосновение в детстве с природой вызывало разные эстетические и душевные ощущения, но никого из них не оставляло равнодушным.

Вероятно, не просто далось Тенишевой осмысление и вывод об отношении к ней матери: «Она давно отталкивала меня своим вечным криком, несправедливостью не только ко мне, но и ко всем окружающим... Тяжело было подходить к ней с постоянным чувством страха и трепета. Я устала дрожать, жить постоянно с натянутым вниманием, чтобы только не навлечь на себя неудовольствия, удары и самые строгие наказания... Сиротливое чувство защемило мое сердце, я чувствовала, что она меня не любит» [13, с. 27]. Вероятно, сложность отношений самой Тенишевой с дочерью связаны не только с ограничениями для общения и воспитания со стороны ее первого мужа, но и с отсутствием некоего примера и образца из ее детства. Зато Мария Клавдиевна, может быть, в качестве компенсации за то что ее не любили в детстве, и она сама недолюбила свою дочь и мало времени провела с ней, впоследствии создала школу в Талашкино, в которую вложила всю свою душу.

Сюжеты из женских мемуаров второй половины XIX – начала XX в. свидетельствуют об общих и особенных чертах детской повседневности с учетом уровня образования и материального достатка, социальной принадлежности семьи автора, личностными ориентирами окружающих людей и в целом, самой эмоциональной и психологической атмосферы. Для кого-то семья являлась опорой и поддержкой в дальнейшей жизни и основой для социальной мобильности, для кого-то, как для М.К. Тенишевой, детство стало временем, когда закалились ее воля и терпение.

Для всех авторов мемуаров, пожалуй, за исключением М.Ф. Кшесинской, главную роль в детстве сыграли книги, читая которые они не только получали возможность помечтать и отдохнуть, но и черпали знания, информацию для размышления, пищу для ума, искали и находили ответы на свои нравственные искания и сомнения. У балерины же приоритеты в повествовании расставлены по-другому, в центре – ее собственная личность и ее успехи. Даже в качестве главного праздника она называет свой день рожденья, приводя примеры восторженного отношения к ней еще с детства.

Воспоминания о своем детском возрасте А.П. Бок как, впрочем, и вся книга, исходя из ее названия, написаны через призму деятельности и восторженного отношения к своему отцу, без каких-либо личных оценок и мнения.

Но при наличии разных подходов, приоритетов и оценочных средств у авторов мемуаров к жизнеописанию, они позволяют составить общую картину, а также выявить единство и разнообразие форм детской повседневности второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Афанасьева Ю.Ю. С.В. Ковалевская: «Воспоминания детства» и кризис идентичности // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 7 (184). – С. 144–148.
2. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. – Нью-Йорк, 1953. 347 с.
3. Вербицкая А.А. Моему читателю: автобиографические очерки с портретом автора и семейными портретами (Детство, годы учения). – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1911. – 282 с.
4. Верременко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – 232 с.
5. Водовозова Е.Н. История одного детства. – М.-Л.: Детиздат, 1941. – 244 с.
6. Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста примеч. С.В. Белов и В.А. Туниманова. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
7. Киселева И.А. Концепт «семья» и его репрезентация в ассоциативном поле концепта «детство» в русской и английской лингвокультурах (на материале женской мемуаристики конца XIX – начала XX вв.) // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 90–100.
8. Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. – СПб.: [б.и.], 1997. Вып. 3. – С. 64–232.
9. Колягина Т.Ю. Мир детства в «Воспоминаниях» Т. Л. Сухотиной-Толстой // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 191–205.
10. Кшесинская М.Ф. Воспоминания / пер. с франц. Л. Папилиной. – Смоленск: Русич, 1998. – 416 с.
11. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. – М.: Изобр. искусство, 1974. [Т. 1–2]. – 631 с.
12. Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 286–294.
13. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – М.: Искусство, 1991. – 288 с.
14. «Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967). Публик. и ком. В.А. Верременко, В.В. Каминский // История повседневности. – 2017. – № 1. – С. 109–150.

References

1. *Afanas'eva YU.YU. S.V. Kovalevskaya: «Vospominaniya detstva» i krizis identichnosti* ["Childhood memories" and the identity crisis] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. – 2017. – № 7 (184). – S. 144–148.
2. *Bok M.P. Vospominaniya o moem otce P.A. Stolypine* [Memories of my father P. A. Stolypin]. – New York, 1953. 347 s.

3. *Verbickaya A.A. Moemu chitatelyu: avtobiograficheskie ocherki s portretom avtora i semejnymi portretami (Detstvo, gody ucheniya)* [To my reader: autobiographical essays with a portrait of the author and family portraits (Childhood, years of study)]. – M.: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko., 1911. – 282 s.

4. *Veremenko V.A., Zhukova A.E. «Proletariat kukhni» srazhaetsya: sposoby zashchity svoikh prava zhenskoi domashnei prislugoi v Rossii v nachale XX veka* [Kitchen proletariat fights: ways to protect their rights by female domestic servants in Russia at the beginning of the XX century] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. – 2019. – № 4 (65). – P. 51–60.

5. *Vodovozova E.N. Istoriya odnogo detstva* [The story of a childhood]. – M-L: Detizdat, 1941. – 244 s.

6. *Dostoevskaya A.G. Vospominaniya / Vstup. stat'ya, podgot. teksta primech. S.V. Belov i V.A. Tunimanova* [Memories / Intro. article, podgot. text notes by S. V. Belov and V. A. Tunimanova]. – M.: Pravda, 1987. – 544 s.

7. *Kiseleva I.A. Koncept «sem'ya» i ego reprezentaciya v asociativnom pole koncepta «detstvo» v russoj i anglijskoj lingvokul'turah (na materiale zhenskoi memuaristiki konca XIX – nachala XX vv.)* [The concept of "family" and its representation in the associative field of the concept of "childhood" in Russian and English linguistic cultures (based on the material of women's memoiristics of the late XIX – early XX centuries)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2017. – № 4. – S. 90–100.

8. *Klyucheva M.I. Stranicy iz zhizni Sankt-Peterburga 1880–1910* [Pages from the life of St. Petersburg 1880-1910] // *Nevskij arhiv: Istoriko-kraevedcheskij sbornik* [Nevsky Archive: A collection of local history]. – SPb.: [b.i.], 1997. Vyp. 3. – S. 64–232.

9. *Kolyagina T.YU. Mir detstva v «Vospominaniyah» T. L. Suhotinoj-Tolstoj* [The world of childhood in "Memories" by T. L. Sukhotina-Tolstoy] // *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogu]. – 2019. – № 9. – S. 191–205.

10. *Kshesinskaya M.F. Vospominaniya / Per. s franc. L. Papilinoj* [Memoirs / Trans. with frantz. L. Papilina]. – Smolensk: Rusich, 1998. – 416 s.

11. *Ostroumova-Lebedeva A.P. Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical notes]. – M.: Izobraz. iskusstvo, 1974. [T. 1–2]. – 631 s.

12. *Sekenova O.I. Detstvo v vospominaniyah rossijskih zhenshchin-istorikov vtoroj poloviny XIX – pervoj poloviny XIX v.* [Childhood in the memoirs of Russian women historians of the second half of the XIX – first half of the XX century] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples ' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. – 2021. – T. 20. № 2. – S. 286–294.

13. *Tenisheva M.K. Vpechatleniya moej zhizni* [Impressions of my life]. – M.: Iskusstvo, 1991. – 288 s.

14. *«Ya vyshla zamuzh za lyubimogo...» memuary O.M. Menitskoi-Zommar (01.03.1874–31.01.1967). Publik. i kom. V.A. Veremenko, V.V. Kaminskii* ["I married my beloved..." memoirs of O.M. Menitskaya-Sommar (01.03.1874–31.01.1967). Public. and com. V.A. Veremenko, V.V. Kaminsky] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2017. – № 1. – P. 109–150.

В.А. Веретенко

Женское кулинарное образование в России на рубеже XIX–XX вв.: хобби или обучение профессии?*

В статье на основе широкого круга источников характеризуется состояние женского кулинарного образования в России на рубеже XIX–XX вв. Определяются причины появления женских кулинарных курсов и поварских школ. Выявляются потребители данной услуги.

Кулинарные курсы имели, как правило, несколько отделений и предназначались как для хозяек – для «домашнего применения», так и для обучения профессиям. В последнем случае речь шла о специалистках разного образовательного уровня и социального положения – от прислуги до экономок крупных хозяйств.

Организация поварских школ требовала серьезных вложений – на наём специального помещения и обустройство кухни, приглашение дорогостоящих специалистов, покупку продуктов и т. д. Все это отражалось на стоимости обучения, и даже специально созданные благотворительные общества могли предоставлять бесплатные места только очень незначительному числу обучающихся. В результате женские кулинарные курсы оказались востребованы, прежде всего в дворянско-интеллигентской среде. Причем, основная масса обучающихся, потратив на курсы значительные средства и силы, планировала использовать полученные знания, заняв хорошо оплачиваемое и вполне приличное место управляющей или учительницы.

Ключевые слова: пореформенная Россия, профессиональное образование; женские кулинарные курсы, домоводство; домашние хозяйки, прислуга, экономки, кухарки, учительницы, благотворительные общества.

Valentina A. Veremenko

Female culinary education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries: hobby or professional training?

Based on a wide range of sources, the article characterizes the state of female culinary education in Russia at the turn of the XIX–XX century. The reasons for the appearance of female culinary courses and cooking schools are determined; the consumers of this service are identified.

Culinary courses, as a rule, had several departments and were intended both for housewives – for "home use", and for professional training. In the latter case, there were specialists of different educational level and social status – from servants to housekeepers of large farms.

© Веретенко В.А., 2021

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Organization of cooking schools required serious investments – for hiring a special room and kitchen arrangement, invitation of expensive specialists, purchase of food, etc. All this was reflected in the cost of education, and even specially created charities could provide free places only to a very small number of students. As a result, female culinary courses were in demand, first of all, in the noble-intellectual community. Moreover, the bulk of students, having spent considerable funds and efforts on the courses, planned to use the gained knowledge, taking a well-paid and quite respectable job as a manager or teacher.

Key words: post-reform Russia, professional education, women's culinary courses, home economics, housewives, servants, housekeepers, cooks, teachers, charities.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался значительным спросом населения России на профессиональное образование. Характерно, что интерес выказывали самые разные социальные слои, а наиболее быстрыми темпами развивались всевозможные профессиональные школы для женщин. Особое место среди подобных учебных заведений занимали школы домоводства и кулинарные курсы, как грибы после дождя выросшие по всей территории империи всего за 15–20 лет – с 90-х гг. XIX до 10-х гг. XX в. Создатели этих учебных заведений имели самые разные задачи: от благотворительных – «призреть» девочек-сирот или бывших женщин-заключенных, помочь им получить простую, но в то же время очень востребованную профессию прислуги, до просветительских – научить образованных домашних хозяек науке «домоведения»; от образовательных – дать необходимые знания школьным учительницам домоводства, до профессиональных – обеспечить крупные социальные объекты (больницы, институты и т. д.) и частные имения компетентными экономками. Сами же обучающиеся, вне зависимости от их сословной принадлежности, искали прежде всего оплаченную работу, что отражало кардинальное изменение положения и самоощущения российских женщин пореформенной поры.

Несмотря на то что история первых шагов женского кулинарного образования в России находится на пересечении нескольких крайне востребованных и широко разрабатываемых научных направлений, – гендерной истории, истории благотворительности и истории образования, данная тема практически не затронута в отечественной науке. В качестве историографической основы исследования можно отметить несколько общих статей, касающихся истории профессионального женского образования в целом, написанных Е.А. Косетченковой, О.Б. Вахромеева и Е.Б. Зотовой, а также диссертацию О.Б. Крыловой [3; 19; 21–23]. Вопросы профессионального образования и благотворительной помощи прислуге рассмотрены в статьях А.Е. Жуковой, Л.А. Самариной и А.М. Семенова [17; 38]. Е.В. Дианова дает характеристику эволюции общественного питания в XX в. [15]. Особенности пореформенной кулинарной литературы изучает О.Н. Яхно [47–48].

Краткий очерк истории отечественного кулинарного образования содержится статья М.Н. Куткиной и С.А. Елисейевой [27].

Таким образом, продолжая серию работ о социальном пространстве «кухни» и изменении трудовой повседневности женщин привилегированных слоев, а также их прислуги [4; 6–9; 49], автор статьи ставит своей целью дать анализ причин широкого распространения женского кулинарного образования, выявить его основных потребителей и охарактеризовать основные формы и способы его получения на рубеже XIX–XX вв.

До 80-х гг. XIX в. обучение приготовлению пищи в России, вне зависимости от того, речь шла о навыках, необходимых хозяйке в быту или повару/кухарке в профессиональной деятельности, осуществлялось путем длительного ученичества и носило сугубо практический характер. В небогатых семьях дочери учились домашней премудрости у матерей; будущих кухарок отдавали в помощницы к специалистке; мальчики-поварята с 8–12 лет «ученичествовали» у опытных поваров, работая бесплатно по 12–15 ч в день [27, с. 287–288]. Подобная ситуация мало отличалась от периода крепостничества, когда, например, отец С. Энгельгардт поместил одного юношу из своей многочисленной дворни учиться кулинарному искусству в Московский Английский клуб, где подросток долгие годы ходил в поварятах у опытных мастеров. Окончив учение, молодой повар расширил стол хозяев разнообразными изысканными блюдами на любой вкус. Кроме того, «он стал пользоваться спросом у соседей, его часто стали приглашать готовить именные обеды и отдавали мальчиков на выучку поварскому мастерству» [46, с. 679].

В любом случае, речь шла исключительно о развитии практических навыков и умении готовить те или иные блюда. Вместе с тем кулинария как предмет (часть предмета) все же существовала в отдельных женских учебных заведениях, характерно, что изучали его девочки/девушки, находившиеся на двух противоположных концах социальной лестницы – сироты из приютов для неимущих и воспитанницы институтов для благородных девиц. Если первые должны были получить знания, чтобы в дальнейшем поступить на «место» кухарки или «одной прислуги», то для вторых знание основ кулинарии должно было помочь в организации домашнего хозяйства и в контроле за прислугой.

Соответственно, если к знаниям в области «домоведения» неимущих сироток, ориентированному на их будущую профессиональную деятельность, подходили серьезно, и приобретению практических навыков отводилось значительное время, то школьная кулинария институтов носила «любительский характер». Так, например, призрешаемых в Александринском сиротском доме девочек-сирот купцов, мещан, цеховых, крестьян, посадских и разночинцев начинали учить домовод-

ству, и как части его, «кулинарному искусству», с 6 лет, привлекая к работе на кухне, закупке провизии, обучая началам «домашней экономики». Гарантией того, что девушки получили все необходимые практические навыки являлось формальное соглашение, которое учебное заведение заключало с семьей, в которую поступала выпускница на работу: прослужившие без нареканий несколько лет могли рассчитывать на премию [44].

Совершенно по-другому и с прямо противоположными результатами обстояло дело с «кухонной наукой» в институтах благородных девиц. Для приучения девушек старших возрастов к хозяйству в каждом женском привилегированном учебном заведении существовала «образцовая кухня». Схема ее посещения различалась не только в разных институтах, но могла меняться с приходом новой начальницы и в одном и том же. В воспоминаниях бывших воспитанниц приводятся различные варианты дежурства по кухне по очереди – от 10 человек в течение целой недели [45, с. 194], до 5–6, а то и трое воспитанниц, причем только на один день [10, с. 304]. Воспитанницы, ходившие на такие дежурство вместо обычных уроков, очень любили эти «большие развлечения», а работавшие в «образцовых» кухнях кухарки смотрели на данное мероприятие «как на дозволенное барышням баловство» [10, с. 304]. Вот как описывала кулинарные занятия А.Н. Энгельгардт: «Придут, бывало, институтки в эту кухню, кухарка подает им готовое тесто и готовую начинку и покажет, как раскатать тесто, положить начинку, защипать ее и ... только! Что было раньше, откуда взялось тесто и как его приготавливали – осталось покрытым мраком неизвестности, и что будет после с заготовленными пирожками, сколько времени и в какой печи они будут сидеть – тоже! Мы знали только, что съедим их за обедом и что они будут очень вкусны, потому что кухарка была мастерица своего дела...» [45, с. 194].

Как видим, и в разного рода учебных заведениях, несмотря на «предметное обучение» кулинарии, оно все равно сохраняло исключительно практическую форму, при которой опытные кухарки показывали ученицам, как готовить то или иное блюдо, выполнять те или иные необходимые операции.

Первые опыты «теоретического» освоения приготовления пищи связаны с публикацией кулинарных книг и учебников домоводства. В 60–70-е гг. XIX в. наибольшей популярностью среди образованных хозяек пользовались многочисленные издания кулинарной книги Е.И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», а также «Литовская хозяйка», «Приготовление кушаний без кухарки» и пособие «Образованная хозяйка и домоправительница», подготовленное А.И. Городецкой на основе курса, читавшегося в Варшавском женском училище [29; 28; 12; 36]. Эти руководства, предназначенные именно для женской, а точнее – дамской, аудитории, содержали не только «карты блюд на неделю» и

рецепты «примерных обедов», но и многочисленные советы по выбору продуктов, посуды для приготовления пищи и сервировки стола, правилам домашней экономии и поддержанию порядка на кухне. Распространение подобной литературы отражало начало процесса эволюции городской кухонной культуры [см. подроб. 6; 49].

Эта эволюция была связана с несколькими взаимосвязанными причинами. С одной стороны, в условиях вызванного отменой крепостного права ухудшения финансового положения российского дворянства вопрос о рачительном ведении хозяйства, об изыскании самых разных способов экономии семейного бюджета занимал все более важное, если не первостепенное положение в жизни подавляющей массы семейств представителей первенствующего сословия. Решить данную проблему можно было как перепоручив значительную часть домашних дел самой хозяйки, а следовательно, доведя количество прислуги до минимально возможного, так и путем перехода на более экономичные формы потребления. Все это требовало от матери семейства умения готовить. Даже если она не собиралась сама ежедневно стоять у плиты, обширные знания в области домашней экономии обеспечивали ей возможность осуществлять объективный контроль за прислугой, сохраняя семейный бюджет [9].

С другой стороны, основная масса домашней прислуги рекрутировалась из деревни. Ничего не умевшие крестьянские девушки не только слабо разбирались в гастрономических тонкостях, но и просто с трудом ориентировались в городских условиях, вызывая постоянное недовольство нанимателей. Опытные же кухарки, а тем более повара, спрос на которых не только в частных домах, но и в общественных учреждениях, не поспевал за предложением, требовали за свои услуги значительного жалованья. К тому же, долгие годы тяжелого кухонного ученичества, сопровождавшегося постоянной руганью, тычками и ударами как от мастеров, так и от хозяев, приучали этих специалистов не лезть далеко за ответным словом, отвечая грубостью на любые советы и «вмешательства в свои дела», и мелким воровством на «неуважение». В результате хозяйка стояла перед непростым выбором либо взять неумеху и самой с ней заниматься, (а это требовало определенных умений), или потратить значительную часть бюджета на опытную кухарку, полностью предоставив ей управление домашним питанием и не имея возможности, во избежание бесконечных конфликтов, проверять расходы и условия приготовления блюд. Возможным выходом из этой дилеммы могло бы стать освоение хозяйкой кулинарного искусства и переход приготовления пищи в ее руки или наём молодой специалистки, получившей необходимые навыки в учебном заведении, а не под многолетним руководством «вечно пьяной, грубой и грязной кухарки» [4; 49].

Третьей, немаловажной причиной городской кухонной модернизации стали значительные изменения в научно-технической сфере. Эти изменения включали как широкое распространение знаний о гигиене и санитарии в образованной части общества, так и появление в домах технических новшеств, прежде всего замену печки на плиту, а затем и газовую (керосиновую) горелку. Прослушавшие в учебном заведении курс гигиены или ознакомившиеся с основами санитарии в популярном издании хозяйки, значительно более были склонны требовать от своей прислуги их соблюдения. В то время как ни деревенская девушка, ни даже опытная кухарка не видели ничего страшного в «обычной» грязи, тараканах или «немножко» испорченных продуктах. Умение же использовать активно входивший в городской быт многообразный кухонный инвентарь: от плиты до мясорубки, предполагало или многолетнюю практику, или специальное обучение [6; 30, с. 114–116].

Наконец, серьезное развитие городской среды требовало значительного числа специалистов, готовых обеспечить питанием как отдельных потребителей, так и целые учреждения. Речь шла не только о ресторанах, кухмистерских и т. д. Свои кухни и столовые имели больницы, учебные заведения, некоторые предприятия. Даже офисы учреждений обзаводились «буфетчицами», официально должность которых называлась «прислуга при чайном кубе» [см. 5].

Все перечисленное создавало запрос как на кулинарное образование для домашнего потребления (домашние хозяйки разной социальной принадлежности), так и для профессиональной деятельности (квалифицированные кухарки и экономки, хозяйки и персонал предприятий общественного питания). Наконец, развитие интереса к домоводству, появление подобных курсов как самостоятельных учреждений, так и в рамках общеобразовательных школ, вызывало необходимость в учительницах. Таким образом, постепенно формировалась еще одна специфическая образовательная ниша – подготовка преподавательниц кулинарии и домоводства.

Одновременно с ростом востребованности кулинарного знания среди различных категорий населения, в кругу специалистов возникала потребность перехода от практического к теоретическому освоению гастрономии, отношению к ней как к специальной дисциплине: «Почти все, даже самые лучшие повара в России, приобретают свои познания только путем многолетней практики под руководством других опытных поваров, благодаря чему, эти познания они могут передать другим также только практически. Но при подобном способе обучения поварскому искусству, требующем огромной затраты времени и физического труда, не достигается самого главного, а именно – усвоения в системе тех общих правил об обращении с пищевыми продуктами, их свойствами, посудой и очагом, а равно о значении и разумной причине каждого действия, которые составляют "основы кулинарного ис-

кусства" ... недостаточно одного умения хорошо стряпать, знать пропорцию продуктов и даже их состав и свойства; нужна еще специальная педагогическая подготовка, ... чтобы уметь передать все эти сведения обучающимся» [37, с. VII–VIII].

Все вышеперечисленное привело к тому, что в конце 80-х гг. XIX в. практически одновременно в столицах Российской империи появились первые кулинарные учебные заведения, одно из которых ориентировалось, как следовало из названия, на удовлетворение различных чаяний привилегированных потребительниц, а другое – на профессиональную подготовку поваров и кухарок.

В 1887 г. тайным советником Иваном Алексеевичем Новиковым и его супругой Александрой Андреевной в Москве было учреждено «Общество распространения между образованными женщинами практических знаний необходимых в домашнем быту». Основатели ставили целью «распространение практических знаний, приложимых к домашнему быту, как для доставления возможности матерям семейства собственными силами удовлетворять потребностям семьи и жизни, так и для обеспечения существования образованной женщины личным трудом» [41, с. 3; 33].

На средства, получаемые с членских взносов, за счет публичных лекций, концертов, спектаклей, пожертвований и завещанных капиталов, и наконец, с доходов самих школ (оплата за обучение и доходы с продаж предметов, изготовленных ученицами), общество развернуло активную деятельность [41, с. 5–6, 12–13; 33]. И если первоначально основное внимание создатели учреждения уделяли обучению образованных хозяек шитью («Школы кройки и шитья платьев», «Школа мод с мастерской при ней», «Школа кройки и шитья белья, с мастерской при ней», «Школа рукоделий»), то следующим направлением деятельности стали кулинария и домоводство. В результате в 1890 г. открылась «Кулинарная школа, с курсом домашнего хозяйства» [24, с. 7].

Уже само название общества определило социальный состав тех, чьи интересы оно должно было удовлетворять. Недаром из обучавшихся в первое десятилетие девушек только 16 % имели домашнее образование (у остальных было оконченное или неоконченное среднее), а дворянки составляли 44,7 % обучавшихся. Та же ситуация сохранилась и в последующие годы [24, с. 8, 22–23].

Кулинарная школа оказалась наиболее затратным начинанием для организаторов общества. Связано это было не только с тем, что учебное заведение требовало значительных сумм на первичное обустройство, а также постоянных расходов на отопление, освещение, дополнение инвентаря, покупку провизии и т. д., но и прежде всего со значительными тратами на персонал. В качестве преподавателя был приглашен повар ресторана «Славянский базар» В.Д. Зотов «за плату 50 руб.», но скоро он «потребовал сто рублей в месяц, ссылаясь на

сложные обязанности как повара и учителя», правда обязался содержать за свой счет еще и помощника. Помимо повара, персонал курсов включал смотрительницу, ее помощницу, двух горничных, судомойку и кухонного мужика. «Для оплаты жалованья всем означенным лицам тратилось школой ежемесячно 158 р.» [32, с. 52]. Учитывая значительные расходы общества, стоимость обучения была первоначально установлена в 45 р. в месяц, а продолжительность – в три месяца. Однако данная цена оказалась совершенно неподъемной даже для «образованных женщин». В результате пришлось сократить курс до полутора месяцев (при ежедневной учебе), а стоимость до 20 р. в месяц [32, с. 52].

Для удобства слушательниц программа курса была «изложена в 36-ти четырех блюдных обедах», опубликованных в форме специального пособия. Эти «Записки», хотя и позиционировались авторами исключительно «как необходимое пособие ученицам кулинарной школы, заменяющее ежедневные записывания рецептов», а также предназначенное им же для того, чтобы уже после окончания обучения «восстановить в памяти всю программу в том виде, как она проходила в школе», на деле активно использовались и теми, кто не учился на курсах [18, с. 3].

Помимо освоения правил приготовления «образцовых обедов», слушательницы изучали основы «мясоведения», включавшее сведения о заболеваниях молочного скота и паразитах мяса. Данные теоретические знания опять-таки были оформлены в виде записок, а практически подкреплены демонстрацией благодаря владельцу «нормальной столовой» Д.В. Коншину, который «неоднократно» давал возможность ученицам «присутствовать при разделе туши на части, что очень помогло усвоению сортов мяса» [32, с. 53].

Часть приготовленных в ходе обучения обедов поступало в учрежденную при кулинарной школе столовую, в которой могли питаться ученицы разных курсов общества, а также обучающиеся в других женских учебных заведениях [24, с. 7]. При этом руководство общества предоставляло ежедневно 10 обедов за половину стоимости слушательницам Екатерининских фельдшерских и Пospelовских курсов, и четыре бесплатных обеда ученицам школы рукоделия и школы кройки и шитья платьев [32, с. 54].

В 1895 г. общество устроило вторую кухню для отдела домашнего хозяйства, специально предназначенного для изучения «печения хлебов, изготовления пирожных, квасов и приготовления различных запахов». В качестве преподавателей были приглашены мастер-кондитер «из кондитерской Альберта с платой 20 руб. в месяц, при занятиях 4 раза в неделю» и «пекарь, он же квасник и заготовщик, за 20 руб. в месяц при ежедневных занятиях». Дополнительно в программу была включена лекция Н.Е. Цабель «о сущности плодов и овощей», которая

сопровождалась демонстрацией возможности их сушения на «изобретенной им сушилке». Курс обучения в отделе домашнего хозяйства был установлен в 24 урока за плату 10 р. с бывших учениц и 15 р. с посторонних [32, с. 54].

Оба курса заканчивались экзаменами, вопросы и готовые формулировки ответов к которым также были опубликованы в записках [18, с. 5, 89–102]. Испытания производились 2–3 раза в год и состояли из теоретического и практического экзаменов. Практическое испытание проходило в виде «платной выставки кушаний», на которую приглашались эксперты от ремесленной управы. Успешно окончившие обучение получали свидетельства.

Несмотря на то что основной задачей школы было получение ученицами навыков «необходимых в домашнем быту», уже в первые годы функционирования учебного заведения стало ясно, что многие «образованные» ученицы намерены применить «приобретенные ими знания вне домашнего обихода своих семей, как заработок средств к жизни» [24, с. 27]. Причем выпускницы курсов не только поступали на «места по хозяйственной части в различных учреждениях», но две из них даже открыли свои собственные кулинарные школы в Москве [32, с. 55].

В этот же период появились первые кулинарные учебные заведения в Петербурге. Школа поваров и кондитеров, ориентированная преимущественно на подготовку мужчин – работников общественного питания, но принимавшая и женщин – (как правило, для службы в частных домах), открылась по инициативе Русского общества охраны народного здоровья 25 марта 1888 г. [27, с. 288–289]. Учебное же заведение, принимавшее исключительно женщин, появилось в столице Российской империи 15 марта 1894 г. по личной инициативе и на средства Веры Ивановны Гунст. Причем, несмотря на то что упомянутая выше кулинарная школа в Москве действовала к этому времени уже пять лет, открывшиеся курсы были объявлены «первой школой поварского искусства и домоводства». Подобный статус закрепился за учреждением и утвержденным 26 января 1896 г. уставом, согласно которому новые кулинарные курсы получили название «Первая Практическая Школа Поварского Искусства и Домоводства» [35, с. 1].

Школа В.И. Гунст действительно отличалась от кулинарных курсов «Общество распространения между образованными женщинами практических знаний», так как ориентировалась на значительно более широкие слои населения, изначально предполагала несколько образовательных траекторий и, наконец, предлагала бóльший объем знаний за меньшие деньги.

Как и на курсы общества, в школу принимались девушки всех сословий. При этом особой «образованности» от учениц здесь никто не требовал. Поступающие должны были уметь читать, писать и знать

четыре правила арифметики. Однако в исключительных случаях, для обучающихся из прислуги, и этот образовательный ценз отменялся, и в школу принимали неграмотных. Сам прием проходил в течение всего года, и начать обучение можно было в любой месяц [34, с. 2–3].

Объем часов, характер обучения и требования к выпускницам зависели от того, с какой целью девушка пришла на курсы. Существовало пять возможных вариантов: 1) домохозяйки, желающие «правильно вести хозяйство собственных семейств»; 2) для работы учительницей домоводства или поварского искусства; 3) заведующие хозяйством крупных учреждений (больниц, приютов, учебных заведений и т.д.); 4) экономки для частных домов; 5) кухарки [35, с. 5].

Все ученицы, вне зависимости от направления обучения, проходили основной курс, состоящий из двух классов. Первый класс, рассчитанный на два месяца, давал основные знания в области «поварского дела и домоводства», второй – месячный – был разработан для «кухни утонченной». При переходе из первого класса во второй ученицы сдавали промежуточный экзамен [34, с. 3–4].

Стоимость обучения зависела от класса и категории ученицы. Обучение в первом классе стоило 15 р. в месяц. Помимо этого, взималось еще по 50 к. ежемесячно за хранение платья и 2 р. при окончании класса на материал для экзамена и аттестата. Второй класс, продолжавшийся месяц, стоил для учениц первой категории 15 р. 50 к., а для учениц второй и третьей категорий – 20 р. [35, с. 3].

Помимо разных аспектов кулинарии, включавших не только правила приготовления разнообразных блюд, но и составление меню, сервировку стола, умение выбирать качественные продукты, в программу основного курса входило еще несколько дополнительных дисциплин. Важное место среди них занимало домоводство. В ходе обучения ученицы знакомились с основами домашней гигиены и санитарии, правилами ухода за одеждой, обувью, предметами домашнего обихода и т.д. [14]. Серьезное внимание на курсах уделялось счетоводству, где преподавались основы ведения домовых книг и составления бюджета семьи. Отдельно изучались в школе правила использования и закупки различных форм топлива, так как к концу XIX в. помимо дровяных плит стали активно использовать и другие (газовые и керосиновые) горелки и эта информация должна была помочь слушательницам спокойно ориентироваться на любой кухне [13; 34, с. 12–14].

Для домашних хозяек и кухарок достаточным считался основной курс. Причем, если тем, кто планировал использовать общие знания о поварском деле только в собственном доме, предоставлялся один аттестат, то ученицы из прислуги, желавшие поступить на места, могли получить от администрации школы еще и рекомендации. Высший же уровень квалификации домашней прислуги – аттестат на звание «кухарки за повара» получали только те ученицы, которые «по окончании

курса и после годичной практики на частных местах, предоставили в Совет школы свидетельство своих хозяев с удостоверением их подписью об основательном знании своего дела» [1, с. 1].

Девушки, которые обучались для получения должности заведующих большими общественными столовыми и частными имениями, приобретали дополнительные знания и умения. Прежде всего они обязаны были проходить общий курс два раза, при этом для них существовали дополнительные практические занятия по счетоводству, в ходе которых ученицы осваивали правила составления отчетов по кладовой и ведение кассовой книги. Помимо этого, обучающиеся данной категории обязаны были принимать участие «в хозяйстве по кухне для состоящей при школе столовой, и в ведении книг». Так, например, от них требовалось: ходить вместе с экономкой курсов и столовой «за провизией»; «наблюдать за порядком и за правильным ходом дела» в кухне при столовой; «составлять меню на указанные цены и определять стоимость различных обедов»; «вести правильную отчетность по расходу в столовой как за отдельные дни, так и за целые месяцы» [14, с. 120; 34, с. 4, 6].

Наконец, в школе велась подготовка учительниц поварского дела, которая в целом продолжалась шесть месяцев и предполагала, помимо освоения общего курса и обязательных дежурств по кухне и столовой, еще и изучение тем, посвященных преподаванию поварского дела, а также проведение пробных уроков в присутствии начальства школы [34, с. 6].

Характерно, что при выдаче аттестата об окончании обучения принимались во внимание не только знания, которые ученица показывала на экзамене, но и «степень усердия и добросовестного отношения к делу в течение всего курса». Отказ подчиняться правилам школы и распоряжениям заведующей, а также систематические опоздания могли привести к исключению без возврата оплаченных средств [1; 35, с. 3].

Самостоятельной формой обучения были вечерние, разовые занятия, начинавшиеся в семь часов вечера и оплачивавшиеся по 40 к. На этих занятиях один из специалистов школы показывал приемы приготовления двух блюд, список которых печатался в газетах по субботам на всю последующую неделю вперед [35, с. 10].

Таким образом, в «Школе поварского искусства» изначально сформировалось два направления – «любительское» (для домашних нужд) и профессиональное, ориентированное на различные формы профессиональной деятельности. Но, так как в любом случае, все ученицы начинали с основного курса, обычной ситуацией была та, при которой рядом, на одной учебной кухне работали представительницы всех сословий, и будущая прислуга вполне могла трудиться бок о бок со своими потенциальными хозяйками...

Несмотря на то что большинство учениц кулинарных курсов и школ использовали свои знания для заработка, для неискушенной публики эти учебные заведения были прежде всего местом, куда отправлялись скучающие дамы. Причем качество и результат их обучения стали к концу XIX в. предметом постоянных шуток и частыми сюжетами карикатур в сатирических изданиях.

Еще в 1886 г., когда вопрос об открытии кулинарных курсов только обсуждался, в сатирическом журнале «Шут» уже высказывали опасения по поводу знаний, которые могут приобрести хозяйки в подобной школе. С одной стороны, автор публикации поддерживал саму идею того, чтобы «девицы и дамы» учились «распознавать провизию и покупать ее, вести домашнюю бухгалтерию и приготавливать всякие яства». Ведь все это приведет, наконец, к окончанию «тирании кухарок, потому что любая хозяйка с дипломом кулинарных курсов во всякое время может извергнуть строптивую бабу из недр своего дома и, препоясавшись передником, состряпать обед по всем правилам гастрономии, на радость домашним и на горе соседским кухаркам». Но вместе с тем он опасался, что итогом образования станет получение никчемных знаний, которые «еще хуже теперешнего неведения». Не зададутся ли эти курсы «широкими задачами и всеобъемлющими рамками – вопрошал он, – и, вместо того чтобы научить хорошей, простой стряпне, станут преподавать курсисткам анатомию и физиологию домашних животных, химический анализ состава питательных продуктов, географическое распределение разных питательных растений по земному шару, и тому подобной премудрости». В результате, если современные «девицы говорят, что говядина в поле гуляет», то после обучения «они прочтут вам за обеденным столом лекцию о том обеде, который мог бы быть приготовлен, если бы была кухарка, а самого обеда, приготовленного по последнему слову науки, вы не увидите» [20].

С открытием первых курсов поток острот и подколов наполнил страницы сатирических журналов. Приведем несколько показательных примеров:

«Кулинарная курсистка

Женщина, окончившая кулинарные курсы, приобретает способности: – поджаривать на медленном огне своего собственного мужа. – отбивать котлеты на его щеках и лысин – башмаком. – допекать его требованием денег на наряды. – щипать его перья, в виде остатков седых волос и бак. – заваривать кашу, втягивая несчастного мужа сделать для нее растрату казенных сумм» [26].

«Жена из школы кулинарного искусства

- Почему это кушанье пахнет о-де-калоном
- А я нарочно наливаю, чтобы не пахло луком и другими гадостями» [16] (см. ил. Развлечение. 1896. № 6. С. 8).

«Суп тру-ля-ля! и рыба натюрель»

– Кроме того у нас будет соблюдена экономия! – Конечно! – согласился я. Дело шло о том, чтобы рассчитать кухарку... На самом деле, не задаром же жена посещала кулинарные курсы! ... Кухарка была разочтена...

На другой день я спешил домой особенно голодный и с умилением посмотрел на миску горячего... – Суп "тру-ля-ля"! – торжественно объявила жена. Я радостно кивнул головой. Если кто-нибудь нашел смысл в стихах декадентов, то значит был вкус и в моем супе. Первый раз в жизни я жалел об отсутствии кухарки Мавры... – Рыба натюрель! – возвестила жена, ставя передо мной что-то похожее на стоптанный женский башмак. Я благоразумно промолчал и уткнулся в тарелку...

– Серж, ты как будто недоволен моим обедом!

– Какие глупости!.. Разве тебе только самой не нравится?

– Ты не обидишься, если я на два часа уйду к сестре Арише?

– Нисколько, – я в это время займусь делом!

– Так дай мне 40 коп. на извозчика!..

Я отдал деньги и тотчас же, по уходе жены к сестре, стремглав полетел в ближайшую кухмистерскую.

– Обед! – крикнул я в кухмистерской... Где-то сбоку звонко упала ложка... Я оглянулся и увидел обедающей свою супругу...» [39].

Несмотря на довольно пренебрежительное отношение части современников к кулинарным курсам и школам домоводства, видящим в них лишь место пустого времяпровождения для скучающих дам, вслед за столицами данные учебные заведения стали активно распространяться по всей территории империи. Провинциальные школы опирались на уже имевшийся опыт столичных курсов – использовали испытанные практикой программы, приглашали в качестве преподавателей бывших слушательниц московских или петербургских школ, наконец, применяли пособия, разработанные предшественниками. Так, например, в Одесской кулинарной школе директором которой был И.А. Казаринов, уже с 1897 г. пользовались пособием П.П. Александровой. Тексту руководства предшествовало следующая комплементарная характеристика автора: «Г-жа Александра окончила курс в поварской школе, учрежденной при обществе охранения народного здравия. Там впервые ею приобретены из лекций профессоров-специалистов весьма ценные сведения по различным отраслям науки о питании. Заинтересовавшись затем техникою кухни, она в течении нескольких лет работала под руководством таких просвещенных кулинаров как Ф.А. Зеест – член парижской кулинарной академии и Л.К. Астафьев – владелец паштетной мастерской. Постоянно обращая их внимание на разные подробности того или другого технического приема, которые в глазах постороннего наблюдателя, кажутся не имеющими значения, она, благодаря замечательной любви к делу и

исключительным, в указанном направлении, способностям, сумела обобщить очень многие явления, происходящие при приготовлении кушанья. Результаты такой деятельности увенчались очень скоро большим успехом Г-жи Александровой, лекции которой постоянно посещаются множеством слушательниц...» [37, с. IX].

По мере открытия все новых и новых женских кулинарных школ в провинции, вопрос о персонале становился все более острым. Желание организаторов сэкономить приводило к тому, что далеко не всегда даже столичные рекомендации способствовали приему компетентных специалистов. Так, открывшиеся весной 1913 г. в Воронеже «Попечительским обществом о прислуге» курсы кулинарии и домоводства были вынуждены приостановить свою деятельность, так как Корсакова, «лекторша, избранная Советом по рекомендации С.-Петербургской кулинарной школы, оказалась не на высоте своего положения», и только к осени, когда была прислана другая, «весьма опытная лекторша», г-жа Ожога, учебное заведение начало работать в полную силу. Вполне объяснимо, что если первая кандидатка получила 35 р. в месяц, то второй пришлось платить уже 90 р. [11, с. 2, 13]. Примечательно, что и данные курсы, несмотря на то что они были открыты обществом, занимавшимся попечением о прислуге и, как казалось бы, ориентировавшим свою деятельность исключительно на данную социальную группу, первоначально занялись обучением «интеллигентных слушательниц», плативших по 25 р. в месяц, и лишь затем начали работу бесплатные вечерние занятия для прислуги. В результате более половины из потраченных на организацию курсов 1 100 р. вернулось на счета общества [11, с. 2–5].

По-другому пытались найти способ обучения наименее обеспеченных девушек кулинарии, не сделав при этом данное начинание крайне затратным, Казанское дамское благотворительное общество, открывшее свою Практическую школу поварского искусства и домоводства в 1915 г. Учебное заведение состояло из кухни и комнат, которые были обставлены и устроены по типу швейцарских пансионатов. Десять мест в интернате предоставлялось ученицам школы, они полностью обеспечивались обществом всем необходимым на весь период обучения. Могли обучаться на курсах и проходящие девушки, внося в кассу общества по 10 р. в месяц. Остальные места в пансионе сдавались жильцам, которые, помимо «столования в школьной кухне», пользовались и другими услугами, например «по уборке комнат и уходу за платьем». Все ученицы из интерната по очереди выполняли разные работы в пансионе: убирали комнаты квартирантов, ухаживали за их одеждой, обслуживали в общей столовой, помогали повару на кухне. Принимала школа заявки на приготовление разных блюд и от «посторонних лиц». В конце обучения некоторые ученицы даже могли

рассчитывать на зарплату в 50 к. в день. Срок обучения составлял два года без каникул и отпусков [43, с. 2–8].

К концу имперского периода женские кулинарные школы и курсы помимо столиц действовали еще более чем в 10 городах страны. Большинство из учебных заведений были организованы по образцу Первой Практической школы поварского искусства и домоводства Веры Ивановны Гунст и имело несколько отделений, ориентированных на разные задачи – для домашних хозяек, для экономок, прислуги и учительниц домоводства. Вместе с тем все чаще программа усложнялась, а срок обучения увеличивался. Так, Балтийские женские хозяйственные курсы домоводства и кулинарии, открытые Обществом попечения о народном благе в Риге летом 1913 г., имели шесть отделений, причем минимальный полный курс был рассчитан на один год. Два разных отделения готовили учительниц домоводства: одногодичная школа для учительниц народных училищ и двухгодичная – для преподавательниц средних учебных заведений. Полтора года предполагалось обучать домашних служащих. Особая годичная программа была разработана для уже имевших базовые знания по домоводству домашних хозяек – выпускниц учебных заведений. Наконец, при школе действовали специальные курсы по разным дополнительным предметам (заготовки, печенье хлеба, сервировка стола и т. д.), а также 6-недельные временные передвижные курсы, распространявшие свое влияние на весь балтийский регион [2; 40]. Список профессий, срок и стоимость обучения демонстрируют, что учебное заведение, как и другие аналогичные, ориентировалось прежде всего на образованных женщин и «интеллигентную занятость». Ведь даже в категории «домашние служащие» речь идет об домоправительницах, заведующих имениями и экономках.

Постепенно кулинарные школы становились важными центрами женского профессионального образования, их престиж постоянно рос и к 10-м гг. XX в. наличие аттестата об окончании курсов становилось серьезным преимуществом кандидаток, при поступлении на работу. Так, например, одним из первых кадровых назначений нового попечителя Петропавловской больницы г. С.-Петербурга Г.П. Сазонова стала смена экономки учреждения с «бывшей фельдшерицы» на «авторитетную в кулинарном деле» выпускницу кулинарной школы, руководимой Александровой-Игнатъевой [31, с. 54].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в России широко распространилось женское кулинарное образование. Развитие происходило по двум основным направлениям – для домашнего использования и как средство заработка. Несмотря на то что практически все школы не имели сословного ценза, а само направление их деятельности должно было бы привлечь прежде всего наименее обеспеченные слои, ищущие заработка прислуги, на деле данное образование оказалось вос-

требовано преимущественно в дворянско-интеллигентской среде. Последнее обстоятельство было во многом связано с высокой стоимостью и длительностью обучения. Не только заплатить за курс 40–100 р., но и просто найти способ обеспечить себя в течение нескольких месяцев, а то и лет его прохождения, девушки из крестьянской или рабочей среды могли только при помощи благотворителей. Но и для образованных учениц стоимость обучения была немалой. И хотя были, конечно, те, кто использовал полученные знания для домашних нужд или вообще только для того, чтобы похвастаться перед подругами или просто развлечься, основная масса окончивших обучения знала, что деньги и силы потрачены не зря – они дадут возможность устроиться на вполне приличную и достойно оплачиваемую работу управляющей, экономкой или учительницей.

Список литературы

1. Аттестат Школы Поварского искусства и домоводства. – СПб.: б.и., 1914. 1 с.
2. Балтийские женские хозяйственные курсы домоводства и кулинарии для учительниц и домашних служащих. – Рига: б.и., 1913. – 7 с.
3. Вахромеева О.Б. Женское коммерческое образование в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та: науч. журн. – 2009. – № 2(2). – С. 148–154.
4. Верременко В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. (на англ. и рус. яз.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2019. – № 2. – С. 320–355.
5. Верременко В.А. Женщины на службе в Министерстве внутренних дел России (вторая половина XIX – начала XX вв.) // Былые годы. – 2020. – № 57 (3). – С. 1202–1217.
6. Верременко В.А. «Кухонная модернизация» и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // Государство, капитализм и общество в России второй половины XIX – начала XX вв.: материалы Всерос. (с международным участием) науч. семинара (г. Череповец, 19–21 октября 2017 г.): сб. науч. работ / отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. – Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. – С. 180–185.
7. Верременко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 62–75.
8. Верременко В.А. Российское «Общество распространения между образованными женщинами практических знаний» (конец XIX – начало XX вв.) // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. – М.: ИЭР РАН, 2014. – Т. 2. – С. 488–492.
9. Верременко В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX — начале XX вв. // Уральск. ист. вестн. – 2019. – № 1 (62). – С. 71–78.
10. Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. ст. А.Ф. Белоусова. – М.: НЛО, 2001. – С. 220–391.

11. Годовой отчет попечительского общества о прислуге в г. Воронеже за 1913 год. – Воронеж: Тип. П.Т. Наумова, 1914. – 15 с.
12. Городецкая А.И. Образованная хозяйка и домоправительница или практика домашнего хозяйства, как-то: поваренного искусства, заготовления припасов, кондитерского изделия и разных домашних нужд, по применению к сему естественных наук: химии, физики, ботаники, гигиены и диетике. – М.: Тип. С. Орлова, 1875. – 336 с.
13. Гунст В.И. Доклад учредительницы Первой Практической школы Домоводства в С.-Петербурге В.И. Гунст о Международном конгрессе по вопросам о значении школ домоводства в деле народного образования, состоявшемся во Фрибурге в сентябре. – СПб.: Тип. «Самокат», 1909. – 41 с.
14. Гунст В.И. Учебник домоводства: Работы по дому, домашнему счетоводству и хозяйственный бюджет. – СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – 136 с.
15. Дианова Е.В. История повседневности: общественное питание (XIX – первая треть XX века): учеб. пособие. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2021. – 64 с.
16. Жена из школы кулинарного искусства // Развлечение. – 1896. – № 6. – С. 6.
17. Жукова А.Е. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: пути и варианты профессиональной подготовки // История повседневности. – 2019. – № 3 (11). – С. 80–91.
18. Записки по курсу кулинарной школы. Издание Общества Распространения между образованными женщинами практических знаний. – М.: Тип. К.Ф. Александрова, 1897. – 138 с.
19. Зотова Е.Б. Классификация женских профессиональных школ России во второй половине XIX – начале XX века // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: науч. журн. – 2009. – № 12(93). – С. 67–71.
20. Из записной книжки «Шута» // Шут: журн. худож. карикатур. – 1886. – № 25. – С. 2–3.
21. Косетченкова Е.А. Кадровый состав в женских профессиональных учебных заведениях в России в конце XIX – начале XX века // Изв. Рос. гос. торгово-экон. ун-та: науч. журн. – 2010. – № 3(15). – С. 75–81.
22. Косетченкова Е.А. Эволюция женского профессионального образования с позиции общественной инициативы во второй половине XIX – начале XX века // Учен. зап. Рос. гос. ун-та: науч. журн. – 2011. – № 3(19). – С. 42–46.
23. Косетченкова Е.А. Эволюция женского профессионального образования в официальной образовательной системе страны (конец XIX – начало XX века) // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: История. Политология. – 2011. – № 19 (114). – С. 157–164.
24. Краткий очерк деятельности Общества распространения между образованными женщинами практических знаний за время 25-летнего существования его. 1887–1912. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1912. – 38 с.
25. Крылова О.Б. Развитие женского низшего профессионального образования в России конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Н. Новгород, 1996.
26. Кулинарная курсистка // Шут: журн. худож. карикатур. – 1890. – № 34. – С. 7.
27. Куткина М.Н., Елисеева С.А. Профессиональное кулинарное образование в России // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы науч.-практ. заоч. конф. с междунар. участием / отв. ред. А.Ю. Нагорнов. – М., 2017. – С. 287–293.

28. Литовская хозяйка или Наставление, как содержать жилые помещения и разные отрасли домашнего хозяйства в должном порядке; как готовить различные съестные припасы и напитки. А также советы о наилучшем уходе и более дешевом содержании домашнего скота, дворовых птиц и других животных, со многими весьма полезными практическими сведениями. Для сельских и городских хозяек / пер. с 8-го польск. изд. Изд. Осипа Завадзкого. – Вильно: [Тип. О. Завадзкого], 1884. – 619 с.

29. Молоховец Е.И. Подарок молодым хозяйкам, или Средства к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве: В нем заключаются: реестр ежеднев. обедов на целый год и 1500 описаний домаш. Запасов и разн. кушаний ... – 2-е изд., доп. / сост. и изд. Е.М-ц. – СПб.: Тип. Губ. Прав., 1866. – 552 с.

30. Михалева Е.В., Ренев Е.А. История развития технологии и техники пищевых производств: учебное пособие. – Пермь: Изд-во, 2017. – 125 с.

31. Отчет попечителя городской Петропавловской больницы и городских родильных приютов. Объяснительная записка к отчету г. попечителя Петропавловской больницы Г.П. Сазонова. – Пг.: Городская тип., 1915. – 177 с.

32. Общество распространения между образованными женщинами практических знаний основано 27 марта 1888 г. Отчет с 1888–1898 год. – М.: Тип. А.В. Васильева, 1900.

33. Общество распространения практических знаний между образованными женщинами. Сведения о цели и составе Общества, о его школах и учреждениях и о приеме учениц. – М.: б.и., 1900. – 25 с.

34. Правила посещения и программа Первых Практических курсов Поварского Искусства и Домоводства. – СПб.: б.и., 1894. – 14 с.

35. Правила поступления и обучения в Первой Практической школе Поварского Искусства и Домоводства. – СПб.: б.и., 1894. – 11 с.

36. Приготовление кушаний без кухарки. Необходимая книжка для каждой начинающей хозяйки. – СПб.: Тип. Ретгера, 1874. – 40 с.

37. Руководство к изучению основ кулинарного искусства / составлено преп. на Повар. курсах в С.-Петербурге П. П. Александровой; под ред. дир. Одесской кулинар. шк. И.А. Казаринова и Курс мясоведения / соч. магистра вет. наук М.А. Игнатъева. – Т. 1. – Отд. 1–2. – Одесса: Тнпографія и Хромолнтографія Е.И. Фесонко, 1897. XVI + 316 с.

38. Самарина Л.А., Семенов А.М. Цели и средства касс взаимопомощи для прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. – 2020. – № 12 (168). – С. 93–99.

39. «Суп тры-ля-ля! и рыба натюрель» // Развлечения. – 1897. – № 14. – С. 10.

40. Устав Балтийских женских хозяйственных курсов домоводства и кулинарии Общества попечения о народном благе в г. Риге. – Рига: Ганза, 1913. – 9 с.

41. Устав Общества распространения между образованными женщинами практических знаний необходимых в домашнем быту. – М.: б.и., 1888. – 15 с.

42. Устав Первой Практической школы Поварского Искусства и Домоводства. – СПб.: б.и. 1894. – 18 с.

43. Устав практической школы Поварского Искусства и Домоводства Казанского Дамского благотворительного общества. – Казань: б.и., 1915. – 23 с.

44. Центральный государственный исторический архив С.-Петербург (ЦГИА СПб). Ф. 3 Оп. 2. Д. 1104.

45. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. теста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой; вступ. ст. А.Ф. Белоусова. – М.: НЛО, 2001. – С. 131–214.

46. Энгельгардт С. Из воспоминаний // Русский Вестник. – 1887. – № 10. – С. 690–715.
47. Яхно О.Н. Кулинарные книги как источник реконструкции гастрономической культуры // Уральск. ист. вестн. – 2019. – № 1 (62). – С. 113–120.
48. Яхно О.Н. Способы распространения новаций в гастрономической культуре на рубеже XIX–XX вв. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. – Т. 2. – С. 106–110.
49. Veremenko Valentina A. Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. – 2019. – Vol. 53. – Is. 3:1187-1200.

References

1. *Attestat Shkoly Povarskogo iskusstva i domovodstva* [Certificate of the School of Cooking and Home Economics]. – St. Petersburg: b.i., 1914. 1 p.
2. *Baltiiskie zhenskije khozyaistvennye kursy domovodstva i kulinarii dlya uchitel'nits i domashnikh sluzhashchikh* [Baltic women's economic housekeeping and cooking courses for teachers and domestic workers]. – Riga: b.i., 1913. – 7 p.
3. *Vakhromeeva O.B. Zhenskoe kommercheskoe obrazovanie v Sankt-Peterburge v kontse XIX – nachale XX veka* [Women's commercial education in St. Petersburg at the end of the XIX – the beginning of the XX century] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauchnyi zhurnal* [Bulletin of St. Petersburg University. Scientific Magazine]. – 2009. – № 2(2). – P. 148–154.
4. *Veremenko V.A. «Bez vlastnaya vlast'»: status zhenskoj domashnei prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na angl. i rus. yaz.)* ["Powerless Power": the status of female domestic servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries (in English and Russian)] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Russian history]. – 2019. – № 2. – P. 320–355.
5. *Veremenko V.A. Zhenshchiny na sluzhbe v Ministerstve vnutrennikh del Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Women in the service of the Ministry of Internal Affairs of Russia (second half of the XIX – early XX centuries)] // *Bylye gody*. – 2020. – № 57 (3). – P. 1202–1217.
6. *Veremenko V.A. «Kukhonnaya modernizatsiya» i dvoryanskaya sem'ya v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* ["Kitchen modernization" and the noble family in Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: Materialy Vserossiiskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara (g. Cherepovets, 19–21 oktyabrya 2017 g.): Sbornik nauchnykh rabot* [State, capitalism and society in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: Materials of the All-Russian (with international participation) scientific seminar (Cherepovets, 19- October 21, 2017): Collection of scientific works] / ex. editors A.N. Egorov, A.E. Novikov, O.Yu. Solodyankina. – Cherepovets: Cherepovets. gos. un-t, 2017. – P. 180–185.
7. *Veremenko V.A. Podgotovka dvoryanok k khozyaistvennoi deyatelnosti v sem'e v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.* [Preparation of noblewomen for economic activities in the family in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. – 2014. – № 4. – P. 62–75.
8. *Veremenko V.A. Rossiiskoe «Obshchestvo rasprostraneniya mezhdubrazovannyimi zhenshchinami prakticheskikh znanii» (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Russian "Society for the extension of practical knowledge between educated women" (late

XIX – early XX centuries)] // *Pol. Politika. Polikul'turnost': gendernye otnosheniya i gendernye sistemy v proshlom i nastoyashchem: Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 9-12 oktyabrya 2014 g., Ryazan': v 2-kh tomakh* [Gender. Politics. Multiculturalism: gender relations and gender systems in the past and present: Materials of the 7th International Scientific Conference of RAIZhI and IEA RAS, October 9-12, 2014, Ryazan: in 2 volumes] / ex. ed. N.L. Pushkareva, O.D. Popova. – Moscow: IER RAN, 2014. – Vol. 2. – P. 488–492.

9. *Veremenko V.A. Khozyaiskie zaboty: zhizn' zamuzhnei dvoryanki v provintsi-al'nom gorode Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Household concerns: life of a married noblewoman in a provincial city of Russia in the late XIX – early XX centuries] // *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. – 2019. – № 1 (62). – P. 71–78.

10. *Vodovozova E.N. Na zare zhizni* [At the dawn of life] // *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Institute girls: Memoirs of pupils of Institutes of noble maidens] / Sost., podg. testa i komment. V.M. Bokovoi i L.G. Sakharovoi, vstup. stat'ya A.F. Belousova. – Moscow: NLO, 2001. – P. 220–391.

11. *Godovoi otchet popechitel'skogo obshchestva o prisluge v g. Voronezhe za 1913 god* [Annual report of the guardianship society about the servants in Voronezh for 1913]. – Voronezh: tip. P.T. Naumova, 1914. – 15 p.

12. *Gorodetskaya A.I. Obrazovannaya khozyaika i domopravitel'nitsa ili praktika domashnego khozyaistva, kak-to: povarennogo iskusstva, zagotovleniya pripasov, kanditerskogo izdeliya i raznykh domashnykh nuzhd, po primeneniyu k semu estestvennykh nauk: khimii, fiziki, botaniki, gigieny i dietiki* [An educated hostess and housekeeper, or the practice of a household, such as: cookery, procurement of supplies, candy and various household needs, according to the application of the natural sciences to this: chemistry, physics, botany, hygiene and dietetics]. – Moscow: tip. S. Orlova, 1875. – 336 p.

13. *Gunst V.I. Doklad uchreditel'nitsy Pervoi Prakticheskoi shkoly Domovodstva v S.-Peterburge V.I. Gunst o Mezhdunarodnom kongresse po voprosam o znachenii shkol domovodstva v dele narodnogo obrazovaniya, sostoyavshemsya vo Friburge v sentyabre* [Report of the founder of the First Practical School of Housekeeping in St. Petersburg V.I. Gunst on the International Congress on the Importance of Home Economics Schools in Public Education, held in Friborg in September]. – St. Petersburg: tip. «Samokat», 1909. – 41 p.

14. *Gunst V.I. Uchebnik domovodstva: Raboty po domu, domashnemu schetovodstvu i khozyaistvennyi byudzheth* [Home Economics Textbook: Household Chores, Home Bookkeeping and Household Budget]. – St. Petersburg: tip. t-va A.S. Suvorina "Novoe vremya", 1913. – 136 p.

15. *Dianova E.V. Istoriya povsednevnosti: obshchestvennoe pitanie (XIX – pervaya tret' XX veka): uchebnoe posobie* [History of everyday life: public catering (XIX – first third of the XX century): textbook]. – Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2021. – 64 p.

16. *Zhena iz shkoly kulinarnogo iskusstva* [Wife from the Culinary Arts School] // *Razvlechenie* [Entertainment]. – 1896. – № 6. – P. 6.

17. *Zhukova A.E. Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: puti i varianty professional'noi podgotovki* [Female domestic servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: ways and options of professional education] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2019. – № 3 (11). – P. 80–91.

18. *Zapiski po kursu kulinarnoi shkoly. Izdanie Obshchestva Rasprostraneniya mezhdu obrazovannymi zhenshchinami prakticheskikh znaniy* [Notes on the culinary school course. Publication of the Society for the extension of practical knowledge among educated women]. – Moscow: tip. K.F. Aleksandrova, 1897. – 138 p.

19. Zotova E.B. *Klassifikatsiya zhenskikh professional'nykh shkol Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Classification of women's vocational schools in Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. Science Magazine]. – 2009. – № 12(93). – P. 67–71.

20. *Iz zapisnoi knizhki «Shuta»* [From the "Jester" notebook] // *Shut. Zhurnal khudozhestvennykh karikatur* [Jester. Artistic cartoons magazine]. – 1886. – № 25. – P. 2–3.

21. Kosetchenkova E.A. *Kadrovyyi sostav v zhenskikh professional'nykh uchebnykh zavedeniyakh v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Personnel in female vocational educational institutions in Russia at the end of the XIX – early XX century] // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo trgovno-ekonomicheskogo universiteta. Nauchnyi zhurnal* [News of the Russian State University of Trade and Economics. Science Magazine]. – 2010. – № 3(15). – P. 75–81.

22. Kosetchenkova E.A. *Evolyutsiya zhenskogo professional'nogo obrazovaniya s pozitsii obshchestvennoi initsiativy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Evolution of female vocational education from the standpoint of public initiative in the second half of the XIX – early XX century] // *Uchenye zapiski. Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Russian State University. Science Magazine]. – 2011. – № 3(19). – P. 42–46.

23. Kosetchenkova E.A. *Evolyutsiya zhenskogo professional'nogo obrazovaniya v ofitsial'noi obrazovatel'noi sisteme strany (konets XIX – nachalo XX veka)* [Evolution of female vocational education in the official educational system of the country (late XIX – early XX century)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science]. – 2011. – № 19 (114). – P. 157–164.

24. *Kratkii ocherk deyatel'nosti Obshchestva rasprostraneniya mezhdub obrazovannymi zhenshchinami prakticheskikh znanii za vremya 25-letnego sushchestvovaniya ego. 1887–1912* [A brief outline of the activities of the Society for the extension of practical knowledge among educated women during its 25-year existence. 1887–1912]. – Moscow: t-vo skoropechatni A.A. Levenson, 1912. – 38 p.

25. Krylova O.B. *Razvitie zhenskogo nizshego professional'nogo obrazovaniya v Rossii kontsa XIX – nachala XX vv. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Development of female lower professional education in Russia at the end of the XIX – early XX centuries. Abstract of candidate's thesis]. – Nizhnii Novgorod, 1996.

26. *Kulinarnaya kursistka* [Culinary student] // *Shut. Zhurnal khudozhestvennykh karikatur* [Jester. Artistic cartoons magazine]. – 1890. – № 34. – P. 7.

27. Kutkina M.N., Eliseeva S.A. *Professional'noe kulinarnoe obrazovanie v Rossii* [Professional culinary education in Russia] // *Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovaniya: opyt i innovatsii. Mater. nauch.-prakt. zaoch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. A.Yu. Nagornov* [Actual problems of modern education: experience and innovations. Materials of scientific-practical conference with international participation / ex. ed. A.Yu. Nagornov]. Moscow, 2017. – P. 287–293.

28. *Litovskaya khozyaika ili Nastavlenie, kak sodержat' zhilye pomeshcheniya i raznye otrasli domashnego khozyaistva v dolzhnom poryadke; kak prigotovlyat' razlichnye s'estnye pripasy i napitki. A takzhe sovety o nailuchshem ukhode i bolee deshevom sodержanii domashnego skota, dvorovykh ptits i drugikh zhivotnykh, so mnogimi ves'ma poleznymi prakticheskimi svedeniyami. Dlya sel'skikh i gorodskikh khozyaek. Perevod s 8-go pol'skogo izdaniya. Izdanie Osipa Zavadzkogo* [Lithuanian hostess or Instruction on how to maintain living quarters and various branches of the household in proper order; how to prepare various food and drink items. And also tips about the best

care and cheaper maintenance of livestock, farm birds and other animals, with many very useful practical information. For rural and urban housewives. Translated from the 8th Polish edition. Published by Osip Zavadzky]. – Vil'no: [Tip. O. Zavadskogo], 1884. – 619 p.

29. *Molokhovets E.I. Podarok molodym khozyaikam, ili Sredstva k umen'sheniyu raskhodov v domashnem khozyaistve: V nem zaklyuchayutsya: reestr ezhednev. obedov na tselyi god i 1500 opisaniy domash. Zapasov i razn. kushanii ...* [A gift to young housewives, or Means to reduce household expenses: It contains: daily lunches register for the whole year and 1500 descriptions of home stocks and various food] – 2-e izd., dop. Sost. i izd. E.M-ts. – St. Petersburg: tip. Gub. Prav., 1866. – 552 p.

30. *Mikhaleva E.V., Renev E.A. Istoriya razvitiya tekhnologii i tekhniki pishchevykh proizvodstv: uchebnoe posobie* [History of the development of technology and technology of food production: textbook]. – Perm': izd-vo, 2017. – 125 p.

31. *Otchet popechitelya gorodskoi Petropavlovskoi bol'nitsy i gorodskikh rodil'nykh priyutov. Ob'yasnitel'naya zapiska k otchetu g. popechitelya Petropavlovskoi bol'nitsy G.P. Sazonova* [Report of the trustee of the city Peter and Paul hospital and city maternity hospitals. Explanatory note to the report of mr. trustee of the city Peter and Paul hospital G.P. Sazonov]. – Petrograd: gorodskaya tipografiya, 1915. – 177 p.

32. *Obshchestvo rasprostraneniya mezhdru obrazovannymi zhenshchinami prakticheskikh znaniy osnovano 27 marta 1888 g. Otchet s 1888-1898 god* [The society for the extension of practical knowledge among educated women founded on March 27, 1888. Report from 1888-1898]. – Moscow: tip. A.V. Vasil'eva, 1900.

33. *Obshchestvo rasprostraneniya prakticheskikh znaniy mezhdru obrazovannymi zhenshchinami. Svedeniya o tsele i sostave Obshchestva, o ego shkolkakh i uchrezhdeniyakh i o prieme uchenits* [Society for the dissemination of practical knowledge among educated women. Information about the aim and the composition of the Society, about its schools and institutions and about the admission of pupils]. – Moscow: b.i., 1900. – 25 p.

34. *Pravila poseshcheniya i programma Pervykh Prakticheskikh kursov Povarskogo Iskusstva i Domovodstva* [Rules of attendance and the program of the First Practical Courses of Cooking Art and Housekeeping]. – St. Petersburg: b.i., 1894. – 14 p.

35. *Pravila postupleniya i obucheniya v Pervoi Prakticheskoi shkole Povarskogo Iskusstva i Domovodstva* [Rules for admission and training in the First Practical School of Cooking Art and Housekeeping]. – St. Petersburg: b.i., 1894. – 11 p.

36. *Prigotovlenie kushanii bez kukharki. Neobkhodimaya knizhka dlya kazhdoi nachinayushchei khozyaiki* [Cooking without a cook. An essential book for every novice housewife]. – St. Petersburg: tip. Retgera, 1874. – 40 p.

37. *Rukovodstvo k izucheniyu osnov kulinarnogo iskusstva* [A guide to learning the basics of culinary art] / sostavleno prep. na Povar. kursakh v S.-Peterburge P.P. Aleksandrovoi; pod red. dir. Odesskoi kulinar. shk. I.A. Kazarinova i Kurs myasovedeniya / soch. magistra vet. nauk M.A. Ignat'eva. – Vol. 1. – Otd. 1–2. – Odessa: Tnpografiya i Khromolntografiya E.I. Fesonko, 1897. XVI + 316 p.

38. *Samarina L.A., Semenov A.M. Tseli i sredstva kass vzaimopomoshchi dlya prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Aims and means of mutual aid funds for servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Klio* [Klio]. – 2020. – № 12 (168). – P. 93–99.

39. «*Sup tru-lya-lya! i ryba natyurel'*» [“Tru-la-la soup! and fish naturel!”] // *Razvlecheniya* [Entertainment]. – 1897. – № 14. – P. 10.

40. *Ustav Baltiiskikh zhenskikh khozyaistvennykh kursov domovodstva i kulinarii Obshchestva popecheniya o narodnom blage v g. Rige* [Charter of the Baltic women's

economic courses in home economics and cooking of the Public Welfare Society in Riga]. – Riga: «Ganza», 1913. – 9 p.

41. *Ustav Obshchestva rasprostraneniya mezhdou obrazovannymi zhenshchinami prakticheskikh znaniy neobkhodimykh v domashnem bytu* [Charter of the Society for the extension of practical knowledge among educated women necessary in domestic life]. – Moscow: b.i., 1888. – 15 p.

42. *Ustav Pervoi Prakticheskoi shkoly Povarskogo Iskusstva i Domovodstva* [Charter of the First Practical School of Cookery Art and Housekeeping]. – St. Petersburg: b.i., 1894. – 18 p.

43. *Ustav prakticheskoi shkoly Povarskogo Iskusstva i Domovodstva Kazanskogo Damskogo blagotvoritel'nogo obshchestva* [Charter of the practical school of cooking art and housekeeping of the Kazan Ladies' charitable society]. – Kazan': b.i., 1915. – 23 p.

44. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv g. S.-Peterburg (TsGIA SPb)* [Central State Historical Archives of St. Petersburg (TsGIA SPb)]. F. 3. Op. 2. D. 1104.

45. *Engel'gardt A.N. Ocherki institutskoi zhizni bylogo vremeni* [Essays on the institute life of the past] // *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Institutki: Memoirs of pupils of institutes of noble maidens] / Sost., podg. testa i komment. V.M. Bokovoi i L.G. Sakharovoi, vstup. stat'ya A.F. Belousova. – Moscow: NLO, 2001. – P. 131–214.

46. *Engel'gardt S. Iz vospominanii* [From memoirs] // *Russkii Vestnik* [Russian Bulletin]. – 1887. – № 10. – P. 690–715.

47. *Yakhno O.N. Kulinarnye knigi kak istochnik rekonstruktsii gastronomicheskoi kul'tury* [Culinary books as a source of reconstruction of gastronomic culture] // *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2019. – № 1 (62). – P. 113–120.

48. *Yakhno O.N. Sposoby rasprostraneniya novatsii v gastronomicheskoi kul'ture na rubezhe XIX–XX vv.* [Ways of spreading innovations in gastronomic culture at the turn of the XIX–XX centuries] // «Vyzov» v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. *Sb. Mater. mezhdunar. nauch. konf.* ["Challenge" in the everyday life of the population of Russia: history and modernity. Coll. of materials of the int. scientific conf.]. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2021. – Vol. 2. – P. 106–110.

49. Veremenko Valentina A. Urban Kitchen as a Social Space in the Noble-Intellectual Environment of Russia in the second part of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. – 2019. – Vol. 53. – Is. 3:1187–1200.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 328.123(470.23-25)"1925/26"+378

ГРНТИ: 03.23.55: История России Новейшего времени (с XX в.)

DOI 10.35231/25422375_2021_2_81

Д.А. Баринов

Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа*

Исследование внутрипартийной борьбы 1920-х гг. – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений изучения советской истории. Относительная свобода во взглядах и политической активности большевиков того периода позволяет оценить имевшиеся перспективы развития социалистической революции в России. Особую роль в разыгравшейся борьбе играли партийная интеллигенция и студенчество, традиционно отзывчивое к радикальным течениям. Статья показывает, какое влияние на высшую школу оказало столкновение между сторонниками Зиновьева и группой Сталина-Бухарина, происходившее вокруг XIV съезда партии в Ленинграде (декабрь 1925 – январь 1926 гг.). Автор уделяет внимание участию преподавателей и студентов в пропагандистской кампании, в мобилизации сторонников и в борьбе против «инициативных групп». Основными источниками для статьи стали малоиспользованные ранее протоколы партийных ячеек различных вузов, публицистика, личные дела оппозиционеров, материалы Контрольных комиссий ВКП (б), отвечавших за соблюдение партийной дисциплины.

Ключевые слова: левая оппозиция, высшая школа, Зиновьев, история Санкт-Петербурга, студенческое движение, внутрипартийная борьба.

Dmitrii A. Barinov

Leningrad opposition in 1925–1926 and higher school

Study of the inner-party struggle of the 1920s in CPSU(b) is one of the most actual and attractive subjects of USSR history. The relative freedom in the Bolsheviks' views and political activities of that period makes it possible to assess the existing prospects for the development of the socialist revolution in Russia. The party intelligentsia and students, traditionally responsive to radical trends, played a special role in the unfolding struggle. The article shows what influence the clash between supporters of Zinoviev and Stalin-Bukharin, which took place around the XIV Party Congress (December 1925 – January 1926), had on the higher education. The author pays attention to the participation of teachers and students in the propaganda campaign, in the mobilization of supporters and in the fight against "initiative groups". The main sources for the article

© Баринов Д.А., 2021

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 19-011-00782А «Историческая наука Петербурга – Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

were the previously little used protocols of party cells of various universities, journalism, personal files of the opposition, materials of the Control Commissions of the CPSU (b), responsible for the observance of party discipline.

Key words: Left opposition, higher school, Zinoviev, History of St. Petersburg, student movement, internal party struggle.

Партийная дискуссия 1920-х гг., в той или иной форме продолжавшаяся на протяжении всего десятилетия, стала ярким интеллектуальным и политическим столкновением лидеров большевистской партии, опиравшихся на различные группы поддержки. Особую значимость этой продолжительной борьбе придает то, что ее итоги на долгие годы вперед определили будущее устройство и характер развития Советского государства. Важным этапом противостояния внутри партии стало формирование в декабре 1925 г. новой оппозиции, центром которой стал Ленинград, а лидерами – Г.Е. Зиновьев и его ближайшие соратники. В историографии достаточно подробно изучено действие оппозиции в «верхах» власти (на губернских партконференциях, на XIV съезде, в Политбюро), однако поразительно мало внимания уделяется ходу дискуссии «на местах», т. е. в отдельных городах или партийных ячейках [см. 16; 39; 42; 44; 51]. Между тем эта проблема представляется нам одной из ключевых, поскольку именно ее изучение позволит дать ответы на принципиальные вопросы: пользовалась ли оппозиционная платформа ленинградской партийной организации действительной поддержкой масс? Как стал возможен столь стремительный разворот от поддержки зиновьевцев к их безоговорочному осуждению, произошедший буквально в течение пары недель после съезда? Отталкиваясь от примера высшей школы Ленинграда, мы стараемся ответить на эти вопросы.

Основная цель статьи – на примере ленинградских вузов определить роль партийной интеллигенции (преподавателей и студентов) во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. и выяснить место текущей политики в жизни высшей школы. Важность обращения к этой проблеме нам видится в том, что основным источником кадров для большевистского руководства выступала именно новая, партийная интеллигенция, а студенческая молодежь воспринималась как наиболее восприимчивая группа к оппозиционным течениям.

По данным справочника «Весь Ленинград», на 1 января 1926 г. в городе насчитывалось 33 высших учебных заведения, протоколы заседаний бюро и общих собраний коллективов доступны для 21 из них: ЛГУ, Коммунистический университет, Горный, Педагогический, Политехнический, Технологический, Химико-фармацевтический, Лесной, Медицинский, Ветеринарный институты, институты труда, живых восточных языков, народного хозяйства, усовершенствования врачей, медицинских знаний, политпросвет работы, Академия художеств, Ар-

тиллерийская академия РККА, Государственная консерватория, Отделение Коммунистического университета национальных меньшинств запада. Материалы работы этих коллективов, объединявших тысячи партийцев, а также личные дела оппозиционеров станут главным источником для нашего исследования. В ходе нашего анализа мы постараемся также определить, в каких вузах столкновение ЦК и ленинградской организации спровоцировало дискуссию, а где, фактически, осталось незамеченным.

Началом активной фазы конфликта можно считать параллельную работу Московской (5–13 декабря) и Ленинградской (1–10 декабря) партийных конференций, посвященных подготовке к грядущему XIV съезду. Работа конференции выявила ряд расхождений по принципиальным проблемам. Ленинградцы критиковали строительство социализма в одной стране, обосновывали необходимость наступления на кулака, отстаивали необходимость расширения государственной кооперации как ключевого этапа перехода к социализму и т. д. Претензии ленинградцев к собственной программе и упреки в адрес политики ЦК заставили столичную организацию направить в их сторону ряд резких обращений, которые только обострили конфликт. Идейные разногласия вылились на страницы партийной печати: «Ленинградская правда» и «Красная газета» стали главными платформами для дискуссии, где, вопреки звучащим из столицы обвинениям, публиковались и мнения москвичей.

Важно отметить, что на стороне оппозиции активным участием в этой полемике отметились преподаватели факультета языка и материальной культуры Ленинградского университета. М.М. Цвибак (1899–1937) выступил с критической статьей в адрес некоего А.С. (вероятно, известный бухаринец А.И. Стецкий), выступившего на страницах московской «Правды» против идеи о государственной кооперации, в которой оппозиционеры видели инструмент ограничения нэпа. Обвинения в антиленинизме доцент ямфака отметал с явной долей сарказма: «На первый взгляд читателю кажется, что есть где-то в Ленинграде какие-то антиленинцы, настолько погрязшие в меньшевизме, что они не хотят признать социалистическую роль кооперации и баста. Но дело в том, что таких антиленинцев пока не встречалось (не исключена, правда, возможность, что таковых могут прислать из [московского] института красной профессуры)» [46]. Продолжился спор со сторонником позиции Московской организации открытым переходом на личности: «До сих пор считалось, что графомания есть болезнь преимущественно старческого возраста, ею страдали престарелые генералы, доживавшие последние старческие годы на пенсии и прочие подобного рода люди. В наш век колоссального ускорения темпа всей нашей жизни, болезни прежде свойственные лишь одним старикам, начинают

охватывать некоторую часть молодежи. Ничем другим, как графоманией – в самом подлинном смысле этого слова – мы не можем объяснить одну за другой появляющиеся в “Правде” статьи А.С. Заносчивый и менторский тон “почтенного журналиста”, соединенный “с легкостью мысли необычайной”, заставляет вспомнить незабвенного [гоголевского] Ивана Александровича и его друга Тряпичкина» [45]. Не менее острыми были статьи другого университетского историка А.И. Анишева (1899–1936). Критикуя противников кооперации, бухаринцев Д.П. Марецкого и В.Н. Астрова, за непонимание идей В.И. Ленина, он вопрошал, «не собираются ли они отнести Ильича в отдел литературы по **истории** социализма». А.И. Анишев отмечал, что его оппоненты игнорируют существующее расслоение в крестьянской массе, которое государственная кооперация сможет регулировать, налаживая контакт между сельским хозяйством и промышленностью [2].

В статье «Наша действительность и наши перспективы» доцент университета И.Л. Татаров приводит исторический экскурс дискуссий, в которых участвовала большевистская партия (с народниками, меньшевиками, левыми коммунистами), и приходит к выводу, что социализм, по Ленину, это действительный путь, но с «неизбежными зигзагами» и важно «не затеряться в изломах» сегодняшнего дня. Эта историческая ретроспектива также сводится к проблемам текущей дискуссии и заканчивается размышлениями о государственном капитализме и кооперации как необходимом этапе социалистического строительства в условиях преимущественно мелкохозяйственного производства в деревне. «Рост кооперации почти тождественен росту социализма!» – заключает И.Л. Татаров (1901–1938) [43]. Схожей тематики касалась статья его коллеги по факультету Сефа (С.Е. Фаермарка, 1900–1937), утверждавшего, что «нельзя в наших условиях противопоставлять госкапитализм социализму, <...> госкапитализм есть на три четверти социализм» [41].

Активно выступал в печати и один из наиболее ярых участников новой оппозиции ректор Коммунистического университета и проректор ЛГУ Сергей Константинович Минин (1882–1962). В своем обращении в журнале «Зиновьевец» ко второму выпуску возглавляемого им университета (декабрь 1925 г.), он делал недвусмысленные намеки на текущую дискуссию. Призывая сохранить союз пролетариев с крестьянским беднячеством против кулака и нэпмана, он отмечал: «растет понемногу и новый капитализм. А капитализм умеет совершать не только воинственные и шумные интервенции, но и также и бесшумные “газовые атаки”, которые могут быть опаснее прямого открытого нападения» [11].

16 декабря Ленинградская конференция подготовила декларацию, отражавшую основные предложения, за которые стояла оппозиция [9]. По городским ячейкам прокатилась кампания безоговорочной под-

держки решений организации, в которой участвовали и все вузы Ленинграда. Свидетельств тому, что какой-либо коллектив городского вуза выступила против, мы не обнаружили. Только в Коммунистическом университете оппозиция встретила заметное сопротивление. Здесь доклад об итогах конференции сопровождался содержательным обсуждением, в частности ряд собравшихся (М.Б. Бреннер, Ф.И. Анфалов) выступили против нападок на кулака. На их реплики отвечал оторг (ответственный организатор, т.е. руководитель) бюро университета Михаил Иванович Рыбин (1898–1943), вспоминая об «антипартийной роли» бухаринского лозунга «Обогащайтесь»: «Давно ли этот т. Бухарин разучился формулировать? Нет, дело не в формулировке». Тем не менее, итоги конференции были поддержаны 126 голосами против 71 (в остальных вузовских коллективах против высказывались лишь единицы) [35].

Ситуация единой поддержки кардинально изменилась с началом съезда (18–31 декабря 1925 г.). Дискуссия о проблемах социалистического строительства быстро стала перемежаться с обвинениями ленинградцев во фракционности, оппозиционности, нарушении партийной дисциплины и др. Противостояние было перенесено и в Ленинград. Оппозиционеры, как и сторонники ЦК, отправляли в северную столицу своих делегатов, которые должны были склонить крупные ячейки проголосовать за или против поведения ленинградской делегации. И.В. Сталин возложил эту миссию на Н.М. Шверника, Н.П. Комарова, С.С. Лобова, и И.М. Москвина. Однако поначалу их поездка не принесла результатов, в первые дни съезда резолюции в поддержку делегации были приняты в двухстах ячейках и в четырех из семи райокомах города [51, р. 198].

Занималась агитацией и оппозиция из вузов. Так, С.К. Минин во время съезда выступал на фабрике «Скороход». Касаясь разногласий ленинградской делегации с ЦК, он говорил: «кто против нас выступает, бывшие троцкисты, полуменьшевики, кумушки, карьеристы, хозяйственники и какие-то вузовцы» [36]. Последнее обвинение явно относилось к московскому Институту Красной профессуры – одному из главных центров сторонников Н.И. Бухарина [см. подробнее: 17]. Примечательно, что С.К. Минин встал против И.В. Сталина, несмотря на близкое знакомство с ним во время обороны Царицына, главного места службы Минина во время Революции и Гражданской войны (некоторое время его имя носил один из районов города). Они оба также входили в Военный совет Северо-Кавказского военного округа в 1918 г. [см. подр.: 3].

Разумеется, прежде всего делегаты съезда старались воздействовать на крупные заводские коллективы, однако особое внимание было уделено и Коммунистическому университету им Зиновьева (КУЗ), как одному из наиболее активных центров поддержки главы Ле-

нинграда. Г.И. Григоров вспоминал о настроениях части студенчества: «после Ленина только Зиновьев должен стать вождем. На вопрос: "А нельзя ли вообще обойтись без вождя?" – ответили: "Ты наивен, не может быть диктатуры без вождя, а дело идет к диктатуре. Кому же быть вождем, если не председателю Коминтерна"» [8, с. 399]. Политическая поляризация КУЗа превратила обсуждение съезда в настоящий скандал. С началом съезда отдельные сторонники ЦК пытались созвать собрание коллектива с намерением обсудить текущий съезд и пересмотреть решение о поддержке Ленинградской делегации от 16 декабря, так как зиновьевцы якобы намеренно скрыли существующие разногласия с ЦК. Начальство университета (ректор С.К. Минин и оторг М.И. Рыбин), как активные оппозиционеры, разумеется, отказывали им в этом. Тогда на историческом отделении университета начала формироваться «инициативная группа» (Анфалов, Боровков, Вавилин, Зудов, Жук), которая, по существу, стала параллельным бюро университета. На помощь им была отправлена из Москвы делегация студентов Коммунистического университета им. Свердлова. Семь десятков москвичей быстро включились в обработку ленинградских зиновьевцев [16].

Работа делегации свердловцев подробно описана в работе И. Халфина. Мы со своей стороны дополним ее несколькими сведениями, демонстрирующими размах работы этой группы, отталкиваясь от секретного итогового доклада, составленного ей по возвращении в столицу. На делегацию фактически легла основная работа по координации инициативных групп: в районах образовывались нечто вроде неофициальных райкомов, в которых концентрировались все связи и учитывалась вся работа в районах. При них же создавались склады съездовской литературы, откуда она распределялась по коллективам. При этом свердловцы отдавали себе отчет, что подобная работа не вполне законна: «это были зародышевые нелегальные бюро коллектива, работающие на партию, против коллектива» [40, л. 339]. Связь с коллективом устанавливалась через сочувствующих, москвичи собирались у них на квартире, объясняли актуальное политическое положение. На такие собрания приглашались все сочувствующие, призывали к активной агитации за линию ЦК. Всего свердловцы охватили 75 партийных коллективов, из вузов – Институт народного хозяйства, Педагогический институт им. Герцена, Институт инженеров путей сообщения и Коммунистический университет [40, л. 354–356].

Так, 27 декабря в КУЗе состоялось собрание сторонников ЦК, которые от лица всего университета и за подписью более сотни студентов отправили приветственное письмо съезду с поддержкой его решений (среди которых к тому времени числилось и осуждение поведение ленинградской делегации). Незадолго до этого студенты провели небольшую демонстрацию в поддержку ЦК, а преподаватели

устроили раздачу материалов съезда на центральных улицах. Последнее стало необходимым ввиду того, что зиновьевцы старались держать под собственным контролем распространение материалов о съезде, чтобы в своих органах печати представлять его в нужном для себя ключе. Тогда сторонники ЦК из Центрального района города договорились с Печатным двором о выпуске сталинского доклада, несколько сотен его копий было распространено в городе в конце декабря – начале января [51, р. 199]. Отношения между политическими противниками в это время обострились фактически до предела: «Во время наших [свердловцев] бесед со студентами члены бюро ячейки начали устраивать скандалы, называя нас шептунами и обвиняя в распространении нелегальной литературы». Студенты составляли письма против оппозиции и собирали подписи, но их отнимали представители бюро силой [40, л. 331].

На 31 декабря, без какой-либо санкции партийного бюро, инициативная группа назначила новое общее собрание, настаивая на том, что 16 декабря зиновьевцы ввели коллектив в заблуждение и скрыли разногласия с ЦК. На эту претензию М.И. Рыбин справедливо отвечал: «Заявление этой группы о недостаточной информации считать бесстыдным искажением действительности, т.к. на собрании из выступивших большинство было противниками докладчика» [34]. Бюро большинством голосов запретило пересмотр позиции университета по съезду. Тем не менее, 31 декабря собрание коллектива состоялось, на него были приглашены также партийцы из Института политпросвет работы им. Крупской (всего было около 500 собравшихся). Заявление М.И.Рыбина о том, что собрание неправомерно, и на нем ввиду каникул отсутствует кворум, было встречено обструкцией. Тогда С.К. Минин и М.И. Рыбин призвали своих сторонников покинуть собрание, отказывая ему в легитимности. Однако сорвать заседание не получилось. Оставшиеся партийцы по очереди клеймили оппозиционеров и выражали слова поддержки съезду. Среди почетных гостей присутствовал представитель московского Института Красной профессуры известный большевик Я.Э. Стэн, отметивший, что «нам не надо формально подчиняться, нам нужно, чтобы каждый член понял сам и разъяснил другим правильность решений съезда». Вслед за этим прозвучал призыв идти с агитацией за ЦК на производства [36, л. 32]. Большинством была принята резолюция в поддержку съезда (всех ушедших посчитали как воздержавшихся). На рубеже 1925–1926 гг. общие собрания в ключевых ячейках превратились в настоящее поле битвы. Противники боролись за выгодные места, старались фильтровать присутствующих и распределять своих сторонников по всем собраниям [40, л. 344–345].

В январе 1926 г. по всем ячейкам Ленинграда стартовала широкая пропагандистская кампания в поддержку решений съезда и с осужде-

нием зиновьевцев, принявшая форму своеобразной коллективной клятвы верности ЦК. Безуспешно противодействовать этому пытался созданный 5 января пленум Ленинградского губкома. Он принял резолюции против нападков на ленинградскую делегацию в печати, а также выразил возмущение тому, что в городе через сеть инициативных групп фактически была создана параллельная партийная организация, неподотчетная официальным властям.

9 января первое из собраний в поддержку съезда было проведено в Коммунистическом университете. Представители инициативной группы пытались оправдать свое поведение: они утверждали, что вынуждены были действовать оперативно, так как в ходе съезда выяснилось, что ленинградская делегация не отражает действительного мнения городской парторганизации. На этом же заседании выступил С.К. Минин, который отметил, что на собрании 31 декабря за ним ушли не 39 человек, как говорит инициативная группа, а больше сотни: «По-видимому, вы не любите арифметики. Нужно изучать арифметику, а потом политику, потому что политика есть алгебра революции» [29]. Итогом заседания стало подтверждение резолюции, принятой в последний день минувшего года.

Закрепить успех сталинского ЦК должно было новое совместное с Институтом им. Крупской собрание коллектива КУЗа. Специально для выступления был приглашен член Политбюро В.М. Молотов, посещавший многие «проблемные» коллективы. Его доклад о внутривнутриполитическом положении встретил множество возражений. Оппозиционеры восклицали, что нужно не требовать раскаяния от несогласных, а пытаться переубедить их. Не обошли вниманием и практику «инициативных групп», которые во многих ячейках проводили собрания в пользу ЦК без каких-либо разрешений со стороны действующих избранных бюро: «Я спрашиваю т. Молотова: отвечает ли та форма работы, которая ведется в настоящее время в Ленинградской организации в виде двух Губкомов <...> Второй вопрос: почему поправки к резолюции и заявления, внесенные меньшинством, объявляются на Съезде ультиматумом Чемберлена» (Иванов). М.И. Рыбина возмутило распространение партийной литературы через органы ГПУ минуя партийные инстанции [28], а также тот факт, что московская «Правда» отказалась печатать его протест против того, что собрание КУЗа в 236 членов (из общих 726) сочли за легальное и официальное [51, р. 213]. Ответы В.М. Молотова, к сожалению, в протоколе не отражены.

Острым характером дискуссии отличалась работа Ленинградского отделения коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУМНЗ), несмотря на небольшой размер партийного коллектива. Поводом для конфликта стало продолжение разногласий, связанных с развитием Коммунистической партии Эстонии [42, с. 81–82].

До настоящего момента мы говорили только о партийных высших учебных заведениях – Коммунистическом университете и Институте политпросветработы им. Крупской, ЛОКУНМЗ. Очевидно, столь острый характер противостояния здесь объяснялся особым статусом, которым обладали эти связанные с партийной структурой учреждения. Но какой характер приняла дискуссия в вузах, не имеющей партийной ангажированности? В большинстве из них радикальный переход от поддержки оппозиционной делегации к поддержке ЦК произошел практически безболезненно. Очевидно, во многих институтах даже не состоялось специальных собраний по поводу съезда, а все разъяснения происходили в рамках общих заседаний с другими коллективами. Так, на общем собрании коллективов ВКП(б) Технического, Гражданского, Ветеринарного институтов, Политехникума путей сообщения и Латышского педагогического техникума из 802 делегатов только двое воздержались при голосовании в пользу резолюции ЦК [37]. Столь же единодушно в осуждении оппозиции было общее собрание коллективов Политехнического, Лесного и Физико-технического институтов, отметившее, однако, что без разногласий партия существовать не может, но фракции – это вредный метод дискуссии [23]. На этом же собрании пытались развенчать оппозиционность Сергея Григорьевича Боголепова (1894–1943), который открестился от участия в какой-либо фракционной работе. Очевидно, раскаяние не было искренним, так как впоследствии этот вечный студент (поступил в Политех еще в 1911 г.) и старый большевик (член партии с 1913 г.) станет одним из наиболее заметных деятелей объединенной оппозиции 1926–1927 гг. [13, с. 389–390].

Состояние растерянности, в котором пребывали многие члены партии, лучше всего отражают протоколы коллектива Ленинградского медицинского института. На январском собрании по итогам съезда было прямо сказано, что коллектив, одоббивший ранее программу ленинградской делегации, находится в глупом положении. Большинство собравшихся попытались переложить вину на партийное руководство института: «Мы виноваты, что доверяли нашим руководящим т[оварищам]. Мы не виноваты за то, что получилось на 14 съезде. Почему мы голосовали за линию Губпартконференции. Потому, что декларация была так составлена, чтобы ввести в заблуждение. Неправильная информация наших руководящих т[оварищей]» (Щербаков). Глава бюро Елена Моисеевна Пружанская (1902–1937), усилиями которой принимались резолюции в поддержку делегации, быстро раскаялась и сама попросила снять себя с занимаемой должности. Коллектив ее просьбу не утвердил, но по указанию райкома перевыборы бюро все же произошли [32].

Однако не везде линия ЦК принималась без какой-либо борьбы. В целом ряде случаев в институтах формировались группы оппозицио-

неров (часто они занимали руководящие посты в бюро), которые пытались продолжить дискуссию, отстаив позицию ленинградской делегации. Одна из наиболее представительных оппозиционных групп была сконцентрирована в Горном институте. На собрании бюро 4 января зиновьевцами было высказано недоумение по поводу работы инициативной группы, действовавшей через голову начальства. В это же время представители группы парировали обвинения бюро во фракционности и отмечали, что оно прикрывается решениями губернской конференции как фиговым листком (Билибин). Ему возражали, что неверно оценивать поведение инициативных групп, как вынужденное, так как бюро вполне отражает позицию коллектива, а у групп – «семь пятниц на неделе» (Гречанская). Сторонник ЦК Илья Матвеевич Абрамович (1901 г.р.), защищая инициативную группу и вообще договорился до крамольных для большевиков вещей: «Партдисциплина играет подчиненную роль, и нарушение ее в данном случае оправдывается» [20]. Несмотря на сопротивление, общее собрание было созвано в тот же день. Оппозиционеры признали собрание незаконным и предложили всем разойтись. Этим призывам последовало 35 человек, а оставшиеся 86 начали собрание, на котором сетовали, что зиновьевцы отказывались дать помещение для сборов, легитимизировать собрание и т. д. Не остановил инициативную группу даже тот факт, что Василеостровская партийная организация в эти же дни поддерживала ленинградскую делегацию [22].

Среди участников прений был делегат XXII ленинградской губернской партийной конференции, глава партийного Бюро Горного института Георгий Иванович Козьмин (1903–1938). Его автобиография дает возможность подробнее узнать о том, как проходила агитация зиновьевцев в студенческой среде. По поручению сети партпросвещения осенью 1925 г. он вел в институте кружок по подготовке к съезду. 6 ноября состоялось собрание партактива Василеостровского районе, на которое Козьмин сумел мобилизовать 40–50 чел. «На активе присутствовали и выступали – Зиновьев, Евдокимов, Лашевич, Бакаев, Николаев, Сафаров, Наумов и др. <...> Я был целиком согласен с ними и уже понимал, что это определенная “моральная подготовка”». Относительно своей мотивации участия в оппозиции Козьмин писал: «я уже был убежден, что социализм нельзя построить в одной стране, что наши фабрики и заводы не социалистические, что кулака замазывают, что Зиновьева обижают и т.д.». В дальнейшем он активно участвовал в работе конференции, руководил кружком на заводе «Красный гвоздильщик», подбирал необходимые кадры для съезда. После начала последнего препятствовал попыткам инициативной группы созвать новое собрание, которое бы пересмотрело решение о поддержке делегации. Тем не менее, собрание состоялось, тогда по указанию сек-

ретаря райкома именно Козьмин объявил его незаконным и призвал «всех честных партийцев» его покинуть [1].

Обращение к делам студентов-партийцев также позволяет выяснить, что побудило их к участию в оппозиции. Студент Горного Михаил Матвеевич Ометов (1904–1947) писал: «я принял, что Ленинградская организация была права, появились статьи Зиновьева "бить по кулаку". Я сам выходец из деревни, мои родители были безземельные крестьяне, а тов. Сталин, открывая съезд, сказал "огонь налево". Я считал, что ЦК недооценивает кулацкой опасности. С таким настроением я был в рядах партии» [31]. В пропагандистской кружковой работе участвовали и другие студенты. Например, член Бюро института Евграф Иванович Черепов (1898 – ?), который уже в 1930-х гг. в самообличительном письме указывал, что кружок использовался «зиновьевским партруководством района для протаскивания своих антипартийных взглядов» [5]. Всего, по показаниям студента Михаила Дементьевича Сенькина (1898–1937), в этот кружок «пропагандистов» входило около 10 чел. [4].

Не менее напряженной оказалась дискуссия и в Институте народного хозяйства им. Энгельса. В январе также с подачи инициативной группы было предложено организовать собрание. Заседание бюро 4 января большинством голосов отклонило это предложение, однако общее собрание состоялось в этот же день. Оппозиционеры пытались предотвратить обсуждение, ссылаясь на то, что от райкома Центрального района поступило указание разбирать итоги съезда только после каникул и в плановом порядке. При этом подчеркивалось, что всякое неподчинение будет расценено как фракционная работа. Собрание, тем не менее, начало работу по обсуждению итогов съезда. После доклада произошло эмоциональное выступление представителя райкома Елизаветы Даниловны Дроновой (1900–1984). Она заклеила докладчика «посыльным Московской организации», выступила против отправки приветствия ЦК, так как съезд окончен и оно ни к чему, после чего демонстративно покинула собрание [21]. Столь же принципиальную позицию проявил и организатор агитационно-пропагандистской работы института Алексей Васильевич Егоров (1902-?), отказавшийся принимать итоги XIV съезда [19]. Он, как и все остальные зиновьевцы, впоследствии был откреплен от партийного коллектива института.

Нельзя не отметить, что вплоть до активизации блока Троцкого-Зиновьева в конце 1926 г., отношение к итогам XIV съезда было своеобразным маркером партийной лояльности. Так, в июне 1926 г. в бюро коллектива ЛГПИ им. Герцена поступило донесение, что лекция З.И. Лилиной (1882–1929) по истории ВКП(б) при обсуждении темы строительства социализма в отдельно взятой стране превратилась в дискуссию об итогах съезда [47, л. 114–115]. Вероятно, особое при-

страстие доносителей к обвиняемой объяснялось еще и тем, что она являлась супругой Г.Е. Зиновьева.

Решения XIV съезда не были сразу приняты и коллективом Электротехнического института. В начале января 1926 г. на заседании бюро и партийного актива выступал член ленинградской делегации А.А. Цатуров. Он отмечал, что разногласия между столичными организациями возникли еще до съезда. При этом московская «Правда» активно нападала на Ленинград, обвиняя его в паникерстве, аксельродовщине и т. д. Это и вынудило 22 губпартсъезд принять оппозиционную декларацию. На самом съезде И.В. Сталин озвучил предложения, которые ранее не дискутировались в регионах, поэтому Г.Е. Зиновьев и выступил после генсека с содокладом по политическому положению (за что впоследствии обвинялся в нарушении дисциплины). Никаких внятных ответов на предложения ленинградцев, отмечает А.А. Цатуров, не поступило, вместо ответов звучала критика старых политических ошибок оппозиционеров, в т.ч. осуждали позицию Зиновьева по крестьянскому вопросу в 1903 г. [24]. Среди тех, кто пытался заступиться за ленинградскую делегацию были студент Матвей Абрамович Павловский (1903–1940) и известная подруга В.В. Маяковского Мария («Муся») Яковлевна Натансон (1900–1937) [см. подр.: 6]. Последняя заявляла, что осуждать делегацию неправильно, так как сам коллектив несколькими неделями ранее поддержал ее в своей резолюции. Зиновьев, утверждала Натансон, поступил верно, указал на имеющиеся ошибки и недопустимость того, чтобы все решения, по существу, принимались московской организацией [25]. Однако, несмотря на определенный отпор со стороны оппозиции, резолюция была поддержана 76 голосами при семи против и двух воздержавшихся.

Наиболее крупному вузу города – ЛГУ, также пришлось совершить экстренный поворот в сторону ЦК. Хотя еще во время работы съезда в «Ленинградской правде» было опубликовано следующее: «Собрание коллектива РКП(б) Ленинградского Госуниверситета, одобряя решения конференции и отвергая обвинения ленинградской организации в делении ее на верхи и низы, со своей стороны, заявляет, что, вместе со всей ленинградской организацией наш коллектив отдаст все свои силы на проведение твердой ленинской линии штаба нашей партии – Ленинского ЦК» [10]. Буквально через две недели от былого единства в поддержке сторонников Зиновьева не осталось и следа. Только М.М. Цвибак и К.В. Нотман выступили активными сторонниками новой оппозиции. Резолюцию последнего о признании поведения Ленинградской организации правильным и отражающим мнение местной организации отклонили [38].

Однако, несмотря на активное сопротивление зиновьевцев, к концу января ленинградская оппозиция оказалась разгромленной. Под-

водя итоги агитационной поездки представителей ЦК в Ленинград, В.М. Молотов отмечал, что всего по городу 70 389 (96 %) членов партии проголосовали за ЦК, 2 244 – за оппозицию и 334 воздержались [12, с. 273]. Эти цифры, вошедшие впоследствии во все официальные издания по истории партии, были раскритикованы оппозиционером Г.Е. Евдокимовым в докладе, адресованном Пленуму ЦК 31 марта 1926 г. Он отмечал, что на одном только заводе «Красный гвоздильщик» от голосования воздержалось около 300 чел. [16]. Известно также о явной фальсификации голосования на крупнейшем предприятии «Красный треугольник», который последним в городе пал под давлением московских делегатов из ЦК. Подавление оппозиции на предприятиях – перспективная и до сих пор мало исследованная тема, однако рассматриваемый нами пример высшей школы демонстрирует фактически безоговорочную поддержку ЦК. Даже если приять во внимание, что многие зиновьевцы принципиально отказались от голосования, стремясь поставить под сомнения легитимность собраний, созванных через голову бюро, их удельный вес не будет слишком большим.

Несмотря на очевидную тенденциозность приводимых В.М. Молотовым цифр, одно из его наблюдений нельзя не признать точным – большая часть сторонников оппозиции являлась представителями партактива. Поэтому уже в январе стартовала масштабная кампания перевыборов партийного руководства (ответственных организаторов и бюро). При этом выборы происходили в принудительном порядке, и даже там, где коллектив был удовлетворен работой бюро и его главы. В большинстве случаев новый состав бюро формировался из представителей инициативных групп, участвовавших в подавлении зиновьевской «фронды». Подобные повышения для участников групп оговаривались заранее. Преподаватель Военно-политической академии Г.И. Григоров вспоминал, что Н.М. Шверник в январе 1926 г. предлагал ему поучаствовать в грядущей массовой смене городского партийного руководства. В случае если бы Григоров согласился стать секретарем парткома Путиловского завода, Н.М. Шверник обещал впоследствии продвинуть его в ЦК или ЦКК [8, с. 412]. Так что, надо полагать, значительная часть борцов с фракционностью, действовала отнюдь не из-за острых идейных расхождений с оппозицией. Несмотря на то что часть инициативных групп могла возникнуть спонтанно, их деятельность открыто поддерживалась и направлялась ЦК.

Для наиболее активных оппозиционеров исключением из состава бюро дело не ограничивалось – их увольняли или переводили работать на периферию. Пожалуй, чаще всего эта практика применялась в ЛГУ. В течение 1926 г. из университета выбыли И.Л. Татаров и С.К. Минин (также был уволен с поста ректора Коммунистического университета); А.И. Анишев и М.М. Цвибак были переведены на рабо-

ту в Ташкент; Н.М. Маторин – на низовую работу в Псковскую губернию, где некоторое время сохранял переписку с Зиновьевым, отправляя ему свои экономические очерки [15; 18].

Пример высшей школы убедительно демонстрирует, что к моменту начала съезда зиновьевцам удалось мобилизовать собственных сторонников и заручиться фактически единогласной поддержкой городских ячеек. Уже в ходе съезда и сталинская, и зиновьевская группировки пытались манипулировать партийной массой, склонив ее в свою сторону. Но если оппозиция ограничилась сравнительно легальными методами (продвижением соответствующих кадров, ограничением критических выпадов против ленинградской делегации в печати), то сталинский ЦК действовал с открытым пренебрежением к какому-либо законному порядку, сформировав фактически параллельную партийную структуру, действовавшую от имени «инициативных групп», которые игнорировали распоряжения вышестоящих органов.

Очевидно, что подобная тактика ЦК не имела бы такого успеха без молчаливого согласия большей части партийных масс. Почему же оказалась возможной столь стремительная перемена политического настроения? Во время обсуждений в бюро и на общих собраниях коллективов вузов отмечалось, что партактив скрыл имевшиеся разногласия с ЦК, и об оппозиционности ленинградской делегации основная масса узнала только в ходе работы съезда. Подобная позиция не выглядит убедительной, так как весь декабрь главные партийные газеты Ленинграда изобиловали не только публикациями сторонников Зиновьева, но и материалами, присланными в редакцию их противниками из Москвы. Скрыть разногласия при таком широком освещении конфликта было невозможно. На наш взгляд, скорое отречение от оппозиции предопределили две взаимосвязанные причины. Во-первых, очевидно, что большинству партийцев имевшиеся разногласия поначалу не казались принципиальными. Обтекаемые или, наоборот, излишне наукообразные формулировки докладов и статей не позволили выявить радикальные расхождения во взглядах сталинистов-бухаринцев и зиновьевцев, поэтому ход съезда, отчасти принявший характер распри, стал для многих членов партии неожиданным. Наиболее ярко подобное замешательство было выражено на заседании коллектива Медицинского института: «много было пущено туману, и в то время уловить что-либо конкретное было трудно» (Росляков) [33]. В этих условиях откровенно абсурдное приравнивание сторонниками Сталина любой дискуссии к ведению раскольнической работы против ЦК оказывало пугающее воздействие и принуждало ленинградцев к скорейшему исправлению «ошибок». Во-вторых, большинство партийцев не выказывало видимого интереса к масштабным проблемам развития социалистического государства и было склонно делегировать решение вопросов внутренней и внешней политики бо-

лее высоким и компетентным, с их точки зрения, органам. Все доклады о текущей политике, или о решениях пленумов и съездов одобрялись или принимались без каких-либо дискуссий или дополнений, направленных в пользу или против генеральной линии. Так произошло и в вузовской среде в декабре 1925 – январе 1926 гг. Единственным заметным исключением стал коллектив Лесного института, где по инициативе самих партийцев в первой половине 1926 г. была сделана целая серия научных докладов, обосновывающих правильность решений XIV съезда в отношении перспектив экономической политики [30; 26; 27].

В целом высшая школа сыграла заметную роль в событиях, произошедших вокруг XIV съезда. Важно отметить, что сами вузы не являлись главным полем битвы между сторонниками и противниками сталинско-бухаринского курса (за исключением Коммунистического университета), так как основная борьба шла за крупные фабричные ячейки, солидарность которых обеспечивала необходимую социальную поддержку. Однако на преподавателей и студентов были возложены организационные и пропагандистские функции. На страницах печати вслед за крупными партийными деятелями (Г.Е. Зиновьевым, Г.И. Сафаровым, Саркисом, Г.Е. Евдокимовым и др.) наибольшую активность в обосновании взглядов оппозиции проявляли преподаватели ЛГУ и Коммунистического университета, в это же время студенты возглавляли агитационную работу в просветительских кружках. Однако активность преподавателей и студентов вне институтов и университетов никак не отражалась на конформистском поведении вузовских ячеек. Среди всех вузов Ленинграда борьба новой оппозиции смогла спровоцировать дискуссию только в коллективах Коммунистического университета, Института народного хозяйства, Горного и Электротехнического институтов. Мелкие вузовские коллективы, где количество членов измерялось не сотнями, а десятками, и вовсе почти не затрагивали проблемы актуальной политики.

Обращение к биографиям сторонников Зиновьева в высшей школе явно свидетельствует о неоднородности оппозиции, фактически представленной двумя группами. Первые – это формальные оппозиционеры, которые проводили линию поддержки ленинградской делегации по указанию вышестоящих органов, отказавшись после января 1926 г. от участия в какой-либо оппозиции. Однако и этот короткий эпизод биографии становился достаточным основанием для попадания под волну репрессий 1930-х гг. Хотя известен и целый ряд исключений из этого правила. Например, Николай Георгиевич Массиу (1895 г.р.) открепленный от коллектива Института народного хозяйства за сочувствие оппозиции, сумел построить успешную карьеру и в начале 1940-х гг. занимал должность секретаря парторганизации Райкоммунотдела Кировского района Ленинграда.

Ко второй группе относятся убежденные противники сталинского курса, воспринявшие программу ленинградской организации как реальную альтернативу ему. В своем большинстве они продолжили политическую борьбу, войдя в блок, организованный Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым летом 1926 г. Среди них преподаватели ЛГУ Г.Е. Горбачев, К.В. Нотман, многочисленные студенты Горного института В.Ф. Лысов, З.М. Бравый, Е.А. Гречанская, Г.И. Козьмин, П.В. Сачко и др., студент Политехнического института С.Г. Боголепов, преподаватели и студенты Электротехнического института Г.П. Бальян, Б.С. Лейбель, М.Я. Натансон, продолжившие участвовать в троцкистском подполье вплоть до 1933 г. [см. 47, л. 3; 50, л. 1; 49, л. 5]. Все они были впоследствии репрессированы. Относительно «повезло» только одному из самых активных зиновьевцев С.К. Минину. В январе 1926 г. он отошел от активной политической борьбы из-за тяжелого состояния здоровья (нервное расстройство, вызванное последствиями травмы головы). В декабре 1927 г. он выступил на XV съезде с критикой поведения представителей ЦК на ленинградских предприятиях в дни борьбы с ленинградской оппозицией. Впоследствии был исключен из партии. Минин пытался оспорить подобное решение, заявляя, что объединенная оппозиция, исключенная из партии, имеет корни в дискуссии 1923 г., а не 1925–1926 гг., в которой он участвовал. Однако его объяснительная статья так и не была опубликована [7]. В 1932–1934 гг. Минин находился в ссылке в Тюменской области, в 1937–1945 гг. – в Московской нервно-психиатрической больнице. В 1945 г. оказался на свободе, в 1954 г. получил персональную пенсию, а в 1955 г. – орден Трудового Красного Знамени в честь годовщины Первой русской революции, участником которой он являлся. С этих пор Минин вернулся в список героев Гражданской войны [14].

Каковы были итоги 1925 г. для партийной жизни Ленинграда? Разгром новой оппозиции, смена редакции «Ленинградской правды» и «Красной газеты» уничтожили последнее легальное поле для партийной дискуссии. На новом этапе борьбы левой оппозиции блок Троцкого-Зиновьева действовал уже в подпольной или полуполюгальной сфере: печатать пропагандистские материалы приходилось самостоятельно, а проводить собрания сторонников отдельно от основных партийных коллективов. Тотальная чистка «зиновьевских» кадров в парторганизациях и их замена на партийцев, лояльных сталинской линии во многом предопределила поражение объединенной оппозиции 1926–1927 гг.

Список литературы

1. Автобиография // Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 1728. Оп. 1-52. Д. 408438. Ч. 2. Л. 23 об.

2. Анишев Ан. Об основном звене // Ленинградская правда. – 1925. – 19 дек. – С. 3.
3. Будченко Л.И. Организатор и вожак первых царицынских большевиков // Частные миры Великой русской революции: сб. науч. тр. (на рус. и татар. яз.). – Казань, 2017. – С. 277–283.
4. В партком ЛГИ // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-32. Д. 248718. Ч. 1. Л. 17.
5. В парткомитет ВКП(б) Ленинградского горного института // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-33. Д. 256306. Ч. 1. Л. 10 об.
6. Важюлевич А.В. Вокруг Маяковского. «Инженерица» Муся Натансон и другие // Литературный факт. – 2017. – № 5. – С. 125–154.
7. Вынужденный ответ. Письмо в редакцию «Большевика» [январь 1928 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9571. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
8. Григоров Г.И. Повороты судьбы и произвол: воспоминания, 1905–1927 годы. – М.: ОГИ, 2005. – 526 с.
9. Декларация, принятая XXII Ленинградской губернской партийной конференцией // Ленинградская правда. – 1925. – 16 дек. – С. 1.
10. Ленинградская правда. 1925. – 18 дек. – С. 2.
11. Минин С. Второй выпуск // Зиновьевец. – 1925. – № 6. – С. 2.
12. Молотов В. Отчетная компания в Ленинграде о работах XIV партийного съезда // Новая оппозиция. – Л.: Прибой, 1926.
13. Моя работа в оппозиционной группе. Из записок троцкиста Н.Н. Гаврилова // Память. Исторический сборник. – Париж, 1980.
14. Мужественный революционер. К 80-летию со дня рождения С.К. Минина // Правда. – 1962. – 29 июня. № 180.
15. Н.М. Маторин – Г.Е. Зиновьеву. 2/3 июля 1926 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 94–111.
16. Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 204 с. – URL: https://scepsis.net/library/id_3547.html (дата обращения: 30.07.2021).
17. Никуленкова Е.В. Подготовка экономистов-марксистов в институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестн. Рязанск. гос. ун-та. – 2018. – Вып. 4. – С. 47–55.
18. [Письмо Маторина об экономическом положении Пскова] // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 112–116.
19. Протокол № 10. Заседания бюро коллектива ВКП(б) ЛИНХ совместно с активными работниками 5 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 7354. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.
20. Протокол № 11 заседания Бюро коллектива Ленинградского горного института от 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 об.
21. Протокол № 8 Общего собрания коллектива ВКП(б) ЛИНХ от 5 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-7354. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об.
22. Протокол № 1 закрытого общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) коллектива Ленинградского горного института от 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 80. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–1 об.
23. Протокол № 1 Общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) Политехнического, Лесного и Физико-технического институтов [январь 1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 64 а. Л. 1.
24. Протокол № 13. Заседание Бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [январь 1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 91–92.

25. Протокол №13. Заседание Бюро коллектива РКП(б) Электротехнического института совместно с активом [январь 1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 94.

26. Протокол № 15 общего партийного собрания коллектива ВКП(б) Лесного института от 15 июля 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 35 и далее.

27. Протокол № 16 общего объединенного собрания членов коллектива ВКП(б) Лесного института от 16 сентября 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 39 и далее.

28. Протокол № 2. Объединенного собрания КУЗа и Института им. Крупской от 12 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. Д. 207. Л. 3 об.-4.

29. Протокол № 2. Расширенного заседания Бюро коллектива совместно с президиумом кружков при Университете им. тов. Зиновьева от 9 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. Д. 208. Л. 3.

30. Протокол № 3 общего партийного собрания коллектива ВКП(б) Лесного института от 4 февраля // ЦГАИПД СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 и далее.

31. Протокол закрытого пленума парторганизации института «Механобр» 14 февраля 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-81. Д. 640700. Ч. 3. Л. 2.

32. Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского медицинского института от 11 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 51. Л. 2–2 об.

33. Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Ленинградского медицинского института от 11 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 257. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

34. Протокол заседания бюро коллектива университета им. тов. Зиновьева от 30 декабря 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. Д. 205. Л. 80.

35. Протокол общего собрания к-ва ВКП(б) университета им. Зиновьева и Института им. Крупской от 16 декабря 1925 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 25.

36. Протокол собрания коллектива РКП(б) коммунистов университета им. тов. Зиновьева от 31 декабря 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 204. Л. 29.

37. Протокол собрания коллективов ВКП(б) Технического, Гражданского, Ветеринарного институтов, политехникума Путей сообщения и Латышского педагогического техникума // ЦГАИПД СПб. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

38. Протоколы заседание бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 2–2 об.

39. Роговин В.З. «Троцкизм»: взгляд через годы. – М.: Терра, 1992. – 399 с.

40. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 85. Д. 34.

41. Сеф. Тов. Астров «по-ленински» решает вопрос о госкапитализме // Ленинградская правда. – 1925. – 18 дек. – С. 3.

42. Стефаненко А.Ю. Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2021.

43. Татаров И. Наша действительность и наши перспективы // Ленинградская правда. – 1925. – 16 дек. – С. 3.

44. Фельштинский Ю.В., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929. – М.: Центрполиграф, 2013. – 451 с.

45. Цвибак М. Довольно полемической фразеологии! // Ленинградская правда. – 1925. – 19 дек. – С. 3.

46. Цвибак М. Куда привело ликвидаторство товарища А.С. // Ленинградская правда. – 1925. – 15 дек. – С. 4.

47. ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1-3. Д. 36.

48. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-60. Д. 474909.

49. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-68. Д. 539996.
 50. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 39. Д. 341.
 51. Halfin I. *Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928.* – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press. – 2007. – 418 p.

References

1. *Anishev An. Ob osnovnom zvene* [On the main link] // *Leningradskaya pravda.* – 1925. – 19 dekabrya. – P. 3
2. *Budchenko L.I. Organizator i vozhak pervykh tsaritsynskikh bol'shevikov* [Organizer and leader of the first Tsaritsyn Bolsheviks] // *Chastnyye miry Velikoy russkoy revolyutsii. Sbornik nauchnykh trudov (na russkom i tatarskom yazykakh)* [Private Worlds of the Great Russian Revolution]. – Kazan', 2017. – Pp. 277–283.
3. Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. CGAIPD SPb. F. 1158. Op. 1-3. D. 36. L. 114–115.
4. CGAIPD SPb. F. 119. Op. 1. D. 39. L. 94.
5. CGAIPD SPb. F. 119. Op. 1. D. 39. L. 91–92.
6. CGAIPD SPb. F. 1428. Op. 1. D. 32. L. 1.
7. CGAIPD SPb. F. 1728. Op. 1. D. 408438. Part 2. L. 23 ob.
8. CGAIPD SPb. F. 197. Op. 1. D. 204. L. 25.
9. CGAIPD SPb. F. 197. Op. 1. D. 204. L. 29.
10. CGAIPD SPb. F. 197. Op. D. 205. L. 80.
11. CGAIPD SPb. F. 197. Op. D. 207. L. 3 ob–4.
12. CGAIPD SPb. F. 197. Op. D. 208. L. 3.
13. CGAIPD SPb. F. 257. Op. 1. D. 51. L. 2.
14. CGAIPD SPb. F. 257. Op. 1. D. 51. L. 2–2 ob.
15. CGAIPD SPb. F. 40. Op. 1. D. 64 a. L. 1.
16. CGAIPD SPb. F. 47. Op. 1. D. 12. L. 3 and further.
17. CGAIPD SPb. F. 47. Op. 1. D. 12. L. 35 and further.
18. CGAIPD SPb. F. 47. Op. 1. D. 12. L. 39 and further.
19. CGAIPD SPb. F. 7354. Op. 1. D. 46. L. 8.
20. CGAIPD SPb. F. 80. Op. 1. D. 62. L. 1–1 ob.
21. CGAIPD SPb. F. 984. Op. 1. D. 175. L. 2–2 ob.
22. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-32. D. 248718. Part 1. L. 17.
23. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-33. D. 256306. Part 1. L. 10 ob.
24. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-60. D. 474909.
25. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-68. D. 539996.
26. CGAIPD SPb. F. R-1728. Op. 1-81. D. 640700. Part 3. L. 2.
27. CGAIPD SPb. F. R-4505. Op. 39. D. 341.
28. CGAIPD SPb. F. R-7354. Op. 1. D. 45. L. 1 ob.
29. CGAIPD SPb. F. 80. Op. 1. D. 33. L. 1 ob.
30. *Deklaratsiya, prinyataya XXII Leningradskoy gubernskoy partiynoy konferentsiyey* [Declaration adopted by the XXII Leningrad Provincial Party Conference] // *Leningradskaya pravda.* – 1925. – 16 dekabrya. – P. 1.
31. *Felshtinsky Yu.V., Chernyavsky G.I. Lev Trotskiy. Kniga tret'ya. Oppozitsioner. 1923–1929* [Leon Trotsky. Book three. Oppositionist. 1923–1929]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. – 451 p.
32. *Grigorov G.I. Povoroty sud'by i proizvol: vospominaniya, 1905–1927 gody.* [Twists of Fate and Arbitrariness: Memories, 1905–1927]. – Moscow: OGI, 2005. – 526 p.
33. Halfin I. *Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928.* – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press. – 2007. – 418 p.

34. *Leningradskaya pravda*. 1925. – 18 dekabrya. – P. 2.
35. *Minin S. Vtoroy vypusk* [Second edition] // *Zinov'yevets* [Zinovievist]. – 1925. – № 6. – P. 2.
36. *Molotov V. Otchetnaya kompaniya v Leningrade o rabotakh XIV partiynogo s"yezda* [Reporting company in Leningrad on the work of the XIV party congress] // *Novaya oppozitsiya*. Leningrad, Priboy, 1926.
37. *Moya rabota v oppozitsionnoy gruppe. Ikh zapisok trotskista N.N.Gavrilova* [My work in an opposition group. Their Notes of Trotskyist N.N. Gavrilov] // *Pamyat'. Istoricheskiy sbornik* [Memory. Historical collection]. – Paris, 1980.
38. *Muzhestvennyy revolyutsioner. K 80-letiyu so dnya rozhdenii S.K.Minina* [Courageous revolutionary. On the occasion of the 80th anniversary of the birth of S.K. Minin] // *Pravda*. – 1962. – 29 June. № 180.
39. *N.M. Matorin – G.Ye. Zinov'yevu. 2nd July 1926.* // RGASPI F. 324. Op. 1. D. 59. L. 94–111.
40. *Nazarov O.G. Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoy partii v usloviyakh NEPa.* [Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik party under the conditions of the NEP.] – Moscow: IVI RAN, 2002. – 204 p. – URL: https://scepis.net/library/id_3547.html (Date of access: 30.07.2021).
41. *Nikulenкова Ye.V. Podgotovka ekonomistov-marksistov v institute krasnoy professury v 1920-ye gody* [Training of Marxist economists at the Institute of Red Professors in the 1920s] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ryazan State University]. – 2018. – Iss. 4. – Pp. 47–55.
42. *Pis'mo Matorina ob ekonomicheskom polozhenii Pskova* [Letter from Matorin on the economic situation of Pskov] // [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI) F. 324. Op. 1. D. 59. L. 112–116.
43. *Rogovin V.Z. «Trotskizm»: vzglyad cherez gody* ["Trotskyism": a look through the years]. – Moscow: Terra, 1992. – 399 p.
44. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* // *RGASPI*. F. 17. Op. 85. D. 34.
45. *Sef. Tov. Astrov «po-leninski» reshayet vopros o goskapitalizme* [Astrov "in Lenin's way" resolves the issue of state capitalism] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. – 18 dekabrya. – P. 3.
46. *Stefanenko A.Yu. Vnutripartiynaya bor'ba v Leningrade. 1926–1933 gg.* [Internal party struggle in Leningrad. 1926–1933] / PhD thesis. – St. Petersburg, 2021.
47. *Tatarov I. Nasha deystvitel'nost' i nashi perspektivy* [Our reality and our prospects] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. – 16 dekabrya. – P. 3.
48. *Tsvibak M. Dovol'no polemicheskoy frazeologii!* [Enough polemical phraseology!] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. 19 dekabrya. – P. 3.
49. *Tsvibak M. Kuda privelo likvidatorstvo tovarishcha A.S.* [Where did the liquidationism of comrade A.S.] // *Leningradskaya pravda*. – 1925. – 15 dekabrya. – P. 4.
50. *Vazhyulevich A.V. Vokrug Mayakovskogo. «Inzheneritsa» Musya Natanson i drugiye* [Around Mayakovsky. "Engineer" Musya Natanson and others] // *Literaturnyy fakt* [Literary fact]. – 2017. – № 5. – Pp. 125–154.
51. *Vynuzhdennyy otvet. Pis'mo v redaktsiyu «Bol'shevika»* [yanvar' 1928 g.] [Forced response. Letter to the editor of "Bolshevik"] // *GARF*. F. 9571. Op. 1. D. 5. L. 1.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 82-94(470)“1897.11.2/1902.03.30”
ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени
DOI 10.35231/25422375_2021_2_101

Мария Скудре
Дорогие воспоминания.
Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.*

Публикация, комментарии и вступительная статья
В.А. Веременко, А.Е. Жукова, Д.А. Мельникова

Предлагаемый читателю материал представляет собой впервые опубликованные отрывки воспоминаний и дневника Марии Скудре, бывшей прислуги, жены лакея, многодетной матери и просто женщины. Хронологически документ охватывает период конца XIX – начала XX в. и является уникальным источником изучения истории повседневности такой социальной группы, как прислуга в Российской империи. Воспоминания М. Скудре позволяют взглянуть на жизнь простого народа с ее радостями и горестями изнутри, увидеть наиболее острые проблемы, беспокоившие людей того времени, понять, каковы были их интересы (которые отнюдь не ограничивались материально-бытовыми аспектами). Автор документа предстаёт интересной, разносторонней личностью, которая успевала совмещать хозяйственную деятельность по дому с чтением самой разнообразной литературы, заботу о детях с помощью близким и родным (а порой и едва знакомым людям), религиозные традиции с философскими рассуждениями. Опубликованные материалы, написанные ярким, образным языком, будут интересны не только специалистам-историкам, но и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: воспоминания, дневник, эго-документы, прислуга, Российская империя, история повседневности.

Maria Skudre
Dear Memories.
Diary from November 2, 1897 to March 30, 1902

Public. and com.
Valentina A. Veremenko, Anastasiya E. Zhukova,
Dar'ya A. Mel'nikova

The material offered to the reader presents the first published excerpts from the memoirs and diary of Maria Skudre, a former servant, wife of a footman, mother and woman. Chronologically the document covers the period of the late XIX – early

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

© Веременко В.А., Жукова А.Е., Мельникова Д.А., 2021

XX centuries and is a unique source for studying the history of everyday life of such a social group as servants in the Russian Empire. Memories of M. Skudre allow us to look at the life of the common people with its joys and sorrows from the inside, to see the most acute problems that worried people of that time, to understand what their interests were (which were by no means limited to material and routine aspects). The author of the document appears to be an interesting, miscellaneous person who managed to combine household chores with reading a wide variety of literature, taking care of children with the help of relatives and friends (and sometimes barely familiar people), religious traditions with philosophical reasoning. The published materials, written in a vivid, figurative language, will be of interest not only to historians, but also to a wide range of readers.

Key words: memories, diary, ego-documents, servants, Russian empire, history of everyday life.

Перед нами удивительный, редчайший документ – дневник и воспоминания, написанные женщиной-прислужгой. Несмотря на то что именно эго-документы традиционно являются основным источником по повседневности прислужки, речь идет о дневниках, воспоминаниях и переписке господ [см. напр.: 13; 17; 22; 10]. В результате, мы можем наблюдать жизнь наиболее ограниченной в правах категории труженников пореформенной России исключительно глазами их хозяев и хозяек.

Последние, в большинстве своем, не скупилась на крайне неллицеприятные характеристики. С другой стороны, и прислужка, как правило, отвечала своим господам взаимностью. Мелкое воровство, плохое исполнение работы, грубость и пьянство – вот далеко не полный перечень обычных способов, с помощью которых домашние работники пытались защититься от различных форм притеснений [см. 2; 3; 5; 8; 20].

Предлагаемые мемуары рисуют нам крайне редкую картину взаимоотношений хозяев и прислужки. Девушка, прослужившая в семье лишь полтора года до замужества, и спустя десятилетие вспоминает своих хозяев с благоговением, считая месяцы, проведенные в их семье, лучшими в своей жизни... В свою очередь бывшие господа периодически навещают «Машеньку», дарят ее детям подарки на праздники, вовлекают в подготовку крупных семейных событий.

Необычность таких взаимоотношений отмечает и автор дневника. Несмотря на то что основная масса ее родственников и знакомых это слуги, поделиться своими переживаниями с ними она не может, так как ее родные хозяев «своих не особенно уважают, следовательно, чувства мои им покажутся невероятными».

Достаточно редким для пореформенного периода выглядит и отношение автора к церкви, сочетающее глубокую религиозность с удивительной толерантностью. Сама Мария Скудре лютеранка. Человек искренне верующий. Но, это не мешает ей не только самой посещать

православные храмы, знать специфику религиозных обрядов этой конфессии, участвовать в разнообразных церемониях, вплоть до принятия обязанностей крестной, но и водить на службы своих маленьких детей.

После замужества Мария Скудре покинула дом хозяев. Первоначально она жила в Петербурге, где ее муж служил лакеем в Зимнем дворце. Места для семей прислуги в царской резиденции, конечно, не выделялись, а «дежурства» были круглосуточными, в результате супруги встречались «не больше двух или трех раз в неделю, а то не больше получаса». Спустя несколько лет, оставив мужа в столице, она с детьми перебралась в Колпино под Гатчиной, куда до этого выезжала на лето. Теперь они с мужем встречались «в месяц раз, на полсуток он приезжает после получки жалованья 21го числа...». Скорее всего, именно из-за нахлынувшего в связи с переездом в деревню чувства одиночества («близких друзей здесь нет, ... я одна с малыми ребятами») Мария и взялась за перо...

Помимо «Дорогих воспоминаний», связанных со службой прислугой, предлагаемый текст включает поденные записи, содержащие яркие иллюстрации повседневной жизни русского и финского разнородного крестьянско-мещанского населения гатчинской округи. Дневник бывшей прислуги позволяет нам заглянуть в обычную избу и познакомиться с ее обитателями, побывать на крестинах и похоронах, выяснить условия получения паспорта, оценить, какие места посещали при недолгих поездках в С.-Петербург... Описание каждодневных забот и редких радостей бедного люда дается в записях в спокойной манере, которая лишь подчеркивает очевидную для автора вещь, что «богатый бедному не верит, а бедняк бедняку сочувствует и поможет». Помогая другим и уповая на божью помощь, мать, супруга и хозяйка демонстрирует нам готовность встретить любые испытания, которые окажутся на ее пути...

Несмотря на многочисленные грамматические ошибки, записки Марии Скудре поражают ярким, образным языком. Во многом последнее обстоятельство объясняется начитанностью автора. При очевидной загруженности многодетной матери, вынужденной тщательно соразмерять расходы и выполнять все домашние дела самостоятельно, она успевала читать, причем выбирала преимущественно религиозно-нравственную литературу.

Оригинал рукописи хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки – Ф. 423 (Лбовский А.Н.). Д. 1434. Выражаем благодарность сотруднику отдела – Дмитрию Павловичу Белозерову за бесценную помощь в подготовке к изданию.

Настоящая публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов. Стиль и грамматика рукописи в

основном сохранены, за исключением грубых грамматических ошибок, которые авторами публикации исправлены по умолчанию.

Предлагаем выдержки из первой части дневников. Полный текст будет опубликован отдельным изданием.

Дорогие Воспоминания Лето 1895го года

В один тихий летний вечер, я сидела в маленьком садике около дачи, с рукоделием в руках, и присматривала за своими маленькими детьми, которые тут-же играли с моим двоюродным братом, брат был шалун порядочный, не смотря на свои 13 лет и в это время услышала сзади себя ... я оглянулась и растерялась, в садик входили молодые Господа, Офицер Павловского полка с супругою, и три Барышни ее сестры, я поздоровалась, обрадовалась таким дорогим гостям, они прогуливались и зашли отдохнуть, посидели несколько минут и стали уходить домой, я стояла у калитки сада и смотрела вслед уходившим, сколько радостей и счастья желало им мое сердце, и как дороги были для меня эти знакомые лица, мне очень приятно было видеть своих бывших дорогих Господ, придя в комнату я от радости не знала за что взяться, мне было очень весело, в этот вечер я долго не могла уснуть, мои мысли были далеко, я перенеслась мысленно в Петербург, за 11 лет тому назад, и хочу поверить бумаги и перу свои дорогие воспоминания.

Одиннадцать лет тому назад, я поступила служанкой, к семейству одного знатного Барина, занимавшего высокую должность и жившего в Зимнем Дворце в здании Эрмитажа, семейство его состояло из 9-^{ти} человек, его самого с супругою, двух сыновей, четырех дочерей и матери его супруги, старшему сыну было 18 лет и младшей дочери 4 года (1).

Мои родные и знакомые, все больше жили слугами при Господах, и мне очень много приходилось слышать, про житье Барское, поэтому, поступив слугою в Барский дом, я о Господах думала совсем не так, как было на самом деле в этом благородном семействе.

Должность моя была при детской, услуживать за тремя маленькими Барышнями, провожать их в пансион, а остальное время дня, шить детские платья, белье, да и все что придется, и вот я осмотрелась, Барышни стали ко мне привыкать, Барыня относилась с приказаниями всегда тихо, скорее милостиво, нежели повелительно, спустя неделю я переменяла мысли про Господ, в этом семействе все было так, как я прежде слышала про Барские дома, а спустя две недели, я уже любила это дорогое семейство, вряд ли еще найдутся такие добрые Господа, а если и есть, то пусть и другие слуги будут счастливы тем, что могут служить в таких домах, и оставить добрую память по ним.

Барина приходилось видеть больше в столовой или в Барышних комнатах, девушкам кроме «здравствуйте» он ничего не говорил и не приказывал, дома он бывал мало, находился на службе в Главном Дворцовом Управлении, все свое свободное время он посвящал горячо любимому семейству, каждому из детей он находил шутку и ласку, когда он был в кругу семьи, то мы слуги говорили «что дела Барина остались вместе с пальто в передней» и это было истинно верно, когда он выходил на службу одевал пальто, это уже был не тот Барин, который минуту тому назад заставлял детей, весело смеяться. Служащие и подчиненные уважали его, многие получили чрез него постоянный кусок хлеба, за то многие молятся о его здравии.

А что могу я передать бумаги и перу, про свою бывшую Добрую Барыню, не знаю с чего начать, и достойна ли я описать эту добродетельную Госпожу, она не была похожа на тех Барынь, которые проводят время на балах, в театрах, всюду разъезжают, им нет времени заботиться о детях, эта забота остается на мамках, няньках, а после гувернантки заменяют им матерей, воспитывают их, и дети мать видят мало, следовательно и нежные ласки матери для них чужды. Моя бывшая Добрая Барыня была совершенно другая, жизнь светских Барынь была для нее чужда, все что их интересует, она этого избегала, она жизнь свою посвятила детям, была нежно любящая мать, дорожила семейным счастьем и спокойствием, в их семье всегда были «тишь да гладь да Божья благодать» всегда она находилась дома, заботилась об хозяйстве, со слугами была добра, и этим заставляла слугу уважать себя и быть преданным (2).

Сколько раз мне случайно приходилось видеть ее по утрам, когда она молилась Богу, как набожно со слезами, смотрела она на образа, как прекрасно выглядела она в такие минуты, с влажными от слез глазами и кроткое лицо озаряла блаженная улыбка. Боже думалось мне, вот где избранным Богом кроткие души, вот где добродетель, и глядя на молившую Госпожу, и я благодарил Бога, что привелось мне служить таким благочестивым Господам, редки в наше время такие дома.

... Много выстрадала Добрая Барыня за своего 13^{ти} летнего сына Л.К. Он был болен в Ярославской губернии на даче, там ему делали операцию, но она не принесла ему пользы. В Петербурге пришлось решиться на вторую операцию, она была назначена в скором времени после того как я к ним поступила. Помню я все очень хорошо. Этот день оставил неизгладимые впечатления в моей памяти. После решения, которое приняли доктора необходимым, приказано было приготовить светлую комнату. Нашли удобным занять для этого комнату старшей Барышни, пришли обойщики, вынесли всю мягкую мебель, сняли ковер, оставили только все деревянное, в назначенный час пришли доктора. Барин с братом и младшие дети были внизу в Па-

радных комнатах. Старшие дети были в учебных заведениях. Барыня с Матерью были в ее будуарах рядом с комнатой где находился больной. Старая Барыня зажгла все лампадки, молилась и вздыхала. Брат Барыни был около больного, когда все было готово чтобы приступить к операции, двери в той комнате были закрыты, я услышала приказания «подайте стакан воды» я исполнила приказанья, подавая воду взглянула на Госпожу, мне сделалось больно за нее, она еле владела собой, страданья ее были тяжкие, она мучилась за мученья сына, не могу выразить всего словами, но и сейчас мне жутко вспоминать этот день, когда я взялась за свою обычную работу иголка не держалась в моих руках. Сердце билось шибко, мне жаль было Мать, а не страдальца, почему? Потому, что я не знала, что значит операция, и больного видела мало за ним ухаживала его бабушка. Болезнь и страданья и тревогу за детище я видела на лице Матери. Я успела привыкнуть и полюбить свою Госпожу, мне было вдвое больше жаль ее нежели больного. Всё кончено, самое страшное миновало. Двери открылись, доктора сделав своё дело выходили, когда все утихло я опять услышала приказанья «идите сюда» я вошла в комнату больного. В это время Мать с замирающим сердцем подходила к страдальцу, он пришел в себя и улыбнулся. Мать хотела ответить тоже улыбкой, но это не вышло. Под желанием улыбки губы ее искривились, слезы брызнули из глаз, она прижала платок к глазам нагнулась к сыну, обняла его и нежно нежно целовала, за эти несколько мучительных минут наболевшее сердце облегчалось слезами. Мне приказано было вынести таз с перевязочными принадлежностями, я взяла унесла куда было приказано... (3)

...Не один врач не может подать в такой беде помощи. Только Молитва, горячая Молитва нежной Матери, просит защиты и облегчения своему детищу. Да пошлет Господь терпенья, и воздаст сторицей радостею за пережитые тяжелые испытанья.

... 4ри года тому назад Барин был повышен чином и переведен на высшую должность, он управлял городом близ Петербурга, а семейство проживало в Петербурге, так как дети были в учебных заведениях. В настоящее время, когда я пишу эти строки, это дорогое для меня семейство лето проводит в гостях у Барина, в его шикарнейшей квартире во Дворце, тут все самые дорогие для него лица. Супруга с Матерью, старшая дочь со своим супругом, второй сын, три дочери прекрасные Барышни, и два маленьких внука. Наполняют хоромы Дедушки своими звонкими голосочками, радуется глава семейства на своих дорогих гостей.

...Беру перо, и решаю поверить бумаги свои секретные мысли, хочу этим беззвучным разговором облегчить свое сердце, поговорить с кем-нибудь по душам я не могу, мои знакомые и родня больше слу-

ги, [Господ] своих не особенно уважают, следовательно, чувства мои им покажутся невероятными. С мужем поговорить не смею у него так же сердце болит, как я уважаю свою Госпожу, так же предан он был своему Господину, один раз летом все семейство Господ гуляли, был жаркий день, они зашли к нам в деревню где мы жили на даче, и пожелали молока, посидели в садике отдохнули, когда муж приехал я ему об этом сказала и показала на каком месте сидел его Барин, он прислонился к стене глубоко задумался и две крупные слезы потекли по его щекам, без слов можно было понять, как любил он семейство своего Господина.

Какими же словами я слуга могу выразить свои особенное чувство к благородной Госпоже, смею ли я это говорить. Достояна ли я об этом думать? Как это я отвечу, если я говорить об этом не смею, я и не говорю, я передаю безмолвной бумаги свои задушевные мысли, если же я недостойна этого думать, то винить в этом надо сердце, а с сердцем справиться нелегко, но главная вина остается на самой Госпоже, зачем она заставила слугу, полюбить себя, ласка ее для меня священна, не много послужила я этой Доброй Барыни, всего 1 год и 4 месяца, это не долгое время было лучшее в моей жизни, это было золотое время, оно осталось в моей памяти как незабвенный прекрасный сон, и тот чудный сон не покинет меня никогда.

Детство мое было не радостное, мне не было двух лет как скончался отец, до семи лет я еще видела ласки матери, мамаша вышла второй раз замуж за молодого человека, жили они не дружно, [отчима] я не любила. 12 лет привезла меня мать учиться ремеслу, в ученье я пробыла четыре года, добрых слов и ласки видеть было не от кого. 16-ти лет я поехала опять к матери, ... я пробыла в родной семье год, о какой был этот год, какое неприятное чувство осталось по нем, как страшен и ненавистен был для меня вотчим, даже бумаги не решусь все пережитое в родительском доме сказать. Как счастлива я была, когда после причастия могла оставить родительский дом. С двумя рекомендательными письмами я приехала из Новгородской губернии в Петербург искать себе работу, сначала я остановилась у Тети, старшей сестры моей Матери, ходила работать ежедневно на Гороховую улицу, там я проработала две недели, чрез второе письмо я получила работу на классных дам, в Смольном Институте, туда я ездила работать по неделям, в понедельник утром уеду, а в субботу вечером вернусь к Тети, я видела, что я Тети мешала, она несколько раз мне напоминала, чтобы я старалась приискать место в доме, где бы могла жить, проработав 5 месяцев у классных дам, они рекомендовали меня этой Доброй Барыне...

Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.

Ноября 2го дня 1897 года Колпино близь Гатчино

...Дети малы, Муж и родные за пол-сотни версты, близких друзей здесь нет, здесь в деревне я одна с малыми ребятами, старшему сынишке 8 лет, младшему 1 год, да две дочурки 6^{ти} и 4^х лет. Поехала я на лето в деревню, привелось зимовать, и Бог знает, что еще впереди будет...

...последние четыре года мы жили врозь, он [муж] находился на бессменном дежурстве у своего Начальника, в Городе я его видела не больше двух или трех раз в неделю, а то не больше получаса, а здесь в деревне я его вижу в месяц раз, на полсутки он приезжает после получки жалованья 21го числа...

4го Января 1898го года. Какой счастливый и радостный день выпал на мою долю, моя дорогая Барыня со своей матерью, приехали к нам, детям привезли игрушки и гостинцы, посидели, милостиво поговорили, не нахожу слов выразить им свою великую благодарность, только одно сердце умеет благодарить, оно радостно бьется при каждом воспоминании о них.

25го Января. Как легко мне сегодня, точно тяжесть спала с моей души, три недели тоска давила, трудно жить в разлуке, поехала в Петербург повидать мужа, приехавши домой стало еще скучнее, он занят службой, ему о нас ничто там не напоминает, написала ему нежное ласковое письмо, как звала я его вернуться в семью, о, как звала его, умоляла, но нет, ни какие мольбы его не возвращают в круг своей семьи, больше не произнесу об этом ни слова, буду просить Всевышнего, все в его святой воли, о Боже праведный, зачем дано человеку страдать больше чем радоваться, и как страдать? Не одна болезнь телесная не бывает так трудна, как страданье, измученной, горем и скукой души.

8го Ноября 1898 года. Почти год, как я не беседовала со своей тетрадкой, какие же слова я запишу? Слова и чувства отрадные, лучше того, что я пережила за последние три месяца, я – бы [пожелала], я ожила, повеселела, все меня радует, я всем довольна. Три месяца, как муж приезжает через неделю, и целую неделю проводит со своей семьей, взгляд его спокоен, слова добрые, он всем доволен, отдых в кругу семьи его радует, видя все это, как же мне не радоваться, я радуюсь и благодарю Бога, он возвратил семьи отца и мужа, дети ждут его с радости, встречают, он входит в хату веселый, я счастлива, я стараюсь угодить ему во всем, когда он дома, как легко и весело.

Ни какие богатства не могут дать этой радости.

Всё, всё меня радуют муж дома, дети здоровы, сынишка ходит в школу, учится прилежно, у родных все благополучно, на душе легко, отрадно.

У Наших Господ тоже радости, они в половине Августа, переехали в свой собственный дом, был приехавши старший сын, и в тот же день Барышню поздравили Невестой, она выходит замуж за хорошего человека, которого ее родители хорошо знают, жених с невестой часто в детстве вместе играли, дай Бог чтобы они были счастливы, высшая награда в супружестве, мир да лад, пошли им Господи счастья да радости.

Была я у Господ, в их новом доме, как все там хорошо, да удобно, мне было очень весело на душе, когда я к ним ходила мне радостно было видеть их в собственном поместье. Да ... счастье да благодать над их жилищем.

И на мою долю выпало немножко поработать, своей барышни Невесте, я удостоилась сделать маленькое рукоделье им в приданое, мне это очень приятно.

12го декабря. Сегодня была у своих дорогих Господ, видела Их всех, осмелилась у Барышни Невесты спросить их фотографическую карточку, Они не отказали, подарили, обрадовали меня этим подарком.

9го января 1899го года. Вчера в третьем часу дня, в Петербурге на Каменноостровском проспекте в Богоделенской Церкви (4) состоялось Бракосочетание дорогой Барышни Евгеньи Константиновы с Михаилом Николаевичем. В восемь часов вечера Молодые супруги поехали по Николаевской железной дороге в Смоленскую губернию к родителям Молодого на полторы недели. Велика была моя радость за своего мужа дорогие Господа удостоили его служить на свадьбе, как дорого это было, он служил своим бывшим Господам, в такой торжественный для них день, никогда забудем мы этой радости. Молилась за Дорогих Новобрачных, да пошлет им Господь счастье на долгие годы.

15го Апреля 1900 года. Сегодня последний день Святой недели, радостное чувство не покидало меня всю эту Пасхальную неделю встретила сей Великоторжественный праздник в храме Божиим, начало Великой заутрени прослушала в Церкви Кирасирского полка в городе Гатчине, ходила со своим 10 летним сыном Эдуардом, но не в силах была выстоять всю великую службу, от сгущенного воздуха, сделалось очень нехорошо, был страшный шум и звон в голове, потемнело в глазах, и сделалось не приятное чувство по всему телу, боясь лишиться сознания я поторопилась выйти на свежий воздух, и мне стало лучше, хотя не привел Бог пробывать всю заутреню до конца но радость моя велика, побывать в Храме Божиим, и услышать великие Святые Слова «Христос Воскресе» видеть так близко крестный ход, и целый час слышать стройное пение певчих, все это так чудно хорошо, и торжественно, и это торжественное чувство не покидало меня всю неделю, сегодня мой сын ходил опять в эту Церковь, и принес часть «Священного Артоса» и с таким детским восторгом, он рассказывал, как хорошо в Церкви и собирается чаще ходить в Православную Цер-

ковь, и радуется меня его любовь к Святой Церкви, и буду надеется, что Бог поможет вырастить детей Богобоязненными. В пятый день Святой Пасхи привел Господь повидать своих Дорогих Господ, слышать от них много добрых ласковых слов, и какие от всех были веселые да ласковые, не нахожу слов благодарности за всю их доброту. Моя Добрая Барыня подарила мне крестик серебряный вызолоченный, когда я от них шла, бил дождь, и у меня были пакеты я наняла извозчика, и мне неудобно было зайти в лавку купить шнурочек для крестика, и мне это было очень жаль, я мысленно отложила эту маленькую покупку до следующего раза, когда опять случится быть в городе, каково-же было мое удивление и радость, когда я открыла коробочку в которой был крестик, у крестика была чистая серебряная цепочка, несколько минут мне было как-то не по себе, мне казалось что такая цепочка слишком хороша для меня, вечером перед сном помолившись я надела на себя крестик, со слезами искренно от всей души я помолилась за свою Добрую Барыню, просила Бога и Великую Заступницу Матерь Божию осенить своей великой Милостью эту Добрую Госпожу, со всем Её семейством, да пошлет Господь на Них свою Благодать свыше, и поможет Им во всем. И этот священный подарок будет напоминать мне каждый год в Пасху, об этих дорогих и радостных днях Святой Пасхи, проведенных в таких торжественных для меня чувствах. Милые Барышни обрадовали моих ребятшек подарками, каждому из них было по яйцу с сюрпризом, и так это их обрадовало, и все эти дни они занимаются со своими подарками, с каким восторгом каждый из них откроют яйцо, вынут игрушечку, поиграют и опять бережно уберут. Пока я жива (и если только не будет особенно важных причин, по которым нельзя будет бывать у заутрени в Святую ночь), я буду ходить в эту ночь к великой заутрени, если Богу будет угодно.

Письмо к Матери писаное 7го Января 1901 года!

Поздравляю вас всех с Новым Годом.

Милая и дорогая Мамаша!

Хочу передать тебе то, что случилось у нас в доме, на этих днях у Лесника, которого ты знаешь: Я тебе писала что ему Бог послал сына Николая, и я в Первый день Рождества пошла к ним поздравит с новорожденным, как водится с хлебом-солью, но оказалось что Бабушка ошиблась, вместо Николая оказалась Евгенья. После того дня мне не пришлось из них никого видеть, чрез Полю слышала что они собирались крестить после Нового года. И вот 4го Января в четверг утром, я только что встала, как Михаил Тимофеевич постучал в окно, когда он вошёл в кухню, то обратился ко мне с просьбой, со слезами просил быть восприемницей Евгеньи так как она была слаба, надо было торопиться, я конечно пошла посмотреть ребенка, и действительно ре-

бенок был близок к смерти. Лесник поспешил к Священнику, потом на Егерскую, за мной тоже остановки не было, я и Бабушка оделись и с ребенком на руках ждали лошадь, но ребенок начал дышать отрывисто, вздрагивать, проехать до Церкви надо было не больше пол-часа, надеялись, что успеем довести, и притом в Церкви все уже было готово, когда мы ехали военным полем, я два раза спрашивала Бабушку «дышит ли ребенок» она отвечала «да дышит», но вот подъезжаем к Церкви, в несколько шагах от Церкви видим и Кума, спешно идущего, он к нам подсел, видим и сани, в которых Священника привезли, когда я вышла из саней, взяла из рук Бабушки ребенка, подошла к Церковным дверям, отвернулось одеяльце, и что-же личико крошки неподвижно, дыханье нет, я конечно сказала Куму «кажется не дышит» поспешно вошла в Церковь, положила малютку на скамью, распеленала, ребенок совершенно тёплый, но увы дыханья нет, в это время Священник был в Алтаре и облагался, и вышел из Алтаря с молитвою на устах, и к купели свечи были поставлены, когда Священнику доложили, он благословил маленькую усопшую на моих руках, Михаил Тимофеевич горько заплакал, все было готово, но Господу Богу не угодно было продлить жизнь малютке на несколько лишних минут. Священник пожелал взглянуть на маленькую покойницу, я открыла её личико, он грустно покачал головой и еще раз благословил. Потом велел ехать в Гатчино в Госпиталь за свидетельством, мы поехали, там доктор осмотрел трупик и дал свидетельство и так мы вернулись домой. Когда Михаил Тимофеевич выправил нужные бумаги, должен был опять пойти к Священнику. Священник его обо всем подробно расспросил, по какому случаю он откладывал крестины, тот конечно должен был сознаться, что во всем он был кругом виноват, да и нужда бедняка заставляет отложить священный обряд, когда ребенок стал слаб, и не стал грудь брать, жена не однократно напоминала о крестинах, но он отвечал «Бог даст до Воскресенья доживёт, а к этому времени деньгами разбудусь» так и затянул до последней минуты, она прожила 10 дней даже молитва не была дана. Священник положил на него Церковное покаяние, каждый день по 10 поклонов и на неопределенный срок, со временем должен напомнить Священнику, тогда он еще ему что-то будет приказывать (5).

Священник велел привести покойницу в Церковь в Воскресенье к 8^{ми} часам утра, хотя она не была окрещена, но в Церковь была внесена, поэтому Священник пожелал в Церкви предать земли. И вот я свою нареченную крестницу убрала в розовый наряд, и что ты скажешь Милая Мама, у меня были на память спрятаны, первого Эди бронзовые крохотные туфельки. Ольга их видела, и они как раз пришли Жени. Михаил Тимофеевич сам сделал гробик, обил розовым, а середину белым, я конечно этот расход приняла на себя, сегодня утром мы поехали в Церковь, к назначенному времени, сторож поста-

вил табурет на левой стороне около большого образа Иверской Божией Матери, писанный на Афоне и сооруженный на деньги, собранные от служащих Егерской слободы. Табурет сторож покрыл покровом и поставили маленький гробик. Когда приехал Священник, он подошел поклонится Образу, то спросил Бабушку «есть ли на ребенке крестик» она ответила «нет», мне так было обидно, я еще в тот день, когда ехали крестить, предложила захватить крестик, Ольга знает у нас есть один лишний, который дети нашли, но мне сказали «не надо кум обещал купить, но так как крестить не пришлось, то она так и осталась без крестика, они и не подумали об этом. В Церкви была сестра Катерины Дмитриевны, я ей об этом сказала, она сбегала домой, от Церкви не далеко, принесла крестик на розовой ленте, я конечно открыла гробик и скорее одела. А тут еще случилась задержка, Лесник забыл дома свидетельство которое было из полиции, а без него Священник не мог предать земли, пока он поехал в Колпино, тут уже подходило время обедню служить, Церковь наполнилась народом, обедня началась, тут вскоре и свидетельство привезли, Священник вышел со святой водой, к этому времени сторож велел открыть гробик, Священник окропил народ, подошел к гробику, окропил, и положил на грудь к ручкам младенца чудный золоченый крестик с голубой эмалью, предал земли и велел гробик закрыть, и сказал обращая к Михаилу Тимофеевичу «выноси». Сам с крестом пошел впереди, и несколько пар маленьких певчих пошли и запели своими ангельскими голосами, двери посреди Храма широко распахнулись. Священник вышел на улицу, чуть ли не до самых наших убогих дровней, на которых мы привезли гробик, так как саней не могли сегодня достать, все это было настолько торжественно умирительно и чудно, от восхищенья сердце замирало, не нахожу слов выразить этого чувства, когда священник повернулся обратно, я со слезами прильнула к его руки в которой он держал крест, я всю дорогу плакала, вот добрый Пастырь, не привел Бог окрестить младенца, за то каким чудным благословением добрый Пастырь напутствовал младенца в иной мир. И сейчас я плачу и вспоминаю свои мысли, сколько раз мне приходилось ходить чрез военное поле, и Егерская Церковь хорошо видна, я часто думала выбрать время сходить в эту Церковь, но все не приходилось, потому что она дальше от нас чем Кирасирская, и вот Господь привел побывать в этом Храме, и при каких обстоятельствах. Истинно, никакое богатство не даст того чувства какой выносишь из Храма Божия от добраго Пастыря. Целую Тебя Милая Мама, будь здорова и спокойна душой. Я и дети здоровы, Андрей на службе. Мать Крестная мне писала, если ты желаешь повидать Графиню, то сходи к ней. Будешь у Ольги кланяться им всем и прочитай письмо. До свиданья Тебя любящая дочь Мария Скудре. 7 янв. 1901 года.

Дорогие мои деточки, мне пришла мысль записать для вас на память, как я с вами провела два дня в Петербурге, 19го и 20го Мая 1901 года.

18го Мая в пятницу вечером, мы приехали в Петербург из Гатчины к вашей Бабушке Софии Терентьевне Пуховой, она служит у господ Тимашевых, и живет у них на Сергиевской улице в доме №55^й. Переночевали мы у нее (6), и утром в субботу поехали чрез Неву на пароход к часовни Спасителя, там как раз служили молебен, приложившись к Евангелию, образу Христа Спасителя, и ко кресту, мы обошли и посмотрели, чрез стеклянные окна, рабочий кабинет Петра Великого и Его Ботик (Дедушка русского флота). Из часовни мы прошли чрез Иоанновские и Петровские ворота, в Петропавловскую крепость, в церковь усыпальницу русских Царей, после окончания обедни, обошли и осмотрели Царские гробницы. Из крепости поехали к вашему отцу крестному, Мартыну Петровичу Бальцер, в Галерную улицу, ко дворцу Вел. Кня. Павла Алексан[дровича]. Бальцер там служит при Электрической станции, нас приняли очень радушно, около четырех часов мы поехали к вашей Тети Оли, на Пантелеймоновскую улицу дому №13, вечером сходили в Церковь Святого Пантелеймона, в этой Церкви ваша Бабушка приняла православное вероисповедание, налево, в маленьком пределе, отстояли мы всенощную службу, богослужение совершалось торжественно, было миропомазание, так как был канун Святой Троицы, красиво выглядела Церковь украшенная молодыми березками, после всенощной, мы все собрались у Тети Оли, пришли к ней Мамаша и три брата, ваши дядюшки, Виктор, Евгений и Александр, после ужина, мы с бабушкой поехали к ней ночевать.

В Воскресенья день Святой Троицы, распрощавшись с Бабушкой, мы пошли на Гагаринскую улицу, в дом, где помещена рота дворцовых гренадеров, и навестили моих старых добрых знакомых, гренадера Ивана Самуиловича Мартынова и с его жену Клеопатру Михайловну, от них мы пошли к Аничкину мосту к моей Тети Мари, после доброй беседы и радостного свиданья, мы поехали на Митрофаниевское кладбище (7), навесить могилки, наших близких родных, хотя я вам показывала и называла кто где похоронен, но еще думаю написать, быть может вы забудете, где находятся эти могилы, а если прочтете мои слова, то припомните и скорее найдете, при входе в ворота лютеранского кладбища, идя по мосткам с правой стороны вы увидите богатый памятник, сидящего ангела с трубой в руках, близь этого памятника, от мостков спускается маленький мостик, и в нескольких шагах против него увидите 4 могилы обсаженные с четырех углов березами, тут похоронены, Дядя Готлиб, муж моей тети Мари, и их сын Альфредушка 9^{ти} лет, брат Пети, моя Бабушка Елизавета Ерен, и тетя Катя, мать вашей Тети Сони. Вернувшись обратно к мостику вы, идите по той же стороне, по мосткам до конца, и свернув вправо идите пока

эти мостки не кончатся, и тут при окончании мостков, близь часовенки из проволочной сетки могила вашей Тети, моей родной сестры Алисы Аббэй, и в нескольких шагах от нее налево общая могила, на ней три креста, средний по выше, а два по меньше по бокам выкрашены под березу с зелеными пятнами, в этой могиле похоронен мой Дедушка Эрен, с правой стороны от него дети Тети Мари, Берта, Маня и Шура мальчик, а с левой дети Тети Кати, мальчик Шура 2 месяцев, и Маня 7 лет. Могилу ваших братьев мне трудно вам описать, если вернутся обратно к большим мосткам, то надо прямо идти от них по тропинки, держаться правой стороны, и около двух больших деревьев, растущих один близь другого, стоит деревянный ящик детской могилы, разделенный на двое, и на ней, в небольшие серые камни, вделаны маленькие белые мраморные крестики, с право Эдуарда Скудре, а слева, чуть по ниже Юлия Скудре, эта могила ваших родных маленьких братьев, и прошу вас милые дети не забывать навещать могилки ваших родных, и если будет возможно, когда потребуется, ставьте новые кресты, не запускаяйте и не теряйте, эти дорогие могилки.

Мне приятно вспомнить, что я собралась с вами и показала вам их. Вы помните, когда мы уходили из кладбища, как много шло народу по направлению к кладбищу, с венками и узелками в руках, любившие своих родных живыми, любят и их могилки, которые напоминают о усопших, и с о том, что никто не избежит смерти, помните деточки мои слова, и по возможности исполняйте.

С кладбища мы прошли на Бал[тийский] вокзал, с трудом попали на поезд, по случаю многочисленной публики, отправлявшейся в Сергиево на праздник. Приехав на станцию Гатчино, мы прошли в тихую деревню Малое Колпино.

15го Июля 1901 года! Мне пришла мысль сегодня, записать на память, почему я 15 лет проживши замужем, только три недели тому назад начала покрывать свою голову, хотя и раньше знала, что замужней женщине не подобает быть с открытой головой. С первых лет своего замужества, я покрывала свою голову наколочкой, только в те дни, когда принимала Святое причастье, и когда принимала у себя гостей, в дни крещения своих детей. Я слышала, что в Евангелии есть сказано «что не подобает женщине молиться с открытой головой» но мне никогда не приходилось прочесть эту главу.

15 Апреля 1900го года, как я уже этом дне писала, что получила в подарок от своей бывшей Госпожи на память, серебряный вызолоченный крестик с серебряной цепочкой, помолившись Богу я его одела, и осенившись крестным знаменем взяла в руки Евангелие, закрыв глаза, наугад открыла его, и мысленно решила, по возможности исполнять те слова, которые будут во главе, наугад открытого Евангелие, и как раз прочла 11 главу, из первого послания апостола Павла к коринфянам, в которой говорится о женщине «и всякая жена, молящаяся

или пророчествующая с открытой головою, постыжает свою голову, ибо это тоже, как если бы она была обрита» прочтя всю главу я мысленно решила покрывать свою голову, что и начала исполнять, но вскоре приехали ко мне гости, и пошутили надо мной и моей косыночке, и очень удивились что я покрываю голову, вскоре после этого я опять не покрывала своей головы больше года, и вот нынче, 17го Июня, моя сестра Ольга пошла в Гатчино к Земскому Врачу за лекарством и советом, который лечил её больного сынишку, я осталась с её больным малюткой, и когда он успокоился взяла в руки Евангелие и опять вздумала открыть его наугад, и что же, опять открыла эту 11 главу к корифянам, прочла и задумалась, мысленно упрекала себя, что не сдержала своего обещания, когда пришла сестра мы с ней об этом поговорили, она мне сказала «вот надо мной тоже многие смеются, что я ношу повойник, я на их шутки не обращаю внимание, в платочках да косыночках в комнате не удобное, наколочки плохо держатся на моих волосах, а повойник для меня удобнее, и мне нравится, я постоянно буду его носить» спустя два дня после этого разговора, я увидела сон «точно я была в церкви, народу было не много, начался молебен перед иконою Богоматери, народ стал походить ближе к образу, и я хотела подойти, но вдруг спохватилась что у меня не покрыта голова, и увидела свою белую косыночку на скамьи, около которой стоят священник на коленях и читал Евангелие, не желая потревожить священника, я тихо переступая, как можно осторожнее хотела взять свою косыночку, но священник неожиданно для меня оглянулся, и вопросительно уставил на меня строгий взгляд, я зная что в такие минуты разговаривать нельзя, указала ему рукой на лежащую на скамье косыночку и на свою голову, желая объяснить ему, что мне нужно, и после этого проснулась» утром я рассказала свой сон сестре, и в тот же день достала свои наколочки, которые больше 15 лет, очень мало были в употреблении, одной из них покрывала свою голову, и думаю твердо исполнять свое обещание, не быть с открытой головою, Святое Евангелие и этот сон, надолго оставят неизгладимое впечатление, в моей памяти.

6го Марта 1902 года. Сегодня, у нас лютеран празднуется [«Буссулед Беттаг»] т.е. день мольбы о покаяния. Этот день установлен, апостольской лютеранской церковью, праздновать во второй недели великого поста в среду, во всех лютеранских церквях совершается богослужение.

Так как, мой муж должен был сегодня рано утром уехать в Петербург на службу, то я вчера вечером, прочла своей семье вслух из Библии те главы, которые обозначены на этот день, в моей старинной немецкой Библии, 4 книга Моисея, глав. 21, стих с 4- по 9. Книга Судей Израелевых глава 10, ст. 10-16. Пер. книг. Царств глав. 7. Книга Ездры глав. 9. Псалмы. 6.32.38. 57.102.130.143. Но номера псалмов по рус-

ской Библии, должно читать на номер обратно, т.е. 5.31.37.50.101.129.142. Книга Исаии, глав. 1 ст. 58. Книга Иеремии, глав. 2. стих 1-19. Книга Иеремии, глав. 3. Ст. 12-25. Плач Иеремии, глав 3, ст. 22-23. Книга Иезекиля, глав 18. Ст. 21-32. Книга Даниила, глава 9. Ст. 1-23. Книга Иоиля, глав. 2 сти. 12-13. Книга Ионы, глав. 3. Еванг. От Луки, глав. 15. Еванг. От Иоанна глава 1. сти. 8-10. Откровения Иоанна, глав 3, ст. 14-22.

Во всех этих главах, стихах и псалмах, проповедуется о покаянии, О, как должны мы, из глубины своей многогрешной души, взывать к Господу Богу, о прощении наших великих грехов...

Господи, Боже праведный, буди Милостивый к нам грешным.

С 6го Декабря 1901 года, по 3го Марта 1902 года, по воскресным и праздничным дням, и по свободным, от обыденных хлопот по хозяйству, вечерам, я прочла весь старый Завет в Библии, что доступное для детского понятия из священных слов, я иногда читала в слух для своей семьи. А незадолго до получения, этой русской новой библии, присланной в подарок моим детям, от их отца крестного, Мартына Петровича Бальцер, я также от слова до слова прочла новый завет и псалмы из святого Евангелия.

Хотя я с малых лет учила из священной истории, закон Божии, но в детских летах, я старалась исполнить «только заданный урок», но сердечно не вникала в сии священные слова.

Затем, выйдя из детского возраста, я много раз читала священное писание из моей старой немецкой библии, но так как немецкий язык я не изучила в совершенстве, то для меня не было ясно понятным, священное писание на немецком языке.

Около 12 лет тому назад, когда я гостила у своей Матери, служившей экономкой у барышень Шереметьевых, в их имении Сырец, находящемся в 15 верстах от города Луги (8). Я очень обрадовалась, когда увидела у матери русскую Библию, принадлежавшую моей сестре Ольге, я хотя усердно ее читала, но время у меня свободного было очень мало, так как, в то время мой сын Эдуард, будучи полугодовым ребенком, нуждался в моем внимательном уходе за ним.

Но теперь я прочла всю Библию внимательно, на хорошо понятном мне, русском наречии...

...Три дня тому назад, т.е. в воскресенье третьего марта, под вечер, я пошла навестить больного бедняка Михайлу. О его болезни, и о его бедственном положении, я слышала от одной женщины, которая приносила мне ежедневно воду из единственного глубокого деревенского колодца, как в нашем, так и в других, не особенно глубоких колодцев, по случаю прошедшей, слишком сухой осени, воды высохла.

Войдя в небольшую избу, перегороженную надвое дощатой перегородкой я вошла в первую половину. Налево от входной двери, близь бокового окна, на ложе сидел больной Михайла. Убогое ложе, на ко-

тором сидел больной, постелью нельзя назвать, так как оно было довольно коротко. В головах этого ложа, лежали две подушки, прислоненные к большому четырех угольному столу, на который ... хозяйка поставила сковороду с каким-то кушаньем, и уселась со своими двумя малолетними детьми и подростком, казенным питомцем (9), за трапезу. В ногах этого ложе, стояла плотно к стене, под окном скамейка, а около скамьи стояла чугунка. Действительно, как я и раньше об этом слышала, больному приходилось лежать скорчившись, но иногда он протягивал ноги на скамейку близь чугунки. И за такое убогое ложе, приходилось быть благодарным, так как домохозяева держали семью больного бедняка из милости. Подойдя к нему, я спросила о его здоровье, здороваясь со мною, он протянул мне свою исхудалую руку, и тихо, ели внятно проговорил, что ему было немного лучше, после принятия Святых Таинств, принятых им на масляной неделе, но теперь ему опять хуже. Видно было что ему дышать и говорить чрезвычайно трудно, при его дыхании, корпус его покачивался. Я заметила его жене Екатерине, стоявшей рядом со мной, что лучше ему лежать. Но она объяснила мне, что лежать ему труднее, он жалуется на боль в спине. Затем она сказала, дотрагиваясь до его спины «Проведите рукой по его спине, у него кости да кожа, ... ему лежать больно» Не желая ее обидеть отказом, не исполнить ее слов, я слегка провела рукой, по ... изношенной заплатанной рубахи больного, чрез которую ощущались его кости, тело у него иссохло, только кожа прикрывала его кости.

Затем она объяснила мне, что он кушает очень мало, и то сопровождается кашлем, чрез это пищу вырывает обратно. Желудок его не работает по две недели, в таких случаях и проносные средства не помогают. К доктору возили его, всего два раза, на дом приглашать доктора средства не позволяют. Действительно не имея ни какого заработка, бедная женщина не имела у себя копейки, чтобы исполнить хотя малейшее желание на счет пищи, ее больного мужа и четырехлетнего сына Саши. Я слышала, что некоторые, сердобольные крестьяне, носили кто что мог, для пропитания этой бедной семьи. Я заметила: что около подушек больного, лежало Евангелие, и пол апельсина, вероятно, добрая душа, принесла апельсин больному для утоления жажды.

Михайла болен чахоткой, и вероятно не поправится. Мне и сейчас видится в воображении, его впалые, горящие лихорадочным блеском глаза, и покачивающийся от тяжелого дыхания корпус.

Жаль мне его, но помочь нечем, два раза я посылала по серебряной монетки, и сама снесла только баночку варенья и серебряную монету. Нету у меня своей собственной копейки, я распоряжаюсь мужниным небольшим жалованьем, и расходую его на семью с большой осмотрительностью, чтобы хватало, опять до получки жалованья.

За эти десять лет, как я ... пять лет по местам приезжала, а теперь пять как совсем живу в этой деревни, я хорошо знаю семью, больного Михайлы. Одно время они жили в маленьком помещении этого дома, где я в настоящее время живу. И как я помню, они жили постоянно в страшной нужде. Раньше дети были маленькие, надо было их воспитывать, а затем лечить и хоронить, умерло их пять человек. А теперь остался один сынишка, но болезнь кормильца, приковала к убогому ложу, приходится питаться подаянием. Ох, тяжела, горька, участь бедняка, как тина затягивает его безвыходная нужда, и увлекает на дно тяжких скорбей.

Простившись с больным и его семьей, я с грустью вернулась домой, и рассказала своей семье, о своем тяжелом впечатлении, чрез виденную мной вопиющую бедность, семьи больного Михайлы.

Пошли Господи, моим детям доброе сердце, чтобы они впоследствии, имея возможность, протягивали беднякам, руку помощи.

Пятница, 8 марта 3 часа дня, сейчас приходила ко мне Катерина, и сообщила о смерти своего мужа Михайлы, последовавшей за полчаса, до ее прихода ко мне, т.е. $\frac{1}{2}$ 3го дня.

Зная через свою куму, которая приходила покойному Михайлы сестрой по воспитанью, о их крайне бедственном положении, о том, что жена покойного, заботилась и горевала о предстоящих похоронах, не имея у себя ни копейки денег. Я послала сказать ей, чтобы она не заботилась о погребальном облачении своего мужа, но как только он скончается, пришла бы ко мне. Она послушалась моих слов, и пришла сообщать мне о его смерти. Я дала ей, совсем новую, хорошую смену белья моего мужа, которых у него было две, он одевал их только к причастью, и одну из этих смен я уделила, усопшему страдальцу Михайлы. За всю его жизнь, он бедняк, не имел на своем теле такого белоснежного, полотняного белья, в каком будет покоится его изстрадавший труп.

Затем я дала бедной женщине деньгами, чтобы она могла хотя бы самые первые необходимы расходы, покрыть ими. Благодаря меня, она со слезами, горячо и крепко целовала меня.

Господи Боже праведный, да исполнятся Твои Святые слова над бедняками...

Воскресенье 10го марта. Вчера, в четвертом часу дня, я сидела на краю постели около моей, заболевшей, восьми летней дочурки Мани, и читала ей вслух, книгу принесенную старшим сыном Эдей из школы, о Гарибалдийцах (10). По временам, я переменяла холодный компресс, на головке больной, так как у нее вторые сутки, как был жар и сильная головная боль.

В это время пришла ко мне моя кума, передала мне просьбу вдовы, чтобы я пошла помочь сшить саван для покойного Михайлы, и могла бы положить его в гроб. Хотя мне очень не хотелось оставить

больную Маню на попечении старших детей, но в то же время, мне очень не хотелось огорчить, горем убитую, бедную вдову Катерину, отказать ей в ее просьбе. После минутного колебания, я решила пойти к вдове, показав детям на приготовленное для больной питье, которое они могли давать ей во время моего отсутствия, я еще раз переменила компресс на ее голове, и внушительно напомнила 10^{ти} летней Лиди, что, если компресс согреется, снять его совсем, до моего возвращения. Затем перекрестив больную, я вместе с кумой пошла к вдове.

Войдя в сени избы, нашим глазам представился, большой деревянный крест, выкрашенный темно красной краской, и прислоненный к стене. Из слов кумы я узнала, что этот крест, сделал от себя крестьянин Туров, приходившийся покойному Михайлы кумом.

Войдя в избу, нашим глазам представилась грустная картина: вдоль левой стены, в переднем углу, под образом, перед которым теплилась лампада, лежал усопший, покрытый белой простыней. На сложенных руках его лежал финский молитвенник, так как вдова была финка, а на ногах его лежал сверток, только что принесенный вдовой из Гатчины, в котором были кисея да саван и ... для постилки в гроб и для покрышки усопшего, рядом с усопшим стоял на лавках, белый дощатый гроб, сделанный домовым хозяином, из купленных вдовой, на пожертвованные деньги, досок. В близи гроба, у самой ... перегородки, стоял стол, за которым сидели, домохозяйка со своими тремя мальчуганами, и вдова со своим сыном. Они кончали чай пить. При виде нас они проворно убрали всю посуду со стола, и вытерли стол на сухо. Затем я взяла с ног умершего сверток, развернула его. Посоветовавшись с вдовой и кумой, я отмерила коленкору на покрышку, и дала его куме чтобы вырезала вокруг ..., а сама начала сшивать полотнища ... для савана. В это время вдова принесла веники, и начала обрывать с них сухие листья, которым постелила вниз гроба поверх стружек, затем она сшила ... подушечку, в которую тоже набила сухих листья, уложив в гроб подушечку, она сверху прикрыла весь низ гроба новым коленкором. К этому времени и саван был готов. Вдова принесла голубую шелковую ленту для пояса, положила её поперек гроба, я разложила поверх нее саван, оставалось только положить прах усопшего в гроб. Но это оказалось главным делом, так как моя кума и домохозяйка, страшно боялись покойников, и на за что не соглашались помочь мне с вдовой, положить усопшего в гроб. Делать нечего, вдове пришлось пойти в соседнюю избу, к свекрови своей домохозяйки, и попросить ее на помощь, та, спасибо, не отказалась. Лишь только мы подошли к усопшему, как моя кума и домохозяйка, быстро вышли за перегородку, боясь увидеть, для них страшное.

Свекровь домохозяйки, остановилась в головах, а я в ногах покойника, вдова посредине. Сняв с него простыню, мы дружно подняли

его с лавки и тихо положили в гроб, оправив на нем саван и сложив его руки, я завязала на нем пояс. Когда это, самое страшное миновало, наши трусихи вышли из-за перегородки, я взяла из рук кумы покрывку, и накрыла ею усопшего. Затем я напомнила вдове, чтобы она дала образок, который я затем положила на руки покойного. Кума взяла ладан и покурила им над гробом. Затем собравшиеся женщины, пропели из финского молитвенника установленные в таких случаях молитвы. Вдова, посоветовавшись с женщинами, решила вынести до понедельника, гроб с останками покойного мужа, в амбар. Пришедшие для этого два парня, с помощью двух женщин, на полотенцах вынесли гроб.

Оставить покойника еще на две ночи в избе было невозможно, так как уже чувствовался трупный запах, а в избе необходимо было топить печь ...

Да, действительно, жутко чувствуешь себя в подобных случаях, но это неизбежное, пугает нашу грешную душу. Хотя мы знаем, что боимся того, что неизбежно будет и с нами, но грех нашей души, старается, отвернут наш взор, от это страшной для нас картины...

С тяжелым впечатлением я вернулась домой, найдя у своих ребятшек все в порядке, я с грустью принялась за обыденную возню по хозяйству. С вечера Маня спокойно уснула, под утро проснувшись, она сообщила мне, что боль в голове прошла и ей легче, это меня обрадовало, я всю эту ночь не спала, непонятное жуткое чувство не оставляет меня, и грустная картина была перед моим воображением. Под утром я заснула, а с наступлением начинающегося дня, грустное впечатлением исчезло, и уступило место обыденным заботам о житейском.

Понедельник 11 марта. Полтора часа тому назад, как я вернулась с кладбища, после похорон бедняка Михайлы. В одиннадцатом часу, я с сыновьями пошла на отпевание. Гроб с прахом покойного был уже внесен в избу из амбара. В головах, на гробе стояли три зажженные свечи, с лица покойного до рук, было откинута покрывало, из-под савана на голове виднелся венчик, на руках лежал листок и образок. Собравшихся, почтить память усопшего, была полна небольшая изба, некоторые за неимением в избе свободного места, стояли в сенях. Вскоре приехал из Гатчины, соборный священник и псаломщик, затем начался обряд отпевания, присутствовавшим роздано было несколько, зажженных восковых свечей. После отпевания, священник велел положить в руку усопшего, сложенный листок, и желающим, простится с усопшим. Я подошла в последний раз к усопшему, поцеловав образок простилась с ним. После предания земли, я подправила внутрь гроба, связавшиеся в ногах края покрывала. Затем гробовая крышка, навеки скрыла от нас, неподвижные черты усопшего. Приколотив крышку к гробу, шестеро мужчин, на полотенце, дружно подняли гроб

с останками усопшего и вынесли его вслед за священником. Священник с псаломщиком проводили гроб до могилы, на находящееся в нашей деревне кладбище. После краткой литии (11), гроб был опущен в приготовленную могилу. Священник и Псаломщик удалились, на дороге, близь кладбища их ожидала лошадь, чтобы отвезти их обратно в Гатчино.

Вдова последовала за ними, желая отблагодарить священника, но добрый священник, отказался от ее платы за его труды, напоминая ей, что эта монета пригодится ей на ее скромные необходимые нужды. Со слезами благодарности, проводив доброго священника, вдова вернулась к могиле, которую начали зарывать. 4^х летний мальчик, сын покойного, увидев, что гроб с его отцом опустили в глубокую могилу и стали зарывать землей, начал жалобно плакать. Я подвела его к могиле и велела ему и моему маленькому сыну бросить по три горсточку земли, на видневшийся еще из под земли гроб. Затем подошла вдова, и успокоила своего осиротелого сынишку, когда крест был поставлен на свежую могилу, она ушла домой, чтобы приготовить, хотя-бы чай, для угощения мужчин, которые несли гроб и зарывали могилу. Присутствовавшие, помянув кутьей покойного разошлись, я еще немного постояла у могилы, затем, помолившись над свежим могильным холмом, вернулась домой. Итак, бедняк Михайла, отдыхает вечным сном, около могилки своих пятерых детей.

Бедная вдова, имея только четыре копейки денег при умершем муже, с помощью добрых людей и великодушным священникам, как следует, по-христиански, похоронила своего кормильца.

Мир праху твоему, успокоившийся от страданья, бедняк.

17 марта. Сегодня девятый день смерти Михайлы. Узнав из книги «Во дни великого поста» т.е. из религиозно-назидательного журнала «Отдых Христианина», что в великом посту поминовение по усопшим переносится на субботы, я решила вчерашний день т.е. в субботу, пойти со своими детьми в Гатчинский Павловский Собор, заказать панихиду по усопшему Михайлы. Подходя к Собору, нам на встречу стали выходить из храма причастники, так как окончилась ранняя обедня. В храме уже началась одна заказная панихида по усопшим, Анне и Екатерине, а затем была отслужена, и по моей просьбе, по усопшему Михаилу. Я с детьми стоя на коленях с зажженными свечами в руках, молилась господу Богу, прося Милосердного, отпустить усопшему рабу Михаилу, его согрешения вольные и невольные, и даровать ему Царствие Небесное. Да не отринет Господь наши смиренные мольбы.

По окончании панихиды, поблагодарив батюшку за труды я поставила свечку за упокой, а вторую перед иконою Николая чудотворца, затем помолившись против райских дверей, с облегченным сердцем, об исполнении моего желания, мы тихо вышли из опустелого храма.

Придя домой, я пригласила к себе куму, с которой нам пришлось немножко помочь в похоронах усопшего, мы принялись за скромную трапезу, помянув покойного. Для этого у меня был приготовлен клюквенный кисель.

После трапезы, мы мирно беседовали о религиозном, и вспоминали о усопшем. Между прочим, мы вспоминала о нашей, не напрасной, заботе о кресте. Дело было так: После того вечера, как я помогала положить в гроб покойного Михайлу, мне не спалось, и мне пришла мысль, есть ли на покойном крест. На следующий день, т.е. накануне похорон, я передала эту мысль куме. Она ответила, что и она со своим мужем об этом подумала, но вдову еще не спрашивала. Затем, когда она спросила вдову на счет креста: то действительно, оказалось, что на покойном крест не был одет. По словам вдовы мы узнали следующее: За две недели до своей смерти, когда Михайла был последний раз в бане, он попросил жену снять с него крест, якобы он причинял ему по временам боль, так как тело больного было страшно исхудавшим. Жена, исполнив просьбу больного мужа, одела его крест на себя. Итак, больной без креста скончался, был положен в гроб, и пробыл две ночи в мрачном амбаре. Даже на крышке гроба не был вырезан крест, так как крестьянин, который делал гроб, понадеялся, что вдова купит на крест позумент. Только образ, который я напонила положить на руки покойного, доказывал, что в гробу лежит труп православного. Но после наших, не напрасных забот о кресте, эти оплошности были исправлены, на шею усопшего был надет его крест, и на крышке гроба был вырезан крест. Сие крестное знамение, защитит нас и усопших, от вражеских козней.

Вдова не понимает православных обрядов, вернее сказать: не признает их (12). Хотя я сама лютеранка, но я выросла между русских, и я с глубоким уважением отношусь к их обрядам, поэтому не удивляйтесь, что я приняла участие в похоронах, и позаботилась о панихиде. Зная, что вдова этого не исполнит, а православные бедные крестьяне опустят из виду, то мне и хотелось помолиться в храме по усопшему. Затем, услышав, что вдове не на что покупать лампадное масло, я послала ей вчера денег для этого, и просила, чтобы она сообщила, когда оно кончится, чтобы я могла ей опять послать для этого денег, так как мне желательно, чтобы в том углу, где страдал больной Михайла, приобщался Святых Таинств, скончался и где было произнесено надгробное слово, сорок недель, чтобы теплилось перед образом лампадка. Моей душе будет отрадно при мысли, что в том месте, перенесенных скорбей, бодрствует светильник.

О, Господи, буди милостив к нам грешным, просвети Господи нас, ходящих во мраке, научи нас Господи, понимать уставы, по коим мы должны [надеяться] о спасении своих грешных душ.

Сейчас мне принесла моя кума, часть просфиры, она ходила в Гатчино в монастырскую церковь, приобщать свою двух месячную заболевшую дочь Лизу, эта маленькая Лиза моя крестница. Кума подавала поминание за упокой своих близких родных, в этом поминании, я сегодня утром подписала имя, усопшего бедняка Михаила, и сегодня он был помянут, пред престолом Всевышнего.

С Божьей помощью, встав завтра от сна, после утренней молитвы, я вкушу, и разделю своим детям, по частички, этой части просфоры.

20 марта. Сегодня я окончила читать книгу под заглавием «Потерянный рай и возвращенный рай. Поэмы Иоанна Мильтона» (13) и мне вздумалось занести в своей дневник, свои душевные впечатления, по поводу мною прочтенного.

В газетных объявлениях, я неоднократно читала заглавие этой книги, хотя меня интересовало знать ее содержание, но не имея лишних средств на покупку этой книги, я должна была мириться со своим неудовлетворенным любопытством. Однажды я зашла к своей соседке, жене лесника, и увидела у нее на столе журнал, в котором было стихотворение этих поэм, узнав от жены лесника, что этот журнал, ее жильцом телеграфистом Котельниковым, был принесен для чтения, от его брата, учителя русской семинарии из Гатчины, и я, постеснялась попросить на время себе для прочтения.

Затем, после Троицы, ко мне на летние месяцы приехала сестра Ольга, со своими маленькими сынишками, Борей двух лет, и Мишей 9 месяцев.

Разбираясь в свои вещах, она достала привезенную с собою для чтения книгу и подавая ее мне сказала: «Почитай, если хочешь, Мамаша купила ее за 2 р. да кажется в ней ничего интересного нету». Я взяла в руки книгу и прочтя заглавие, радостно воскликнула «Да это Потерянный Рай, а мне давно хотелось знать содержание этой книги» Но начав ее читать, я разочаровалась в своем воображении, думая, что в ней что-нибудь новое, мне незнакомое. Но на самом деле, первые три песни, содержат в себе описание мрачного ада, со злыми духами, и главным виновником человеческого грехопадения, Сатаны, изобретавшего лукавые козни, к соблазну нашей праматери Евы. Прочтя эти три песни, и не найдя в них ничего для себя интересного, я оставила чтения этой, так давно мне желанной книги. Но это было лучше, по моему мнению, тот, кто не прочел от слова до слова Ветхого и Нового Завета, тот не так хорошо поймет поэмы Мильтона о Потерянном и Возвращенном Раю.

Когда сестра уезжала, я все-таки не возвратила ей эту книгу, желая на досуге, прочесть ее до конца. Затем я читала разные, религиозно-нравственного содержания книги, «Моя жизнь во Христе» и «Солнце Правды» из Дневника Батюшки отца Иоанна Кронштадтского, а затем Новый и Старый Завет. Но вот наконец, на этих днях я прочла

и поэмы Мильтона. В четвертой песни, описываются красоты Рая. О, какими восхитительными чувствительными словами, престарелый слепец Мильтон, представляет Райскую прелесть, затем, хотя сам Мильтон, был несчастлив в первом браке, но какими, возвышенными, душевными чувствами, он описывает невинный брак супружества, его выразительные, чувствительные слова, близко знакомы моей душе, супружеское счастье я чувствую именно таким, каким он его высказывает, но житейские грубые потребности, превышают, эти возвышенные душевные восторги...

Да будет безмерна память о Мильтоне, и о его прекрасном сочинении.

24 марта. Вчера вечером пришла ко мне кума, и сообщила приятную весть о том, что ее муж благополучно съездил со вдовой покойного бедняка Михайлы, в Ямбург (14) и выхлопотала паспорт (15) для вдовы, о котором она так беспокоилась, и о котором многие деревенские соседюшки, судили и рядили на разные лады, но на деле не помогли.

Дело было следующее: пять лет тому назад покойный Михайла, был нанят в одну из деревень пилить в лесу дрова. Тамошнего округа урядник взял от него паспорт для проверки, и затем паспорт не был возвращен Михайлы обратно. Бедный Михайло, не имея средств самому поехать в Ямбург, где он был приписан мещанином, написал в управу прошение, но паспорта ему все-таки не выслали, так он и жил в деревне Малое Колпино, в которой воспитывался, так как он было питомец воспитательного дома, в другую деревню на заработки пойти он не смел без паспорта, на место поступить тоже нельзя было, так он с горем пополам перебивался кое-как, переходя из одного дома в другой, так как без паспортного, домохозяева боялись долго держать, затем наступила, продолжительная, мучительная болезнь, чахотка легких, и наконец смерть прекратила страдания неимущего бедняка.

Итак, на долю бедной вдовы, после похорон выпали хлопоты насчет паспорта. Не имея денег и не умея хорошо говорить по-русски, она не знала как поступить ей в этом деле. Посоветоваться об этом деле она пришла к моему куму, Александру Александрову, тоже Ямбургскому мещанину, и тоже горемыки бедняку, имеющему четверых малолетних детей, и получающему за должность, ночного сторожа, пятнадцать рублей жалованье, из которых около рубля высчитывается в кассу пособий (16), а из остальных надо уплатить 3 руб, за убогое помещение, и затем на 11 руб. им всем шестерым надо быть сытыми и, хотя кое-как, но одетыми.

Истинно, богатый бедному не верит, сытый голодному и здоровый больному тоже не верят. Но бедняк бедняку сочувствует, и по возможности поможет. Так было и в этом случае; когда бедная вдова получила из Гатчинского Павловского Собора, похоронный листок, с

удостоверением, причащения, смерти и погребения ее мужа, то, сторож Александров решился поехать со вдовой в Ямбург, и для этого обратился с просьбою к своему начальнику, о выдаче ему с женою проездного билета до Ямбура. На вопрос начальника «по какому делу едешь» он отвечал «по семейному делу». Эта маленькая несправедливость, поступила во благо бедной вдовы, чрез несколько дней, казенные проездные билеты были получены, и он с вдовой с ночным поездом поехали в Ямбург, туда они прибыли в пять часов утра, и до девяти часов, пока не было открыто присутствие в управе, ходили по Ямбургу, и нашли что Ямбург очень неприветливое местечко.

Затем, в управе они подверглись строгому выговору, бедной вдове угрожали крестом, но сторож Александров в защиту вдовы, передал подробности о пропаже паспорта, и о бедственном положении при жизни Михайлы, затем о его болезни, смерти, похоронах, и о крайне бедственном положении вдовы. После своего подробного объяснения, он показал находившиеся при вдове контрмарки, по которым видно было, когда был последний раз выслан паспорт. Затем началось пересматривание книг, в трех из них не было найдено, о браке покойного Михайлы Николаева с Екатериною Андреевой, но затем в конце четвертой книги, эта запись была найдена, и по ней был выдан вдовый паспорт бедной вдовы бесплатно. Хотя числились недоимки за покойным Михайлой, но вдова была уволена от этих недоимок. Получив паспорт, вдова уделила из своих скудных достатков 20 к. и с радостью и облегченным сердцем, поехала с Александровым обратно домой.

Да, действительно, бедняки, не имея денег что бы задарить в подобных случаях уповают только на Милость Всевышнего, и Господь Бог не оставляет уповающих на Него...

Считаю не лишним сказать несколько слов о бедняке Александре, хотя он переносит большую бедность, но и за это славит Бога, он с удовольствием читает книги, духовные, и религиозно-нравственного содержания, иногда вслух читает своей семье, это мне нравится, и я иногда посылаю ему для почтения книги «Отдых Христианина» в настоящее время он читает «Солнце Правды» и очень доволен ее содержанием.

Да не погаснет в бедняках искра Божия, да может им Господь терпеливо переносить житейские невзгоды, и выйти из них с чистою душою.

25 марта. Сегодня Господь сподобил мне побывать со своими детьми, в храме керасирского полка, что близь Гатчинского Дворца. С умилением я внимала торжественному богослужению, о как чувствительно поет хор полковых певчих, детские нежные голоса, уносятся под своды храма, с сердечным умилением взирала я на вынос таинств Христовых...

О, с каким напряженным вниманием и осторожностью, приобщал священник множество младенцев и несколько человек взрослых. Прислонившись к иконе Благовещенья Пресвятыя Богородицы, и к наместольному кресту, получив окропление святой водой, мы отправились домой. Любовалась я на чистое голубое небо, с беловатыми облаками, и на яркое солнышко, от ярких лучей которого, сверкал чистенький снежок, выпавший за ночь. И природа была ясна, точно радуясь, торжественному дню. Похвалила я своих деточек, что они тихо и спокойно стояли в церкви, по временами становясь на колени и творя крестное знамение.

До поможет Господь им, во всей их земной жизни, остатся с таким чистым сердцем, как они в настоящее время, любят своим чистым детским сердечком, Спасителя Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу.

30го Марта. Пять дней тому назад, я получила ласковое письмо от своей бывшей Госпожи, она, между прочим, высказывает мне, относительно моих детей, внушительные и добрые слова, которые я считаю не лишним занести в своей дневник.

«Помоги вам Господь поднять детей, но для этого нужно беречь себя, вы такая верующая, и в них положите все хорошие начала, о как это важно в жизни когда дети видят в родителях хорошие примеры, и они будут стараться быть такими же хорошими как и вы сами, надо непременно стараться вселить в них веру в Бога, и тогда только человек может найти утешение в трудные минуты в жизни, вот вы теперь сами видите, как он Всемогущий вас охраняет, вы не прибегали ни к какой помощи врача, а Он вас и деток ваших спас и поднял, вера в Бога нас всегда поддерживают и спасает. Мне много в жизни приходится видеть и испытывать, я скорблю и страдаю, одно мое утешение в молитве ... Господь видит правду, о как хотелось быть, чтобы все люди жили в мире и любили друг друга, я за всякого скорблю, и всем желаю от чистаго сердца все хорошее, и чтобы Господь вразумил заблуждающихся, и надеюсь что он Всевышний всем молящим чистым сердцем посылает облегчением и услышат наши молитвы»

Несколько раз прочла я с умилением, эти дорогие и понятные моей душе слова, сказанные от чистого сердца, моей бывшей, доброй, незабвенной Госпожою. Затем я решила сходить в Гатчинский собор, и после богослужения зайти к своей Госпоже, повидать ее, и передать ей несколько слов бывших у меня на душе, и спросить ее милостивого доброго совета по одному делу.

Вчера я исполнила свое желание, слушала умиленное богослужение, с благоговением я взирала на престол, на который падал золотистый свет, чрез желтые стекла, с благоговением я слушала умиленное пение, трех отроков, стоявших при открытых царских вратах, по окончании Богослужения, с облегченным сердцем, я направилась с своей бывшей Госпожи.

При к ней и увидев ее добрый и ласковый взгляд, я сердечно с ней поздоровалась, поклонилась ее супругу Генералу, который выходил из ее будуара. По душе поговорили мы с ней, передавая свои душевные мысли. И как легко и отрадно было мне, при виде ее близких в полном здоровье. Ея мать, средняя дочь, моя любимая барышня, старший внук, все они поздоровались со мною и поговорили ласково, а мне то, их бывшей слуге, это очень дорого и памятно.

Хотя я чувствовала себя утомленно, от домой ходьбы, но я весело и радостно возвратилась домой, и обрадовала своих ребятишек, присланными для них доброю Госпожою, в гостинец яблоками.

Да, благословит Господь Бог эту Добрую Госпожу, и да обрадует ее и ее близких, Своею Великою Милостью, Пошли Господи ей душевное спокойствие и доброе здоровье.

Комментарии

1. Предположительно, речь идет о семье Константина Карловича Гернета (1844 – после 1914), русского военного и общественного деятеля. В 1882 г. он был назначен заведующим Императорским Зимнем дворцом. С 1883 г. исполнял обязанности управляющего Главным дворцовым управлением. В 1891 г. произведен в генерал-майоры и назначен начальником Гатчинского дворцового управления.

2. На рубеже XIX–XX вв. в среде российского дворянства формируется идеал «ответственного материнства». Жены и матери – представительницы высшего сословия, активно включаются в заботу о собственных детях.

Значительную роль в смене жизненной модели поведения сыграли материальные факторы. С отменой крепостного права во многих семьях, при отсутствии финансов для найма полного комплекта прислуги, приходилось ограничиваться либо «одной прислугой», выполнявшей все функции, либо брать одну «специализированную». В любом случае, всё, что не успевала/не делала прислуга, выполняла сама хозяйка. Однако, не следует при анализе феномена «новой дворянки» обходить стороной и нематериальные факторы. Лозунг «ответственного материнства» нашел широкую поддержку среди вполне обеспеченных дворянок, которые не хотели полностью или частично перепоручать воспитание своих детей приходящей прислуге. Они оценивали материнское служение как гражданский долг, как деятельность на благо страны. Медленно, но верно общественное мнение менялось, одобряя личное участие дворянок в выполнении домашних обязанностей и, стимулируя желание женщин, вне зависимости от дохода, выполнять те или иные работы, прежде всего связанные с уходом за собственными детьми.

[См.: 5; 7; 8; 15]

3. В России второй половины XIX в. считалось, что больница предназначена исключительно для бедного населения. Обеспеченные лица приглашали врача на дом. В домашних условиях лечили инфекционные заболевания, совершали операции, принимали роды. Пожалуй, только психические расстройства становились причиной отправки имущих в специализированное лечебное заведение, да и то семья, как правило, стремилась вывезти душевнобольного в иностранную клинику. Некоторое изменение в отношении обеспеченного населения к стационарной медицинской помощи произошло в начале XX в. По мере роста больничной сети врачи, особенно служившие в частных клиниках, стали предлагать госпитализацию и своим имущим пациентам. В городской же больнице представители элиты могли оказаться лишь в результате несчастного случая на улице. Так, в 1913 г. в

Петропавловскую больницу С.-Петербурга был привезен на автомобиле получивший серьезный перелом гласный городской думы [См.: 8; 19].

4. Придворная каменноостровская церковь во имя рождества Иоанна Предтечи располагалась у Строганова моста на Каменноостровском проспекте. Храм был освящён 24 июня 1778 г. В советское время, с марта 1938 г., был закрыт. Осенью 1990 г. возвращён верующим.

5. В дворянско-интеллигентской среде пореформенной России требования и правила проведения обряда крещения значительно отличались от норм, принятых у представителей низших сословий. Никто не торопился крестить ребенка сразу после рождения. Мероприятие проводили, когда младенцу было уже несколько недель, а то и месяцев. Сам обряд осуществляли на квартире у родителей, куда приезжали священник и крестные. Нередко в число последних приглашались малознакомые родителям высокопоставленные лица и даже члены императорской фамилии. В этом случае место крестного занимал «местоблюститель», но официальным восприемником записывался выбранный, но отсутствующий человек [8].

6. Домашняя прислуга, обязанность которой требовала «постоянно быть под рукой», проживала в одной квартире, реже в одном доме, со своими хозяевами. В то же время выделить слугам отдельную комнату при существовавшей, особенно в столице империи, «квартирной дороговизне» могли только очень обеспеченные господа. Как правило, служанки имели «угол» по месту работы: кухарка – «на кухне, по соседству с печкой или же плитой», няня – в детской, горничная – в гладильне или прихожей. В случае приезда к прислуге гостей их приглашали «в кухню», где они могли некоторое время столоваться из хозяйских запасов и даже остаться ночевать. Недовольство хозяев компенсировалось тем, что долгие визиты случались нечасто, да и пользовались подобной привилегией только опытные служанки, уверенные в том, что хозяева не захотят их потерять [4].

7. Митрофаниевское (Митрофаньевское) кладбище – кладбище в С.-Петербурге, действующее с 1831 г. до середины XX в. Находилось на территории между железнодорожными линиями к Балтийскому и Варшавскому вокзалам. В конце XIX в. было одним из самых больших в городе и разделялось на части по вероисповеданиям. В основном на нём хоронили людей низкого и среднего достатка.

8. Сырец (Большой Сырец) – усадьба в Лужском районе. В начале XIX в. Н.Н. Муравьев, основатель Московского общества математиков, объединил Большой и Малый Сырец в одно поместье. С 1839 г. владельцем имения стал его сын, гр. М.Н. Муравьев, видный государственный деятель. Он проводил в имении каждое лето, а с 1865 г. поселился постоянно. При нем был построен господский дом, разбиты фруктовый сад и пейзажный парк, сооружены многочисленные хозяйственные постройки, выстроены школа и церковь Св. Архангела Михаила. При дочери Муравьева – Софье Михайловне и зяте Сергее Сергеевиче Шереметьеве благоустройство усадьбы продолжалось. В 1880-х гг. имение унаследовали их пять дочерей. В 1909 г. они открыли в усадьбе амбулаторию и приемный покой, а в 1910 г. – больницу, при которой действовал местный комитет Российского общества Красного Креста. Его председателем стала Анастасия Сергеевна Шереметьева [16, с. 203–213].

9. Казенный питомец – ребенок, приписанный к Воспитательному дому. В 1772 г. был основан Санкт-Петербургский Воспитательный дом, куда принимались незаконнорожденные дети и подкидыши. На протяжении XIX – начала XX в. судьба принесенного в Дом младенца складывалась следующим образом: несколько дней ребенок находился в грудном отделении (в зависимости от состояния здоровья); затем большая часть детей передавалась на вскармливание в деревни, входившие в состав округов Воспитательного дома (преимущественно на территории Петербургской и Новгородской губерний), часть детей могла оставаться в городе

(либо по состоянию здоровья, либо по наличию особых способностей у ребенка, в результате чего он мог принести пользу Дому). У воспитателей питомец оставался до достижения совершеннолетия (до 21 года); в течение всего этого времени он должен был посещать учебные заведения, расположенные в округах и находившиеся в ведении Дома. До 15-летнего возраста питомца воспитатель-крестьянин получал определенную денежную плату из капитала Дома. В дальнейшем питомец мог быть усыновлен семьей воспитателя, либо уходил из семьи по достижении совершеннолетия и приписывался к крестьянскому или мещанскому сословию [11; 12].

10. Гарибальдийцы – добровольцы-дружинники, сражавшиеся в 40–60-х гг. XIX в. под начальством Гарибальди за освобождение Италии от австрийской власти и за её национальное объединение.

11. Заупокойная лития – особое моление, установленное для поминовения усопших. По сути своей это сокращенная Панихида, читаемая в храмах, домах и на кладбищах, священнослужителями и мирянами.

12. Межконфессиональные браки были обычным явлением в России, особенно в западных районах. В соответствии с законами империи брак православных с инославными христианами дозволялся при соблюдении двух обязательных условий: во-первых, брак считался действительным только в случае венчания его православным священником по правилам этой религии. Дополнительное совершение обряда в другой христианской церкви было возможно, но сам по себе такой акт (допустимый лишь как вторичный) никакой законной силы не имел. Во-вторых, неправославный супруг накануне венчания обязан был представить священнику подписку, в которой обязывался не стеснять представителя господствующей церкви в исповедании им своей веры, а также крестить и воспитывать детей в православии [1, с. 12–13].

13. Мильтон Иоанн (Джон) (1608–1674 гг.) – английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. «Потерянный рай» (англ. Paradise Lost) – эпическая поэма Джона Мильтона, впервые изданная в 1667 г. в десяти книгах. В издании 1674 г. книг стало 12. Поэма описывает белым стихом историю первого человека Адама. Книга переиздавалась огромное количество раз и переведена на многие языки, включая русский. Мильтон написал и продолжение – «Возвращённый рай». Считается, что в обеих поэмах нашли отражение как библейская история, так и бурная политическая жизнь в Англии XVII в. и личная судьба автора.

14. Ямбург – в начале XX в. уездный город на правом берегу р. Луги, в 121 версте от С.-Петербурга. Население – ок. полутора тысяч жителей. Основная форма занятости – сдача жилья в наем для расквартирования войск. С 1922 г. город был переименован в Кингисепп по фамилии эстонского коммуниста Виктора Кингисеппа (1888–1922).

15. Условия получения права на отлучку зависели от сословного положения, рода занятий, гендерной принадлежности. Так, до введения в 1894 г. обязательного «вида на жительство», мужчины привилегированных сословий могли предоставлять в качестве свидетельств «самоличности» самые разные бумаги: аттестаты и указы об отставке, метрические свидетельства, грамоты и свидетельства о дворянском происхождении, паспорта от городских и уездных полицейских управлений. Личность замужней женщины высших сословий могли удостоверить один из документов мужа и метрическое свидетельство о браке. Крестьяне и мещане обязаны были получать отпускные билеты разных типов в случае отъезда за пределы уезда, в котором находилось место их «постоянного проживания». Вдовам выписывались бессрочные паспорта [14; 6].

16. На рубеже XIX – начала XX в. в разных профессиональных группах, в том числе и среди прислуги общественных учреждений, широко действовали различные общества взаимопомощи. Члены кассы, вносявшие в нее взносы не менее года, могли рассчитывать на ссуду или безвозвратное пособие при «исключительных семейных обстоятельствах»: женитьбе, болезни или смерти самого вкладчика, а также его близких, пожаре и т. д. [21].

Список литературы

1. Боровиковский А. Законы гражданские. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1882; 1909. – 862; 960 с.
2. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестн. Оренбургск. гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. – 2018. – № 4. – С. 77–86.
3. Верemenko В.А. «Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354.
4. Верemenko В.А. Городская кухня как социальное пространство в дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. – Т. 3. – № 53. – С. 1187–1200.
5. Верemenko В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». – М., 2013. – С. 241–273.
6. Верemenko В.А. «Лицо с видом на жительство» (гендерный аспект паспортной системы России конца XIX – начала XX вв.) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – М., 2004. – № 7. – С. 201–242.
7. Верemenko В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX вв. // Уральск. ист. вестн. – 2019. – № 1 (62). – С. 71–78.
8. Верemenko В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – 232 с.
9. Верemenko В.А., Жукова А.Е. «Пролетариат кухни» сражается: способы защиты своих права женской домашней прислужкой в России в начале XX века // Вестн. Рязанск. гос. ун-та имени С.А. Есенина. – 2019. – № 4 (65). – С. 51–60.
10. Жукова А.Е. Образ русской прислуги второй половины XIX в. в воспоминаниях иностранных дипломатов и их жен: «Karosh» // XXIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А.А. Беляева. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 176–179.
11. Зайцева С.В. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX вв.: на примере Санкт-Петербургской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2014. – 204 с.
12. Зайцева С.В. Призрение незаконнорожденных детей в столицах и провинции в середине XIX – начале XX вв. // Столица и провинция: взаимоотношение центра и регионов в истории России: сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верemenko. СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2009. С. 29–33.
13. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 2.
14. Лучинина А.В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) // Вестн. Уральск. ин-та экономики, управления и права. – 2009. – № 3. – С. 78–80.

15. Мицюк Н. А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: Смоленская гор. тип., 2015. – 382 с.
16. Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. – СПб.: Петерб. Писатель; Рус.-Балт. Инф. Центр, 2001. – 349 с.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1362. Д. 71 а.
18. ОР РНБ. Ф. 423. Д. 1434.
19. Рапорт дежурного врача по больнице доктора Александра Ивановича Мальцева и и.о. дежурного-ассистента Полины Федоровны Петрашевской Его Прев-ву господину главному врачу городской Петропавловской больницы // Отчет Петроградского городского общественного управления. – Петроград: Гор. тип., 1915. – С. 144–146.
20. Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. – 2017. – № 1. – С. 77–89.
21. Самарина Л.А., Семенов А.М. Цели и средства касс взаимопомощи для прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. – 2020. – № 12 (168). – С. 93–99.
22. «Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) / публ. и коммент. В.А. Веремченко, В.В. Каминский // История повседневности. – 2017. – № 1. – С. 109–150.

References

1. *Borovikovskii A. Zakony grazhdanskie* [Civil laws]. – St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina, 1882; 1909. – 862; 960 p.
2. *Burlutskaya (Bannikova) E.V. «...Prisluga, kraine zdes' izbalovannaya, zhivet po-svoemu». Domashnie rabotnitsy v provintsii poreformennoi epokhi* ["... The servants, extremely spoiled here, live their own way". Domestic workers in the province of the post-reform era] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. – 2018. – № 4. – P. 77–86.
3. *Veremenko V.A. «Bezvlastnaya vlast'»: status zhenskoj domashnei prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* ["Powerless Power": the status of female domestic servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istorija Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Russian history]. – 2019. – Vol. 18. – № 2. – P. 320–354.
4. *Veremenko V.A. Gorodskaya kukhnya kak sotsial'noe prostranstvo v dvoryansko-intelligentskoj srede Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Urban kitchen as a social space in the noble-intellectual environment of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Bylye gody. Russian historical journal]. 2019. – Vol. 3. – № 53. – P. 1187–1200.
5. *Veremenko V.A. «Dura v doma» – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* ["Fool in the House" – female domestic servant in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Al'manakh gendernoi istorii «Adam i Eva»* [Almanac of gender history "Adam and Eve"]. – Moscow, 2013. – P. 241–273.
6. *Veremenko V.A. «Litso s vidom na zhitel'stvo» (gendernyi aspekt passportnoi sistemy Rossii kontsa XIX – nachala XX vv.)* ["Person with a residence permit" (gender

aspect of the Russian passport system in the late XIX – early XX centuries)] // *Adam i Eva: Al'manakh gendernoi istorii* [Almanac of gender history "Adam and Eve"]. – M., 2004. – № 7. – S. 201–242.

7. Veremenko V.A. *Khozyaiskie zaboty: zhizn' zamuzhnei dvoryanki v provintsi-al'nom gorode Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Household concerns: the life of a married noblewoman in a provincial city of Russia in the late XIX – early XX centuries] // *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. – 2019. – № 1 (62). – P. 71–78.

8. Veremenko V.A., Zhukova A.E. *Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intelligent'skikh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. Monografiya* [Educational practices in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX century. Monograph]. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2020. – 232 p.

9. Veremenko V.A., Zhukova A.E. «Proletariat kukhni» srazhaetsya: sposoby zashchity svoikh prava zhenskoi domashnei prislugoi v Rossii v nachale XX veka [Kitchen proletariat fights: ways to protect their rights by female domestic servants in Russia at the beginning of the XX century] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. – 2019. – № 4 (65). – P. 51–60.

10. Zhukova A.E. *Obraz russkoi prislugi vtoroi poloviny XIX v. v vospominaniyakh inostrannykh diplomatov i ikh zhen: «Karosh»* [The image of the Russian servants of the second half of the XIX century in the memoirs of foreign diplomats and their wives: "Karosh"] // *XXIII Tsarskosel'skie chteniya. Materialy mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. A.A. Belyaeva* [XXIII Tsarskoye Selo readings. Materials of the international scientific conf. / ex. ed. A.A. Belyaeva]. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2019. – P. 176–179.

11. Zaitseva S.V. *Deyatel'nost' gosudarstva i obshchestva v oblasti organizatsii prizreniya nezakonno-rozhdennykh detei v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: na primere Sankt-Peterburgskoi gubernii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [The activity of the state and society in the field of illegitimate children charity organizing in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: on the example of the St. Petersburg province: candidate of historical sciences' thesis]: 07.00.02. St. Petersburg, 2014. 204 p.

12. Zaitseva S.V. *Prizrenie nezakonno-rozhdennykh detei v stolitsakh i provintsii v seredine XIX – nachale XX vv.* [Charity of illegitimate children in capitals and provinces in the middle of the XIX – early XX centuries] // *Stolitsa i provintsiya: vzaimootnoshenie tsentra i regionov v istorii Rossii: sb. materialov Vseros. nauch. konf. / otv. red. V.A. Veremenko* [The capital and the province: center and regions' relationship in the history of Russia: collection of materials of the all-Russian scientific conf. / ex. ed. V.A. Veremenko]. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2009. P. 29–33.

13. *Institut russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk* (IRLI RAN). (Pushkinskii dom). F. 15. D. 2.

14. Luchinina A.V. *Pasportnaya sistema dorevolyutsionnoi Rossii (istoricheskii obzor)* [Passport system of pre-revolutionary Russia (historical review)] // *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law]. – 2009. – № 3. – P. 78–80.

15. Mitsyuk N.A. *Rozhdenie materi: subkul'tura materinstva v vysshikh sloyakh obshchestva industrial'noi Rossii* [Birth of a mother: the subculture of motherhood in the upper strata of industrial Russian society]. – Smolensk: Smolenskaya gor. tip., 2015. – 382 p.

16. *Murashova N.V., Myslina L.P. Dvoryanskie usad'by Sankt-Peterburgskoi gubernii. Luzhskii raion* [Noble estates of the St. Petersburg province. Luga region]. – St. Petersburg: Peterb. Pisatel'; Rus.-Balt. Inf. Tsentr, 2001. – 349 p.

17. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)*. F. 1362. D. 71 a.

18. *OR RNB*. F. 423. D. 1434.

19. *Raport dezhurnogo vracha po bol'nitse doktora Aleksandra Ivanovicha Mal'tseva i i.o. dezhurnogo-assistententa Poliny Fedorovny Petrashevskoi Ego Prev-vu gospodinu glavnomu vrachu gorodskoi Petropavlovskoi bol'nitsy* [Report of the doctor on duty at the hospital, Dr. Alexander Ivanovich Maltsev and acting assistant Polina Fedorovna Petrashevskaya to His Lordship chief physician of the city Peter and Paul hospital] // *Otchet Petrogradskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya* [Report of the Petrograd city public administration]. – Petrograd: gorodskaya tipografiya, 1915. – P. 144–146.

20. *Samarina L.A. «Merzavtsy vse kralli»: vorovstvo sredi domashnei prislugi v Rossii vtoroi poloviny XIX v.* ["The scoundrels stole everything": theft among domestic servants in Russia in the second half of the XIX century] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2017. – № 1. – P. 77–89.

21. *Samarina L.A., Semenov A.M. Tseli i sredstva kass vzaimopomoshchi dlya prislugi v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Aims and means of mutual aid funds for servants in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Klio* [Clio]. – 2020. – № 12 (168). – P. 93–99.

22. *«Ya vyshla zamuzh +za lyubimogo...» memuary O.M. Menitskoi-Zommar (01.03.1874–31.01.1967). Publik. i kom. V.A. Veremenko, V.V. Kaminskii* ["I married my beloved..." memoirs of O.M. Menitskaya-Sommar (01.03.1874–31.01.1967). Public. and com. V.A. Veremenko, V.V. Kaminsky] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2017. – № 1. – P. 109–150.

Кюгельген К.Ф. фон. Усадьба графа Арнфельда. 1821 г.
Государственный Эрмитаж.

URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/02.+drawings/266374>

К статье С. В. Зайцевой

Гоштейн Э. Ж.-М., Лустоно Л.И. Усадьба Манахина. 1833 г.
Государственный Эрмитаж.

URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/04.+engraving/1626945>

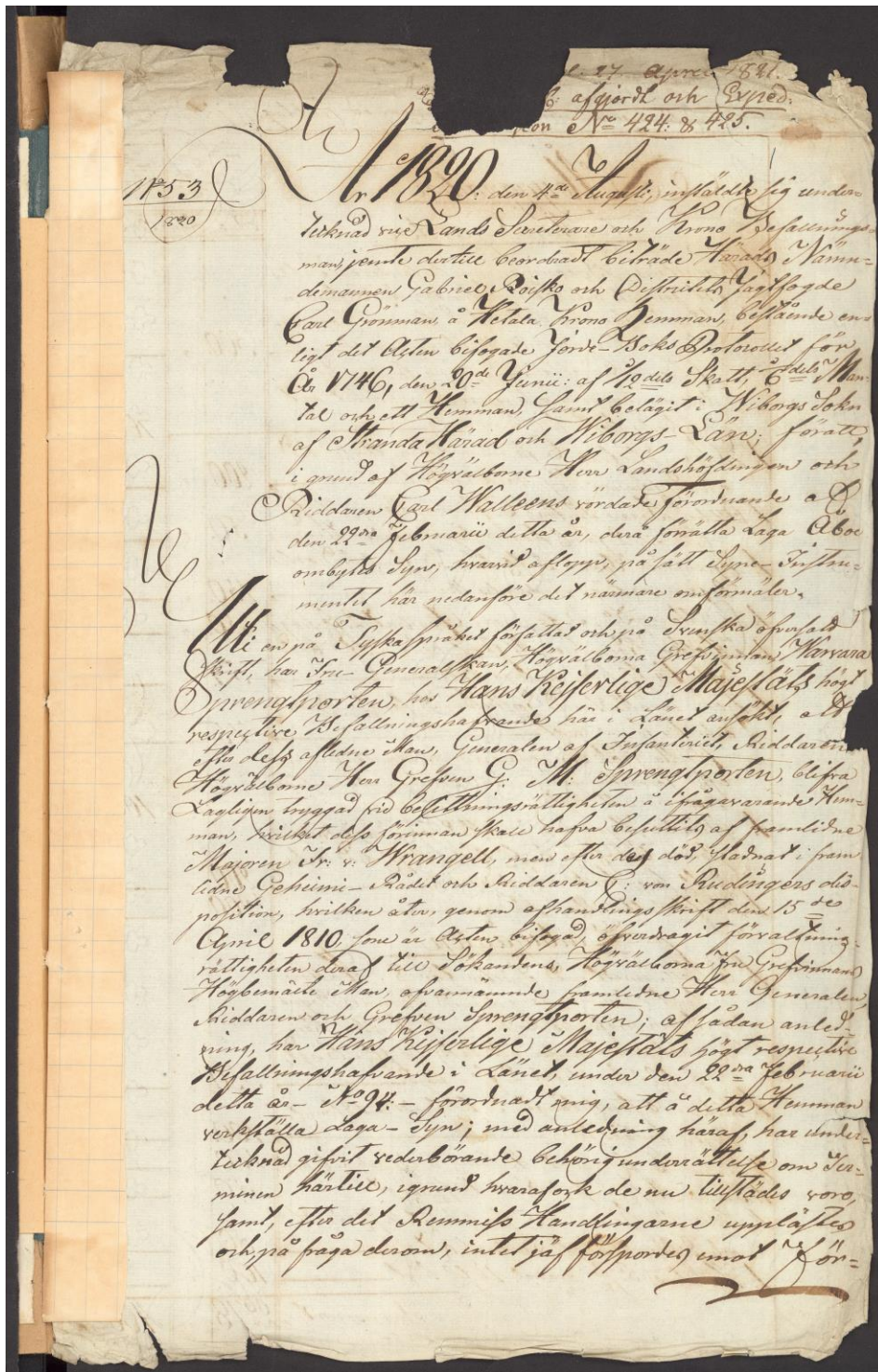
К статье С. В. Зайцевой

Кольман К.И. Три женщины и ребенок на веранде. 1831 г.
Государственный Эрмитаж.

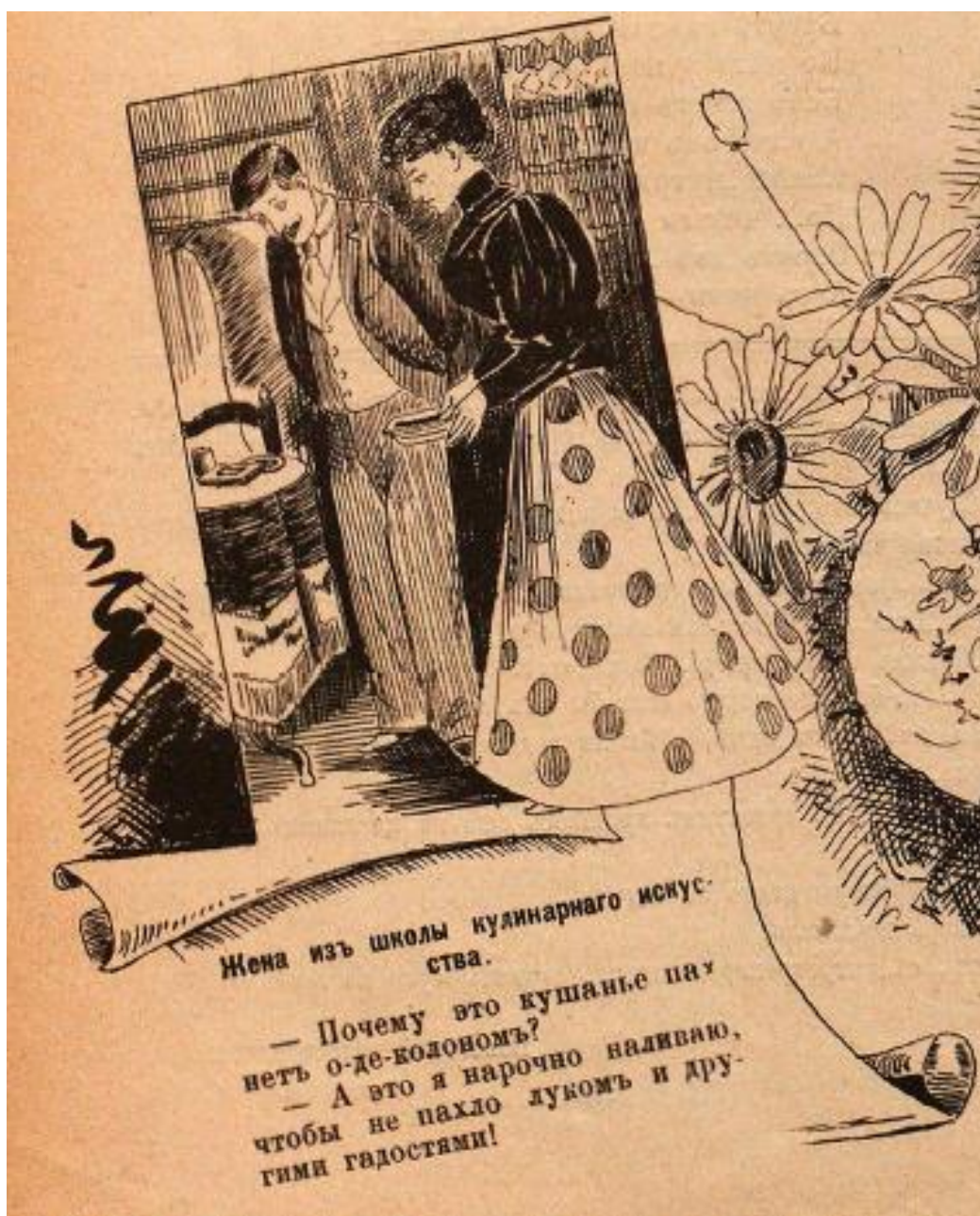
URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/02.+drawings/2645442>

К статье С. В. Зайцевой

Сведения об имении Хиетала на территории Выборгской губернии.
Усадьба принадлежала Г.М.Спренгтпортену (на шведском языке).
ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 787. Л. 1

К статье С. В. Зайцевой

Развлечение. 1896. № 6. С. 8

К статье В. А. Веремко

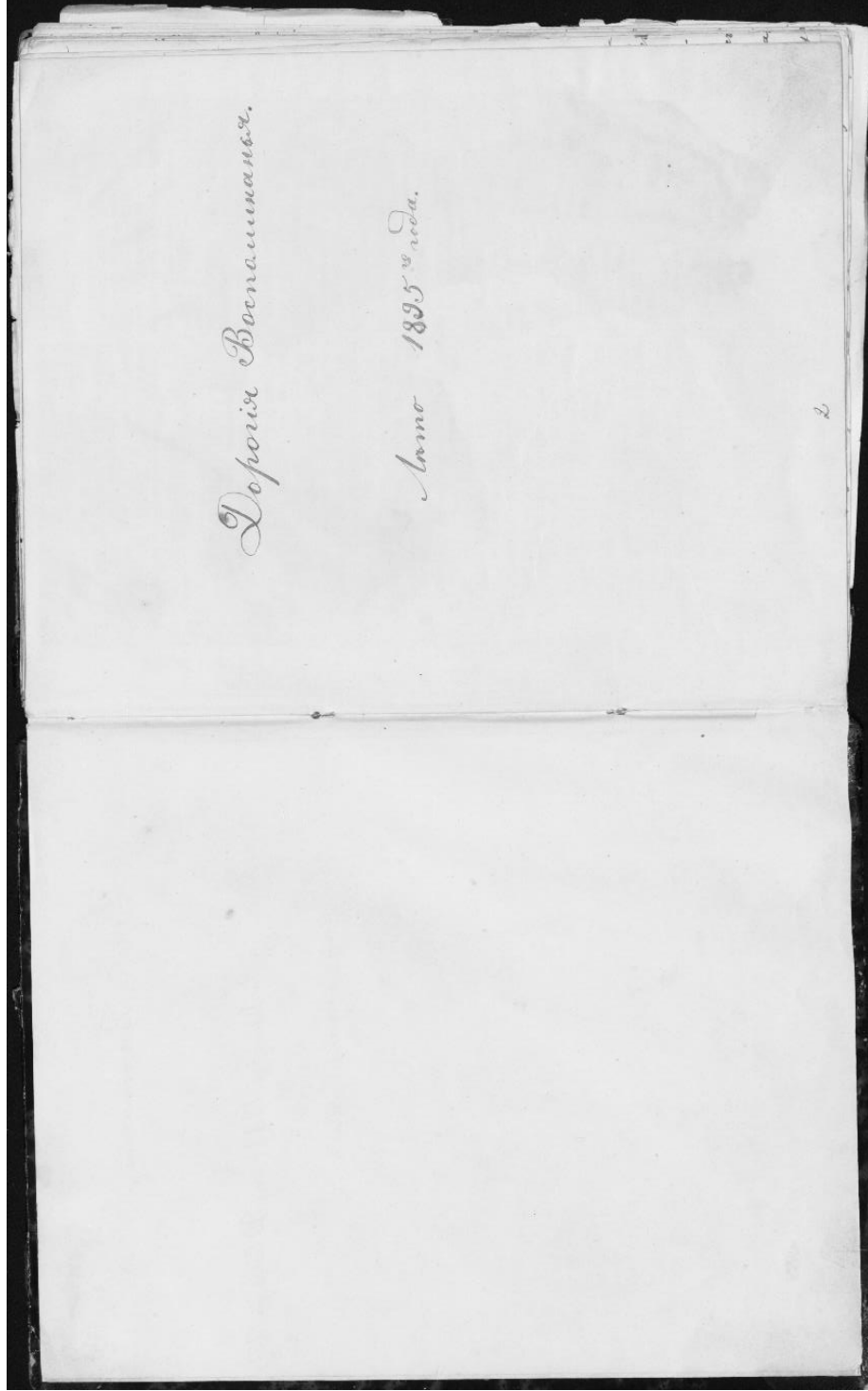
Развлечение. 1897. № 7. С. 5

К статье В. А. Веремenco

Развлечение. 1897. № 9. С. 12

К статье В. А. Верменко

ОР РНБ. Ф. 423. Д. 1434. Л. 2. Титульный лист воспоминаний Марии Скудре.

Мария Скудре. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.

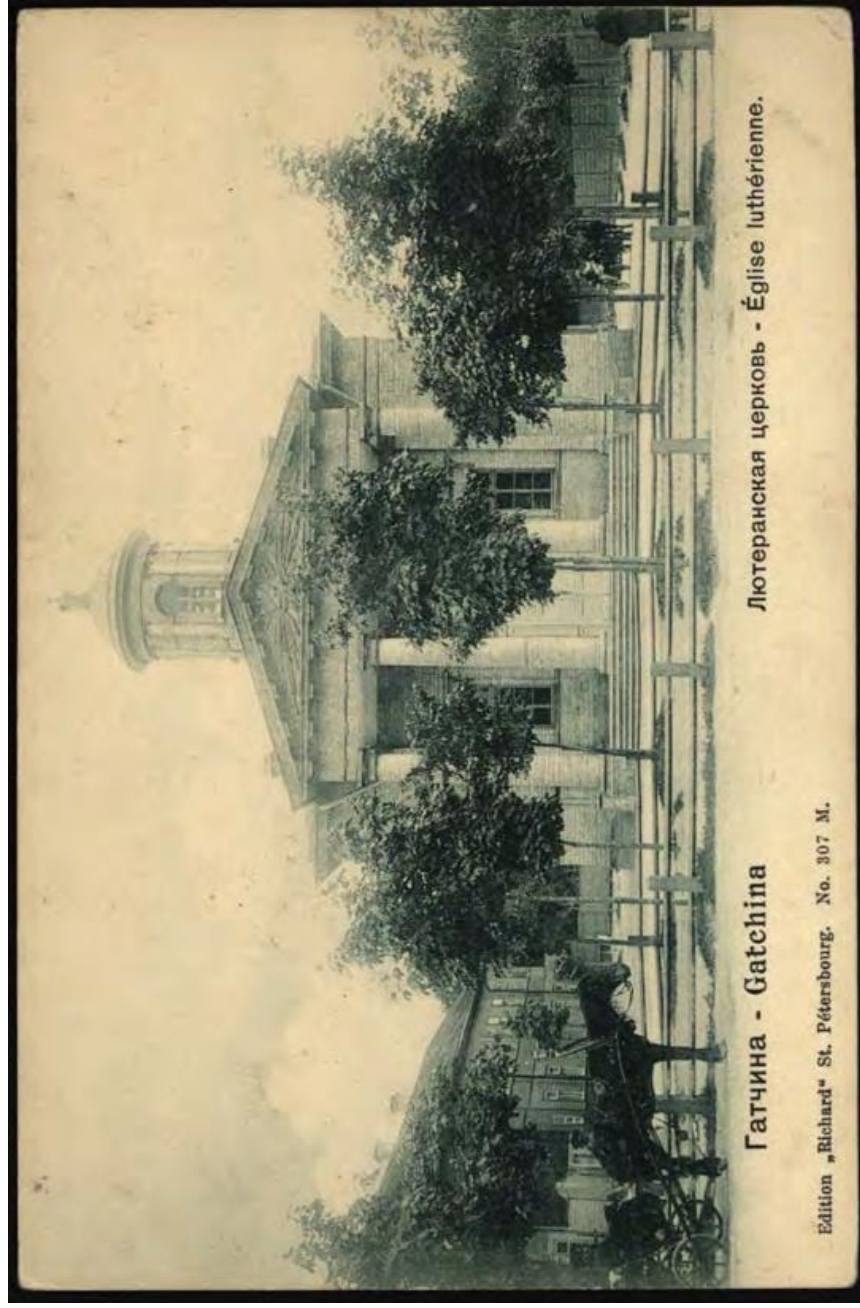
Дорогие Воспоминания.

Во время тихий вечер, я сидела в маленьком садике около дома, с руками в карманах, прислушиваясь за своим маленьким садиком, к тому же мне нравилось слышать звуки фортепьяно. Я слышала, как кто-то играл на пианино в соседней комнате. Я слышала, как кто-то играл на пианино в соседней комнате. Я слышала, как кто-то играл на пианино в соседней комнате.

Дорогие воспоминания, я сидела у камина в саду и смотрела на огонь. Я слышала, как кто-то играл на пианино в соседней комнате. Я слышала, как кто-то играл на пианино в соседней комнате. Я слышала, как кто-то играл на пианино в соседней комнате.

ОР РНБ. Ф. 423. Д. 1434. Л. 6. Из воспоминаний Марии Скудре.

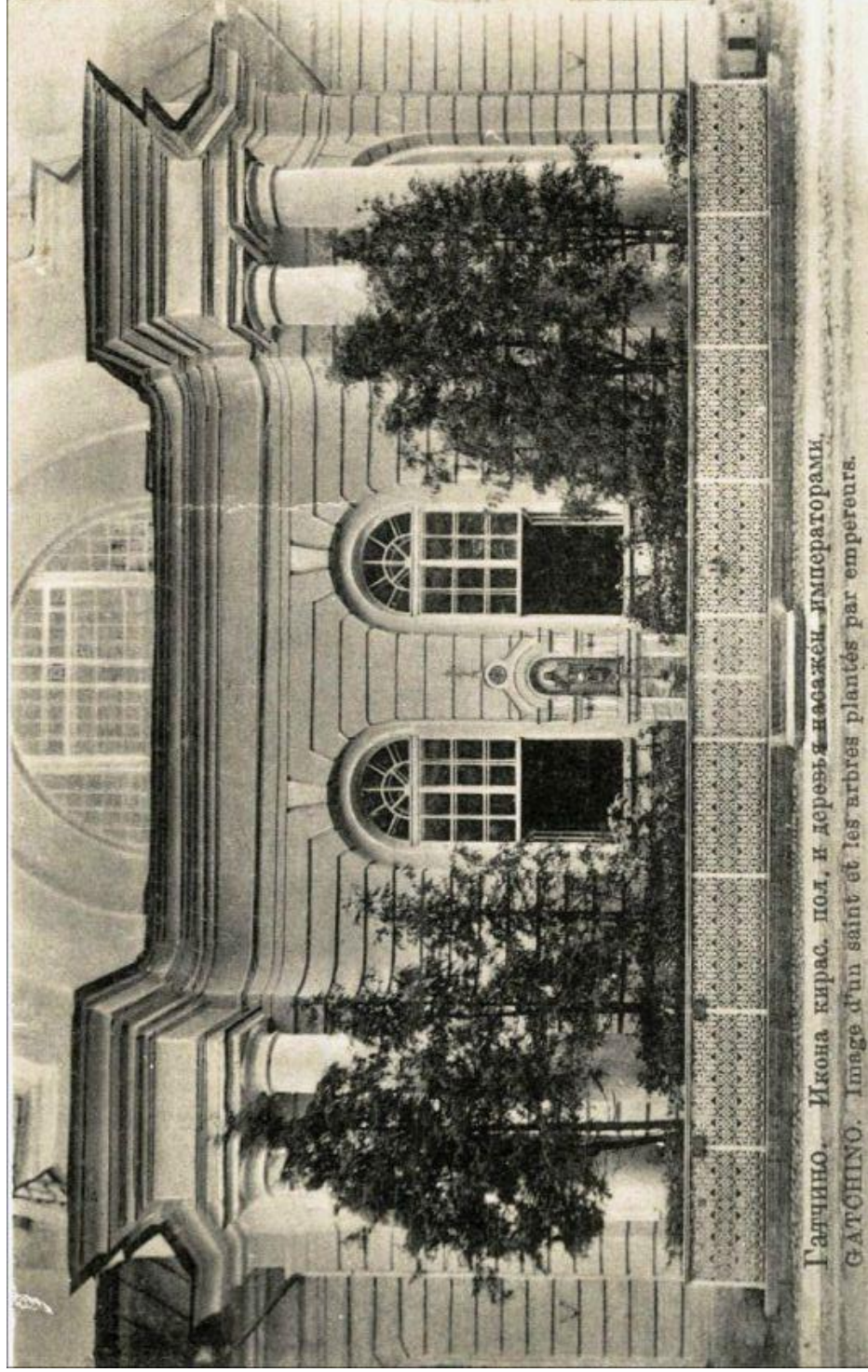
Мария Скудре. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.

Гатчина. Лютеранская церковь = Gatchina. Église luthérienne. Санкт-Петербург: Ришар, [между 1900 и 1904]. Фототипия; 9 x 14 см.

Из коллекции Российской национальной библиотеки: https://primo.nl.ru/primo-explore/fulldisplay?vid=07NLR_VU1&docid=07NLR_LMS010114363&context=L&search_scope=default_score

Мария Скудре. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.

Гатчино. Икона кирас. пол. и деревья насажен. императорами.
GATCHINO. Image d'un saint et les arbres plantés par empereurs.

Церковь Св. Николая Чудотворца лейб-гвардии Кирасирского полка. 1900-1915, Гатчина.
Изображение в открытом доступе на сайте: <https://pastvu.com/p/502000>

Мария Скудре. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.

Открытое письмо — Гатчино. Вид в парке. Всемирный почтовый союз. Россия, издание «Ришарь», № 18, Ст. Петербург.
Из коллекции МБУ «Музей города Гатчины»: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21117597>

Мария Скудре. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 марта 1902 г.

Сведения об авторах

Баринов Дмитрий Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: barinovdima1990@yandex.ru. ORCID 0000-0003-3592-8557

Вереманко Валентина Александровна, доктор исторических наук, проф., зав. каф. Истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru. ORCID 0000-0002-5217-5609

Дубинин Игорь Владимирович, библиотекарь, Динский механико-технологический техникум; председатель, Динское районное отделение «Российского общества историков-архивистов», станица Динская, Краснодарский край, РФ; e-mail: titlo@mail.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна, младший научный сотрудник, научно-образовательный центр исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; ORCID 0000-0002-8656-9788

Зайцева Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: svlanaz@yandex.ru. ORCID 0000-0003-4121-0867

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент 1 кафедры, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко. Краснодар, РФ; e-mail: IIG23@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3820-3642

Мельникова Дарья Андреевна, лаборант-исследователь, научно-образовательный центр исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. ORCID 0000-0001-8552-4185

Митлина Юлия Витальевна, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: jmitlina@gmail.com

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: s-irina@yandex.ru. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

About Authors

Barinov Dmitrii A., Candidate of Historical sciences, Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science; e-mail: barinovdi-ma1990@yandex.ru. ORCID 0000-0003-3592-8557

Dubinin Igor' V., librarian of the Dean Mechanical and Technological College. Chairman of the Dinsky district branch of the "Russian Society of Historians and Archivists", the village of Dinskaya, Krasnodar Territory, PΦ; e-mail: titlo@mail.ru

Ivantsov Igor' G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the 1st Department, Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko. Krasnodar, PΦ; e-mail: IIG23@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3820-3642

Mel'nikova Dar'ya A., research assistant, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; ORCID 0000-0001-8552-4185

Mitlina Yuliya V., master's student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: jmitlina@gmail.com

Sinova Irina V., doctor of historical Sciences, associate Professor, Department of international relations, history and political science, St. Petersburg state economic University; e-mail: s-irina@yandex.ru; ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, Russian Federation; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru. ORCID 0000-0002-5217-5609

Zaitseva Svetlana V., candidate of historical sciences, associate professor of the department of Russian history, Pushkin Leningrad State University; e-mail: svlanaz@yandex.ru. ORCID 0000-0003-4121-0867

Zhukova Anastasiya E., junior Researcher, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University. ORCID 0000-0002-8656-9788

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vospitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (18)

На обложке размещена репродукция картины
Э. Ж.-М. Гоштейна, Л. И. Лустоно «Усадьба Манахина», 1833 г.,
Государственный Эрмитаж

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 24.06.2021. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Agial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1730

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10